

[Polaris]

ВНЕЗАПНЫЙ

УДАР

Фантастическая повесть войны
в Западной Европе

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXI

Salamandra P.V.V.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

**Фантастическая повесть
войны в Западной Европе**

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Внезапный удар: Фантастическая повесть войны в Западной Европе (Факсимильное издание). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 47 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXI).

В издание вошла фантастическая повесть неустановленного (по-видимому, британского) автора «Внезапный удар», опубликованная в рижском эмигрантском журнале «Для вас» в конце 1939 – начале 1940 г. Эту повесть можно назвать типичным образцом военной фантастики тех лет. Но было и нечто необычайное: журнал начал публиковать «Внезапный удар» спустя всего лишь несколько дней после того, как в Европе загрохотали нефантастические, а реальные пушки Второй мировой войны...

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

Фантастическая повесть войны
в Западной Европе

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЬ
войны в Западной Европе.

«ТРИ ПРИЯТЕЛЯ».

Капитан королевской авиации Артур Уйтлей, удобно расположившись в коконе кресла у каминя, медленно потягивая из стакана виски, рассматривал последний иллюстрированный авиационный журнал.

На его узком породистом лице было выражение скучи. Из соседней комнаты доносились говоры и стук бильярдных шаров. Прямо против капитана на стульях в ветхих сумраках поблескивала длинная, узкая мраморная доска с именами чинов полка, погибших во время войны: над именем Фландрии, над Рейном, вдалеке Рейна, в Месселоттим, над Гималаями.

Сколько жертвенности, любви к родине и подвигов талии в себе имена героев, написанные золотыми буквами!

Справа и слева в высоких стеклянных витринах хранились призы, добывшие офицерами во время авиационных состязаний.

Целование каблучков за спиной заставило обернуться капитана Уйтлея. На пороге, занимая почти целиком дверь, стоял улыбающийся Арчи Мак Скотт, молодой лейтенант аэрофлота, отъявленный летчик и большой приятель капитана. Трудно было поверить, смотря на этого сорванца заспорившего со мхоматниками бровями, что ему всего лишь 23 года. Окошки только три года тому назад авиационную школу, Мак Скотт уже успел зарекомендовать себя, как талантливый командир, терпеливый учитель и хороший товарищ, — он умел работать, а отдахи веселились. Как и бы хорошо ни шла работа в его группе, гиенический шотландец не был доволен. Ему все казалось, что у других лучше. Тамерланович ему служил и в отдельных случаях с товарищами, он в работе был склонен к выдергиваниям. Единственно, чего не терпел Мак Скотт, это стремление доказать, что из воздуха может быть что-либо более полезное, чем хороший быстродействующий бомбардировщик. Товарищи знали эту слабость лейтенанта и частично называли его «старшим офицером».

Увидев подмешку в Маке Скотта портфель, капитан порвал, что опять у лейтенанта родились какие-нибудь мысли о том, чтобы явился в соборе, чтобы поймать кого-либо из старших офицеров.

— Что, опять чмы! — набуду поддевлено, Арчи? — спросил капитан, поднимаясь с кресла, протягивая руку лейтенанту.

— Нет. Но пойди, Артур, какое безобразие! сейчас я разговариваю с лейтенантом Энджером, который мне заявил, что бомбардировщик беззащитен, бомбозовы первые жертвы истребителя, как голубя в коттхах кормушках.

Ты понимаешь?

В голосе Мака Скотта звучала обида.

— Подожди, не горячись! Во — первых я ничего не понимаю!

— То есть, как же ты понимаешь? Энджер считается одним из лучших специалистов, и если даже он не заявляет это, то я начинаю действительно сомневаться в достоинствах бомбозова.

— Арчи, послушай, истребители, как и бомбозовы имеют свои достоинства, — начал спокойно капитан. Уединившись в кресле... — Разберем... Современный истребитель обладает огромной скоростью, но эта скорость теперь уже теряет свое преимущество, ибо перед летчиком возникает целый ряд трудностей. Правда, истребитель теперь значительно лучше вооружен, чем во время Великой войны. Но так ли это? Пусты тепловидный пулемет выбрасывает патроны тысячи пуль в минуту, но ведь раньше со скоростью 250 километров в час летчики наводили огонь с 300 метров и везли его до дистанций в 40—50 метров, а некоторые самолетчики подходили даже к 15—20 метров, но боясь столкновений. За это время они успевали выпустить из каждого пулемета по сотне патронов. У них было време четьре, пять секунд. А теперь? Атаки бомбозова на 400—500 метров, т. е. на мало — малы благоприятную дистанцию огня, нужно уже выходить из атаки, иначе можно столкнуться с атакующим бомбозовом. Чтобыбежать разстояние в 600 метров, летчику — истребителю требуется одна секунда, т. е., по успеху наводить пулемета, когда уже нужно начать стрелять. За это время из ствола может выплыть не больше двадцати пуль и это придвоее возрастшей скорострельности...

По мере того, как говорил капитан, лицо Арчи свело.

— Подожди, вот еще одна последняя бомба Энджера: истребитель всегда будет иметь преимущество во высоте перед всеми нынешними типами аэропланов. Презосход-

Печатаемая ниже фантастическая повесть войны на запад Европы была написана нынешними месяцами тому назад, тьмы не меньше автора в общих чертах угадать ход нынешних событий. Бы увлекательной формой с большими знаниями для передачи она фантастический налет английской эскадрильи на германскую территорию. Принимая во внимание достоинства современной военной техники, подобный налет вполне возможен. Нынешняя глава этой захватывающей повести посвящена прорыву линии Мажино. Полны драматизма описания стоявших величайших армий мира, на землю, в воздух и на море. В основу всей повести автор взял принцип внезапности, на которую, наше известно, сиждется теперь вся современная военная стратегия.

штво его потолка оставлять за нимни мниципиум выбора времени и позиций!

Чтобы окончательно разогнать сомнения впечатлительного друга, Уйтлей сказал:

— И это тоже неизвестно! Крикнув въ графике высоты боевых машин, бомбозова и истребителя не расходятся, а сходятся, и разница в потолках является относительно меньшей. Во время Великой войны истребитель подымал значительно выше бомбозова, но теперь эта разница составляет всего лишь двадцать пять процентов. Как видишь, даже техническое преимущество истребителя достигло с каждым днем все меньше. Штабные любят говорить, что высота зависит от мотора, но на самом деле зачастую мотора легче бороться, чьи-то недостатками человеческого организма.

— Пожалуй, ты прав! Я недавно видел аппарат, который изъял из четырехдневной пропадки высоту и удивился, что инструктора не позабылись об удобстве летчика, а сходит, и разница в потолках является относительно меньшей. Во время Великой войны истребитель подымал значительно выше бомбозова, но теперь эта разница составляет всего лишь двадцать пять процентов. Как видишь, даже техническое преимущество истребителя достигло с каждым днем все меньше. Штабные любят говорить, что высота зависит от мотора, но на самом деле зачастую мотора легче бороться, чьи-то недостатками человеческого организма.

— Ну, это же критерий! Для тебя нужна не дыра, а пыль кратера!

Мак Скотт нахмурился. Уйтлей задумал его большое място: размеры, весь и силу. К счастью, из этого момента извлекли коммюнике лейтенанта О'Каленчел, высокий крылатый склонивший голову молодой человек. На его красной темной форме летчика поблескивали распластанные крылья эмблема — пилота, а красные каптины выпушка горючими, что они принадлежали к эскадрильи истребителей, т. е. то, что было, которых так не любил Мак Скотт.

— Алло! Спорите! Я слышал, что у вас даже в свободное время идут разговоры о достоинствах твоих и других аппараторов.

— Вот итоги, что ты принес, Тади? Тут у нас с Маком Скоттом идет спор. Как истребитель, ты лучше других можешь разрешить сомнения нашего магната Арчи!

— Арчи... и сомнения? — размылся О'Каленчел, хватая подмыкнув капитану. — Рыжее зульице! Но ей-богу, у меня нет никакого настроения в свободное время заниматься дискуссией. Но — мому, куда весяще поговорить, но это бы, о предстоящем былое поездки авиационного праздника. Послушай, Арчи, мисс Эллен, падбюс, почтить своим присутствием наши боли?

Арчи покрасел, знал, что все его товариши великолепно сбываются о том, что он первым вынужден был к долгу командира десантной авиационной дивизии, красавицы Эллен.

— Не знаю право, может быть и будьте! Всё последний раз, когда я ее видел, она сказала, что ей будет интересно посмотреть, как это вышло Тади побить рекорд высоты, к которому, говорят, она успела готовиться.

Эта недовольная стрела, брошенная по адресу О'Каленчела, была лишь со стороны Мака Скотта за «красавицу Эллен».

В авиационных кругах за последние время много говорили о новой фантазии лейтенанта О'Каленчела, этого самого безумного офицера королевской авиации. В течение трех месяцев он аккуратно тренировался на аппарате, купленном на деньги от продажи имения, полученного в наследство от умершей тетки.

Получив от своего командира эскадрильи отпуск, Тади

окружил себя тайной, тренируясь на мадленском аэродроме в глуши провинции.

— О том, поставил ли я рекорд, или нет, — сказал немецкий эскадрилья О'Каленчел, — покажет ближайшее будущее. Как тебе, так и мисс Эллен и рекордную засталистись терпимием! До праздника остался всего лишь один день.

— Бросьте ссориться, — вмешиваясь в разговор, сказал капитан. — Прага не стоит...

РЕКОРД ЛЕЙТЕНАНТА О'КОННЕЛА.

Напрасно подсматривались друзья над Тади О'Коннелем, не въя в серьезность его подготовки побить мировой рекорд высоты.

Взявшись отпуск, Тади поселился в провинции у старого приятеля его отца. Там он целые дни пропадал на аэродроме. Помимо всего, он установил для себя суровый режим, для того, чтобы не утомляться полетом.

Долгий утренний залетчик, которым его морила долгая миссия Мари, также давал себе знать болью в желудке при полете. Тади ржался, совсем не есть, но стало еще хуже: на большой высоте голова усиливалась до рыва. Наконец, он нашел въяную порцию. Желудок стал вести себя отлично.

Вине Тади изгнал. Оно было не только лишним, но даже вредным. О'Коннелль прокричал это на себя. Каково зеверчом вмѣстъ съ миссью Мари и ек мужем выпил бутылку вина. На утро пошел въ барокамеру. На «высоту» ему стало не по себѣ, загружалась голова, появилась тошнота.

Нѣт, нѣт, долой вино. Опь строкайся выдерживать режим. И вот удивительно: то, что теоретически казалось очень труднымъ, вѣсти размѣренный образъ жизни, не посыпать клочья, не играть въ бридж, не бывать на фабрикахъ, да дѣлъ вышло не только просто, но даже приятното.

Его маленький аппаратъ былъ послѣдней мозолью. Но когда онъ рѣшилъ начать подготовку для того, чтобы побить рекордъ высоты, пихнулся бороться за кашдий метръ. Теоретические потолки его аппарата были 12.000 метровъ, но дѣлъ же опь никакъ не могъ выйти сълѣ 11.000... Но у Тади была уверенность въ томъ, что если сдѣлать все какъ передали и облегчить машину, можно добиться многаго.

Мадо на мадо онъ ободралъ машину такъ, что если бы въ нее чо — инбудъ заглянулъ, то не узналъ бы. Нашъ съ тяжелымъ предметомъ, онъ вскорѣ донесъ до того, что стала выбрасывать предметы, вѣсившіе 20—30 граммовъ. Оказалось, что безъ этихъ вещей можно отлично обходиться. Казалось бы недалъ, — какъ безъ нихъ летѣть? А Тади и тѣ вытащилъ. Груши управления на поясню отыскали. Какъ будто даже удобнее стало. Тади проѣзжалъ эти «мыши», не разъ удивлялся, почему гравъ не этичъ не занялъ.

Такъ, постепенно облегчая машину, О'Коннелль доехъ ее до того, что безъ мадо остался одинъ скелетъ. Зато она гѣзла на 13.000 метровъ. Но Тади знать, что итальянцы уже забрались на 14.000, а за ними лѣзи въ французы.

Затѣмъ опредѣль пришла на одежду. Чѣмъ выше забрался Тади, тѣмъ трущіе становились ему. Нужно было привлечь организмъ летать въ скѣлѣнѣ. Но и это ему удалось. Теперь Тади свободно подымался на своемъ скелете уже на 16.000 метровъ.

Позомъ, сегодня, 8 сентябрь. Тади былъ уверенъ, что на празднѣнїи възможна ему удастся побить и французы, и итальянцевъ.

Утромъ, по заведенному давно уже привычку, высокото изъ подъ душа, лейтенантъ Кристофоръ мозжитъ по лотенцемъ. Постъ массажа тѣло сдѣлалось скѣлѣнѣ въ мадомъ. Быстро сбѣжалъ въ столовую, онъ вскорѣ выпилъ како и уже въ прихожей умылся лѣвой стороны. Попойдя къ двери, онъ раскрылъ ее и г҃вѣзжалъ, какъ на итальянскомъ стулѣкѣ его любимица, дочь миссисъ Мари. Кэти, пытавшись рученками дотянуться до звонка. Ульдѣвъ лейтенанта, лѣвочку умыбнулась.

— Кто, что ты зѣбъ дѣлалъ?

— А во сколько часовъ ты пойдешь на полетъ?

— Черезъ полчаса!

— Ну, вотъ, я такъ и знала, а мама еще спитъ...

АВИАЦИОННЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Несмотря на довольно ранній часъ, дороги аэродрома

* Герметическое стальное помѣщеніе, въ которомъ внутрь выкачивали воздухъ можетъ быть создано разрѣзомъ, соответствующимъ определенной высотѣ въ атмосферѣ.

были забиты автомобилями. Тогда пришлося то и дело останавливаться на перекрестках и потерять около часа времени на улицах города, пока удалось выбраться на окраину.

По синему августовскому небу бѣжали рѣдкій разорванные облака. Мягкие лучи осеннаго солнца ласкали зеленую траву аэродрома. Трибуны были бытком набиты зрителями. Въ королевской ложѣ, внимательно сидѣя за подиумомъ, сидѣлъ король, королева и младый принцессы.

Праздникъ удался. Столъ несмолкаемый пышнѣ рукошкѣ, какъ будто летчики могли ихъ слышать сквозь ревъ своихъ моторовъ.

Толпа на минуту замолчала, когда громкоговорители гозмѣло, что сейчасъ будешь стартовать лейтенантъ королевской авиации О'Коннелль, который попытается побить мировой рекордъ высоты.

Въ первомъ ряду ложѣ была въ покрасневшей ладони Коти.

— Хлопайте же, пожалуйста, — сердито кричала она охранникамъ. — Сейчасъ дади Теди полетѣтъ.

Таки не замѣчай времени. Его внимание было приковано къ приборамъ. Все ило отличнѣ. Земля давно уже превратилась въ каѣту съ потускѣвшими красками, подернутыми голубой дымкой. Рѣдкія облака блестѣли далеко внизу. Появилось обычное ощущеніе кривизны земной поверхности. Представленіе о земѣ, какъ плоскости, исчезло каждый разъ, когда онъ переходилъ за предѣлы тридцати тысячъ метровъ.

Стрѣлка алтиметра медленно ползла въ четырнадцати тысячахъ. Подъемъ сдѣлалъ очень медленнымъ.

Лейтенантъ почувствовалъ тину поющуя болѣ. Казалось, тѣлъ ногу вѣснули въ очень узкій сапогъ съ неподвижными голенищами. Надѣвавъ мѣховой чулокъ, Теди саникотомъ сильно затянулъ ремешокъ, а онъ, по собственному опыту зналъ, что всякая перетяжка, незамѣтная на земѣ, съ высотой даетъ себѣ чувствовать очень сильно.

Теди хотѣлъ напутиться, чтобы отодвинуть ремень подъ сидѣніемъ. Но для этого нужно было ему сдѣлать значительный усилие: ткань складывалась, наполнившись кислородомъ, прилипала къ тѣлѣмъ сидѣнію и сдѣлалась жестко-твёрдой. О'Коннелль почувствовалъ головокруженіе. Рѣшилъ оставить попытку, но тутъ же для себя зналъ нога.

Нужно было выбирать между нестерпимой болью и головокруженіемъ, которое при малѣйшей неосторожности, при малѣйшемъ сильномъ движѣніи могло перейти въ обморокъ. Но съ каждой секундой болѣ все болѣ усиливались. Теди казалось, что нога раздулась до размѣровъ бутылки.

Стрѣлка алтиметра осталась пройти еще сто метровъ ю рекорда итальянцевъ, когда Теди почувствовалъ, что его силы въ борьбѣ съ болѣю истощаются. Ноигъ горѣла, пламя растеклось по бедру и поднималось все выше и выше.

Стрѣлка алтиметра поднималась отвратительно медленно. Она едва переползла 16.200 и изохота двигалась дальше черезъ бѣлые черточки дѣлений. Казалось, она отсчитываетъ не десятки метровъ высоты, а огненной чертой отмѣчаетъ все дальше и дальше проникающую боль.

Если бы можно было закричать, то кричать было опасно, — силы нужны для управления самолетомъ.

Машинка подохла къ потолку. Все менѣе убѣренными становился полетъ. Малѣйшее движѣніе рулей, самое осторожное, сказывалося застывшимъ аппаратомъ пропорционально. Теди почти обрадовалась, когда, наконецъ, почувствовалъ хорошо знакомые симптомы потолка. Дальше машина не полетѣла.

Стрѣлка алтиметра, вибрируя, заняла «16.300». Теди облегченно перекинелъ аппаратъ въ планированіе.

Трибуны съ нестерпимой жаждой его посадки. Махъ Скотта, прикомандированного къ штабу устроителей праздниковъ, уже несолько разъ поднимался на вышиту, тѣльѣсть устроены микрофоны, чтобы успомонить зрителей, воиновъ, которыхъ изъ видимаго О'Коннелль. Махъ Скотта съ удовольствіемъ обнискалъ, какъ проходитъ полетъ. Онъ употреблялъ техническіе термины, иногда немножко фантазировалъ и чувствовалъ себѣ такъ, точно самъ былъ виновникомъ торжества.

— Алло! Алло! Обратите внимание! Лейтенантъ О'Коннелль планируетъ на посадку. Его аппаратъ находится на высотѣ 16.300. Внимание! Внимание! Черезъ пѣсколько минутъ мы увидимъ результаты полета, — громко объявляли десятки громкоговорителей, заглушили пушкы топли.

Приземлившись, Теди не могъ выѣхать изъ машины. Погода, на нее не было стущинъ. Подхваченный подъ руки друзьями, онъ оказался, помимо собственной воли, на вышѣ передъ микрофономъ.

Махъ Скотта крикнулъ въ микрофонъ черезъ голову Теди:

— Но предварительными данными, лейтенантъ королевской авиации О'Коннелль установилъ новый міровой рекордъ высоты въ 16.300 метровъ.

Зрители радостно закричали ура!

— Сейчасъ О'Коннелль скажетъ пѣсколько словъ. Затѣмъ онъ, по желанию короля, будетъ представлена ей величественность короля и принцессы, — продолжали дальше громкоговорители.

— Я очень радъ, что мнѣ удалось побить рекордъ на английской машинѣ. Чувствую себѣ великолѣпно. Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ старая Англия!

Быть однажды потряслъ воздухъ. Подняты на руки ново-члены, друзья качали его около вышки. Теди радостно улыбалась.

Бѣдно, прежде чѣмъ онъ успѣлъ подойти къ королевской трибунѣ, подъ аэродромомъ насыпалась възвезденная тишина. Гулъ, ясно, такъ, что было слышно даже дыханіе диктора, громкоговорители разносили подъ толпой.

— ...Внимание! Внимание! Вѣльмъ! Вѣльмъ! Сегодня, 18 сентября въ 17 часовъ германскіе эскадрильи перелетѣли границу и бомбардировали промышленные центры страны. Французская авиация вылетѣла на встречу. Послѣ упорного

бою германо-итальянскіе эскадрильи повернули обратно. Правительство его величества короля Англии рѣзко протестовало противъ новой агрессии и предупредило ультиматумъ, который былъ выпущенъ германскимъ правительствомъ его величества короля.

Англия и ее союзники, считаютъ, что только вооруженное сопротивленіе можетъ положить конецъ агрессии Германии. Всѣ пыткы повѣдѣть мирными путемъ на Берлинѣ окончились неудачей.

Англия всегда стояла за миръ и отстаивала дѣло мира! Но теперь она, не боясь угрозы, готова отвѣтить ударомъ на ударъ. Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Англия!

Громкоговорители замолкли. Нѣсколько минутъ продолжалось грохотъ молчаніе. Затѣмъ, въ повторомъ потокѣ звуковъ, въ вторую половину, преслѣдуемыя врагами бомбомёты сбрасывали для облегченія себя куда почтеннѣе. Съ удивительной позывательностью эта картина повторялась во всѣхъ направленияхъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ. Ни одной бризы. Такъ гибельно разработанный планъ былъ разрушено изъ самого началъ:

Я привыкъ видѣть фонъ Беткова во всѣхъ состояніяхъ, но даже не подозреваю, что онъ можетъ такъ быстро менять окраску лица. Любъ его покрасился испариной. Я сунулъ было со стаканомъ воды, но генералъ отшвырнулъ его.

При окончаніи доклада начальника штаба, фонъ Бетковъ не обличалась, крикнулъ:

— Приказъ.

Я едва успѣвалъ стеноографировать:

«Вѣльмъ соединеніемъ, входящимъ въ первый эшелонъ второй волны, быть готовыми къ вылету въ двадцать одинъ часъ сегодня 3 сентября. Въ воздухъ вывести девяносто бомбомётовъ со всѣми сопровождающими частями...»

Фонъ Бетковъ на минуту задумался и решительно приказалъ:

— Третій сводной эскадрѣ быть готовой къ вылету въ 22 часа...

Здесь его перебилъ начальникъ штаба.

— Генералъ, сроки готовности должны быть пересмотрѣны. Претивникъ можетъ пасъ опередить. Мы уже уѣдлились...

Но фонъ Бетковъ не сталъ слушать. Онъ бросилъ взглядъ на часы:

— Я даю вамъ меньше трехъ часовъ, чтобы подготовить къ вылету тысячу пятнадцать тяжелыхъ машинъ. Обѣщать наше не могутъ.

Начальникъ штаба замѣтилъ:

— Но...

Фонъ Бетковъ сказъалъ уже совсѣмъ непріязненно:

— У васъ есть основаніе думать, что и ошибкѣ...

— Здравый разсудокъ, ganzе преосходительство...

— Генералъ, прошу основаній. Понимаете — основаній. Рѣшѣдка дала что-нибудь новое?

— Воздушная разведка прилагаетъ всѣ усилия къ выяснению обстановки, но несетъ напрасныe жертвы. Проникнуть въ расположение противника не удастся. Агентурная разведка работу почти прекратила.

Фонъ Бетковъ раздражено перебилъ:

— Значитъ, ничего нового. Реальнѣе остается только пытать развертыванія, лежащихъ передъ нами. Тогда въ этикѣ придется придумать ночь. Справите сробы, и мы увидимъ, что они не успѣютъ подняться въ воздухъ, какъ будутъ стерты съ лица земли. — упрямо повторилъ онъ и продолжалъ диктовать.

Начальникъ штаба стоялъ на своемъ: сроки вылета должны быть сокращены. Фонъ Бетковъ диктовалъ, не слушая его. Когда проектъ приказа былъ готовъ, онъ снялся по прямому проводу съ главной квартирой. Фонъ Бетковъ долженъ былъ свой проектъ и възраженія начальника штаба дежурному генералу — квартирмейстеру. Старикъ первымъ въ течениѣ тѣхъ пятнадцати минутъ, въ теченіи которыхъ ставка обсуждала положеніе,

Черезъ четверть часа принялъ отѣль. Приказъ утверждался со перенесеніемъ всѣхъ сроковъ въ одинъ часъ раннѣе. Это было нѣкоторой уступкой авторитету начальника штаба, тоже значительно менѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ.

По плану внезапнаго нападенія на Британію аэропланы и Францію, гадаю, германскихъ воздушныхъ силъ сбрасывались изъ насеянія оползняющаго уarda съ въ трехъ параллельныхъ Англійскими промышленными центрами и Лондономъ, были флотъ и французскіе промышленные центры, Парижъ.

Операциоnь на сѣверѣ для бомбардировокъ шотландскихъ острововъ, главной базы флота, пришлось отложить всѣхъ тѣлѣстъ. Главныe нападки на сѣверѣ были отложены изъ необходиности сопротивленія максималмыхъ силъ на главныхъ фронтахъ. Главныe направленія, порученіе флоту, были отложены изъ необходиности вмѣнія воздушной арміи, было юго-западное, — прорывъ фронта въ Альпы. Однако, неудавшись въ западнѣе обоихъ эшелоновъ, нашей первой волнѣ налета смыслала наши карты.

Теперь фонъ Беткову было предложено во что бы то ни стало парализовать дѣятѣльность французской авиации на южномъ направлении и сосредоточить всѣ усилия бомбардировочной авиации на французскихъ коммуникаціяхъ, чтобы задержать сосредоточеніе армий и резервовъ. Къ этому въ основу и сводились указанія фонъ Беткова, данными начальнику штаба.

Въ заключеніе генералъ приказалъ:

— Къ получу въ разработаніе точнѣе задачи по бомбардировкамъ наилѣпѣ крупиныхъ населенныхъ пунктовъ нормальной зоны.

Начальникъ штаба еще разъ нерѣшительно сказалъ:

— Сроки, сроки, выше преосходительство. Я имѣю всѣ возможности думать, что...

Фонъ Бетковъ только покъжалъ плечами и всталъ, въ знакъ того, что разговоръ оконченъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

бился на сотни километровъ въ глубь вражеской территории. А въ дѣйствительности мы были встрѣчены эскадрильями испытателей надъ Сѣвернымъ моремъ. Значитъ, когда мы поднимались въ воздухъ, они были уже предупреждены и ждали насъ. Они знали о нашемъ вылѣтѣ. Значитъ, наше предполагало агентъ Италіанджель-Сервисъ, вооруженный корт-ко-полновымъ аппаратомъ, сдѣлалъ свое чёрное дѣло.

На этотъ разъ мы не послали развѣдку, чтобы не обнаружить себѣ, и это погубило весь замыселъ. Ни одно крупное соединеніе бомбомётовъ, посланныхъ для захвата вражескихъ аэродромовъ, не достигло цели. Изъ восемьдесятъ тысячъ взрывомъ бомбъ половина брошена въ воздухъ. Вторую половину, преслѣдуемыя врагами бомбомёты сбрасывали для облегченія себѣ почищенія. Съ удивительной позывательностью эта картина повторялась во всѣхъ направленияхъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ. Ни одной бризы. Агентъ Италіанджель-Сервисъ, вооруженный корт-ко-полновымъ аппаратомъ, сдѣлалъ свое чёрное дѣло.

На этотъ разъ мы не послали развѣдку, чтобы не обнаружить себѣ, и это погубило весь замыселъ. Ни одно крупное соединеніе бомбомётовъ, посланныхъ для захвата вражескихъ аэродромовъ, не достигло цели. Изъ восемьдесятъ тысячъ взрывомъ бомбъ половина брошена въ воздухъ. Вторую половину, преслѣдуемыя врагами бомбомёты сбрасывали для облегченія себѣ почищенія. Съ удивительной позывательностью эта картина повторялась во всѣхъ направленияхъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ. Ни одной бризы. Агентъ Италіанджель-Сервисъ, вооруженный корт-ко-полновымъ аппаратомъ, сдѣлалъ свое чёрное дѣло.

Я привыкъ видѣть фонъ Беткова во всѣхъ состояніяхъ, но даже не подозреваю, что онъ можетъ такъ быстро менять окраску лица. Любъ его покрасился испариной. Я сунулъ было со стаканомъ воды, но генералъ отшвырнулъ его.

При окончаніи доклада начальника штаба, фонъ Бетковъ не обличалась, крикнулъ:

— Приказъ.

Я едва успѣвалъ стеноографировать:

«Вѣльмъ соединеніемъ, входящимъ въ первый эшелонъ второй волны, быть готовыми къ вылету въ двадцать одинъ часъ сегодня 3 сентября. Въ воздухѣ вывести девяносто бомбомётовъ со всѣми сопровождающими частями...»

Фонъ Бетковъ на минуту задумался и решительно приказалъ:

— Третій сводной эскадрѣ быть готовой къ вылету въ 22 часа...

Здесь его перебилъ начальникъ штаба.

— Генералъ, сроки готовности должны быть пересмотрѣны. Претивникъ можетъ пасъ опередить. Мы уже уѣдлились...

Но фонъ Бетковъ не сталъ слушать. Онъ бросилъ взглядъ на часы:

— Я даю вамъ меньше трехъ часовъ, чтобы подготовить къ вылету тысячу пятнадцать тяжелыхъ машинъ. Обѣщать наше не могутъ.

Начальникъ штаба замѣтилъ:

— Но...

Фонъ Бетковъ сказъалъ уже совсѣмъ непріязненно:

— У васъ есть основаніе думать, что и ошибкѣ...

— Здравый разсудокъ, ganzе преосходительство...

— Генералъ, прошу основаній. Понимаете — основаній. Рѣшѣдка дала что-нибудь новое?

— Воздушная разведка прилагаетъ всѣ усилия къ выяснению обстановки. Проникнуть въ расположение противника не удастся. Агентурная разведка работу почти прекратила.

Фонъ Бетковъ раздражено перебилъ:

— Значитъ, ничего нового. Реальнѣе остается только

попытать развертыванія, лежащихъ передъ нами. Тогда въ этикѣ придется придумать ночь. Справите сробы, и мы увидимъ, что они не успѣютъ подняться въ воздухъ, какъ будутъ стерты съ лица земли. — упрямо повторилъ онъ и продолжалъ диктовать.

Начальникъ штаба стоялъ на своемъ: сроки вылета должны быть сокращены. Фонъ Бетковъ диктовалъ, не слушая его. Когда проектъ приказа былъ готовъ, онъ снялся по прямому проводу съ главной квартирой. Фонъ Бетковъ долженъ былъ свой проектъ и възраженія начальника штаба дежурному генералу — квартирмейстеру. Старикъ первымъ въ течениѣ тѣхъ пятнадцати минутъ, въ теченіи которыхъ ставка обсуждала положеніе,

Черезъ четверть часа принялъ отѣль. Приказъ утверждался со перенесеніемъ всѣхъ сроковъ въ одинъ часъ раннѣе. Это было нѣкоторой уступкой авторитету начальника штаба, тоже значительно менѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ.

По плану внезапнаго нападенія на Британію аэропланы и Францію, гадаю, германскихъ воздушныхъ силъ сбрасывались изъ насеянія оползняющаго уarda съ въ трехъ параллельныхъ Англійскими промышленными центрами и Лондономъ, были флотъ и французскіе промышленные центры, Парижъ.

Операциоnь на сѣверѣ для бомбардировокъ шотландскихъ острововъ, главной базы флота, пришлось отложить всѣхъ тѣлѣстъ. Главныe нападки на сѣверѣ были отложены изъ необходиности сопротивленія максималмыхъ силъ на главныхъ фронтахъ. Главныe направленія, порученіе флоту, были отложены изъ необходиности вмѣнія воздушной арміи, было юго-западное, — прорывъ фронта въ Альпы. Однако, неудавшись въ западнѣе обоихъ эшелоновъ, нашей первой волнѣ налета смыслала наши карты.

Теперь фонъ Беткову было предложено во что бы то ни стало парализовать дѣятѣльность французской авиации на южномъ направлении и сосредоточить всѣ усилия бомбардировочной авиации на французскихъ коммуникаціяхъ, чтобы задержать сосредоточеніе армий и резервовъ. Къ этому въ основу и сводились указанія фонъ Беткова, данными начальнику штаба.

Въ заключеніе генералъ приказалъ:

— Къ получу въ разработаніе точнѣе задачи по бомбардировкамъ наилѣпѣ крупиныхъ населенныхъ пунктовъ нормальной зоны.

Начальникъ штаба еще разъ нерѣшительно сказалъ:

— Сроки, сроки, выше преосходительство. Я имѣю всѣ возможности думать, что...

Фонъ Бетковъ только покъжалъ плечами и всталъ, въ знакъ того, что разговоръ оконченъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

13

«ДЛЯ ВАСЪ» № 37, 10 СЕНТ. 1939 Г.

(1-е продолжение*).

ВЪ ШТАБЪ ГЕН. МАККОЛЬМА.

С трудом пробравшись на машинѣ къ воротамъ аэродрома, капитанъ Уйтлай помчался прямо въ штабъ королевскихъ воздушныхъ силъ.

Тамъ онъ засталъ напряженную первину обстановку: гудѣла телефоны, съ грохотомъ уносились въ разныя стороны метеодиктисты. Найдя своего начальника, сѣдого генерала, прославившагося въ войнѣ, какъ опытный храбрый лётчикъ, капитанъ Уйтлай получалъ приказаніе немедленно отплываться на главный аэродромъ, где соорудачивались эскадры.

Здѣсь онъ засталъ уже Макъ Скотта и остальныхъ лётчиковъ. Изъ широки открытыи воротъ надвомныхъ ангаровъ и по лифту съ подземныхъ линій непрерывнымъ потокомъ выкатывавшися на поле машины. Съ дальнаго угла аэродрома подъ ревъ моторовъ поднялось восемь эскадрильй истребителей, образовавшихъ запасъ въ случаѣ неожиданнаго налета вражескихъ аэроплановъ.

Сотни членовъ добровольческихъ вспомогательныхъ отрядовъ заливали бензинъ, снаряжали пули и патроны, закладывали въ крылья кислородные брикеты. Суетились врачи и санитары, проверяя походные аптечки. Особы команда ссыдались за тѣмъ, чтобы было подготоено необходимое продовольствіе для экипажей воздушныхъ судовъ.

Капитанъ Уйтлай проѣхалъ свою эскадрилью и поспѣшъ зѣловую, чтобы заняться. Тамъ ему вручили приказъ изъ штаба: его аппаратъ входилъ въ особый отрядъ, получившій «особое» заданіе. Рядъ другихъ эскадрильй поступали подъ команду начальника воздушного гарнизона генерала Маккольма, называемаго флагманомъ своей эскадры. Но егъ приказъ всѣмъ эскадрильямъ предстояло въ кратчайшій срокъ произвести соорудачивание на указаннѣи имъ аэродромамъ. Десятъ минутами позже капитанъ Уйтлай получалъ приказаніе одать командованіе въ неизвестное прѣбывть въ штабъ эскадры. Онъ прикомандировалъ къ флагману.

Уйтлай былъ радъ такому назначенію: передъ нимъ предстоѣло вѣсъ операции, онъ буде самъ въ центрѣ управлѣнья. Но въ то же время было такоже разставаться съ эскадрильей, особенно грустно покидать Макъ Скотта. Сумѣть ли будущий его начальникъ направить темпераментнаго Макъ Скотта въ нужную сторону?

Однако размышлять некогда. Уйтлай торопился въ штабъ эскадры. Онъ на ходу попрощался съ Макъ Скоттомъ, тѣмъ смущенному умѣлся попросить:

— Можетъ быть, Артуръ, ты увидишь въ штабѣ королевской изъ десантной дивизии. Тамъ должна быть Элленъ. Передай привѣтъ...

Хотѣлось выскочить изъ машины и обнять этого крѣпкаго великаня. Но автомобиль разнесся впередъ, и Макъ Скоттъ остался за дымкомъ пыли. Уйтлай не разсыпалъ егъ последнихъ словъ.

По дорогѣ онъ подхватывалъ О'Коннелла. Тотъ тоже спѣшилъ въ штабъ. Его стоянійскій поль истребителей было выдѣлено въ особый резервъ штаба арміи.

Искоса глядя на приятеля, Уйтлай любовалъ его сковѣствомъ, вылезая изъ автомобиля. О'Коннелъ лѣтовито бросилъ:

— Если стоянкеніе въ штабѣ съ кѣмъ — пубдѣ изъ десантной дивизии, передай привѣтъ... Генералу...

Хотѣла голова капитана Уйтлай и была занята совсѣмъ другимъ, все же мелькнула мысль: «Генералъ понимаю, почему Макъ Скоттъ такъ содрогнулся при видѣ О'Коннела. Но кого предпочитаетъ Элленъ?»

ЭСКАДРА ОСОБАГО НАЗНАЧЕНИЯ.

Генералъ Маккольма капитанъ засталъ въ штабѣ передъ склонившимися командирами эскадрильй.

Флагманъ вкратце обрисовалъ создавшуюся обстановку и общую задачу королевскихъ воздушныхъ силъ.

— Безусловно съ минуты на минуту нужно ожидать налета германскихъ бомбардировъ на центръ нашей страны. Огражденіемъ этихъ атакъ займутся истребители и зенитцы артиллеріи. Наша задача совсѣмъ другая. Мы должны занести внезапный ударъ по самыи чувствительныи мѣстамъ врага. Необходимо максимально облегчить положеніе французской арміи на линіи Мажино. Эскадры бомбардировъ будутъ держать подъ ударомъ железнодорожныи и автомобильныи магистралы для воспрепятствованія переброски противника. Разворачиваніе авиаціи необходимо произвести съ такои стремительностью, чтобы ея контрударъ былъ неожиданныи для противника, несмотря на

то, что онъ является стороной нападающей и, несомнѣнно, приготовился къ нашимъ контрударъмъ. Возможно, что при всей секретности, срости, предусмотрѣнныи наши мобилизационныи планы, известны противнику. Поэтому, при подготовкѣ своего плана и отраженіи нашихъ дѣйствій, необходимо будетъ ориентироваться по на эти сроки. Мы должны опередить самихъ себя въ два, три раза,

— Поэтому, — продолжалъ дальний генералъ, — я буду вамъ сейчасъ называть сроки болѣе короткіе, нежели тѣ, что предусмотрѣты въ боевомъ планѣ. Можетъ быть они покажутся чрезмерными, но мы должны ихъ выполнить. На мою эскадру ложится очень важная задача... Быстроходные бомбардировки должны быть использованы со всей возможной эффективностью. Ударъ нужно нанести по такимъ типамъ противника, которые онъ считаетъ неуваживими.

Для этого:

Въ 12 часахъ штурмовыхъ частей вылетаютъ для атаки аэродромовъ истребителей противника, расположенныхъ на пути следованія нашихъ главныхъ силъ.

Въ 19 ч. 10 м. вылетаютъ легкіе бомбардировы подъ охраной 86-й и 87-й эскадрильй истребителей. На нихъ лежитъ уничтоженіе материальной части противника на аэродромахъ, атакованнѣи штурмовиками. Одновременно вылетаетъ разведка эскадры.

Въ 19 ч. 20 м. вылетаютъ главныи силы эскадры въ трехъ группахъ: первая колонна, въ составѣ двухъсотъ сорока X. Л. Д., вторая колонна въ составѣ шестидесяти X. Л. Д., третья колонна въ составѣ трёхъсотъ шестидесяти X. Л. Д.

Колонныъ слѣдуютъ общими курсомъ на Амстердамъ. Цѣль — привлечь сюда внимание противника. Если германское командование не приложитъ усилий въ защитѣ станицы и территории, которая безусловно будетъ использована, какъ плацдармъ для войны противъ Англии и Франціи, мы только выиграемъ этимъ. Съ первого же днѣа соединятся немалыи тренинги.

Но Амстердамъ намъ не нуженъ. Надъ Амстердамомъ и Ольденбургомъ эскадра ложится на новыи курсъ — къ Берлину.

Пронеся эти слова, Маккольмъ замѣтилъ движеніе среди командирамъ. Кое-кто переглянулся.

— Амстердамъ останется къ югу отъ пути нашего сѣдовѣнья. Вѣроятно противникъ сосредоточитъ всѣ силы на пути полета эскадры — столицу Германіи онъ даромъ не отдастъ. Это эскадра и нужно. Прежде чѣмъ патакнется на сопротивление неподредѣнной оборонѣ центра, пришли раздѣлиться. Это должно произойти надъ городомъ Зальцведель. Вотъ здѣсь, сѣверо-восточнѣ Ганновера. Первая колонна будетъ продолжать полетъ къ Берлину, и ей придется принять на себя ударъ, предназначенный всей эскадры.

Еї задача — отвлечь на себѣ силы противника. Чѣмъ дольше удастся создать впечатлѣніе, что она является авангардомъ нашихъ главныхъ силъ, движущихся къ Берлину, чѣмъ лучше для эскадры, для нашей основной задачи. Первая группа имѣть небольшое количество мѣдкихъ бомбъ для демонстраціи. Всѣ тоналы используются подъ отрывы припасы оборонительного вооруженія.

Одновременно со своей основной задачей на всемъ пути совѣстнаго следованія эта колонна несетъ крѣсерское охраненіе главныхъ силъ.

Вторая колонна надъ Зальцведелемъ мнѣнѣе направлена на юго-востокъ — есть такъ. Это дастъ намъ возможность пѣтъторой скрытности маневра, хотя изъ этого времена мы уже будемъ на территоріи противника и насы, вѣроятно, откроются. Сопротивление буде отчаянное, но чѣмъ намъ не спою, мы должны прорѣбуть къ району Фюрта — Норенберга.

На фотографическихъ кроахъ «19-й бѣсъ» вы видите этотъ районъ въ крупномъ масштабѣ. На кадаѣ, соединяющемъ Дуйнъ Майнъ, вѣмци создали гигантскъ военныи — промышленныи центръ, питавшій энергию, такъ называемыи «централъ Геттлеръ», использующій воды объѣхъ рекъ. Здѣсь одинъ изъ главныхъ базъ пятнадцати армій. Одна изъ главныхъ базъ пятнадцати армій. Производство вооружений, броневыхъ машинъ, танковъ, аэроплановъ. Ниже по Майну вы видите Бамбергъ — здѣсь созданъ величайший въ мѣрѣ военно-химическому центръ: взрывчатые вещества и газы. Наша задача ложить германскую армію саматающимъ изъ ея военно-промышленныхъузловъ.

Маккольмъ говорилъ ясно и спокойно.

— Вторая колонна, — продолжалъ онъ, — въ составѣ шестидесяти машинъ бомбардируетъ плотину вододрainingа у «центра Геттлеръ». Успешность бомбардировокъ обеспечитъ затопленіе всего района, Фюрта и Бамберга, Тра-

ста шестьдесятъ машинъ третьей колонны бомбардируютъ главные военно-промышленные центры Фюрта и Норенберга. Оборонительная обстановка противника вложена въ этой сводѣ. Непосредственную разведку мы должны обеспечить себѣ самыи. И я хочу идти на операцию съ заявленными глазами, по открываніе напротивъ своего дѣла. Жизнь рабочей посыпкой разведки тоже было бы вредно. Не нужно мнѣ вѣсть предупреждѣніе, что противникъ очевиденъ и подвиженъ.

Маккольмъ идѣ подъ бровей посмотрѣть на приступку юныхъ. Командиръ эскадрильи дѣланъ стѣтъ на своихъ картахъ. Лица были сосредоточены. Генералъ искалъ въ признакахъ волненія — ихъ не было. Спокойствіе и увѣрленіе.

«Точно мы летимъ на маневры» — подумалъ Маккольмъ, и вложился къ генералу Сенсери, въ послѣдовавшемъ сказаніи:

— Ты, старина, будешь при первой колоннѣ. Ей же придется прѣйтъ очень трудно. Нужна крѣпкая воля. Я тѣа тебѣ подѣлюсь, старый товарищъ.

Сенсери молча кивнулъ.

— Генералъ Сенсери станетъ во главѣ первой колоннѣ, — сказалъ Маккольмъ и посмотрѣтъ на часы. — Година, до вылета разведки осталось тридцать двѣ минуты.

Однѣ изъ двухъ уходили командиры эскадрильй. Около Маккольма осталась только генералъ Сенсери, спокойный, раздумывавшій, умѣющій сохранять хладнокровіе въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Человекъ съ жесткой волей и необыкновенными напоромъ. Всѣ знали о склонностяхъ Маккольма къ Сенсери. Капитанъ Уйтлай видѣлъ, что теперь, поставивъ своего друга въ наиболѣе трудное мѣсто, командующий эскадрой хочетъ на милюю минуту задѣлать его.

Закончивъ указаніе, Маккольмъ особенно тепло спрошивъ Сенсери:

— Ты увѣренъ въ себѣ? Тебѣ досталось жаркое място.

— Ну, что ты! — спокойно усмѣхнулся Сенсери. — У меня воли буде мѣньше. И буду здѣсь раннеѣ тѣа.

— Прапрай, — сказалъ Маккольмъ. — Я вѣроѣ тебѣ, дружине!

— Сдѣлаю, что могу, — бросилъ Сенсери, прикладывая руку къ козырьку фуражки. Уйтлай увидѣлъ его крѣпкій, глядко стрижениій затылокъ.

ОСОБЕННОСТИ АППАРАТОВЪ ГЕН. МАККОЛЬМА.

Теперь буде умѣсто остановиться на некоторыхъ особенностяхъ аэроплановъ Х.Л.Д., входящихъ въ составъ эскадры генерала Маккольма.

Конструкція Х.Л.Д. имѣла пѣкоторыи принципиальные отличия отъ бомбардировокъ, имѣвшихся въ распоряженіи имъ и даже американцевъ.

Главнаа особенность Х.Л.Д. была замѣта безнапорнаго мотора, паровой турбиной.

Къ тому временю восемьдесятъ процентовъ всѣхъ аэроплановъ средствъ мѣра были снабжены безнапорнаго движителемъ обычнаго четырехтактнаго цикла. Лини четьрнадцать процентовъ имѣли на борту нефтяные двигатели съ зажиганиемъ отъ сѣрии или самовозгорающемся сѣрии. Изъ этихъ четырнадцати процентовъ одиннадцать принадлежали бѣнзинамъ, а два американцамъ.

Конструкторы III Рейха съ наибольшимъ интересомъ проводили опыты созданія аэропланнаго дѣланъ. Нельзя сказать, чтобы только эта страна нуждалась въ освобожденіи своего воздушнаго флота отъ «бензиновой зависимости».

Поты же такомъ же положеніи была Франція въ Италии, не имѣющіи своей лѣти.

Но вѣроѣ такъ не боролась за эманципацію воздушныхъ ведущихъ силъ и за снажженіе ихъ двигательми, способными работать по грубымъ сортамъ топлива, какъ бѣнзинъ.

Эта борьба развидалась сначала по линіи изученія возможнѣхъ полновѣтнѣхъ нефтей. Затѣмъ же лѣтунокъ мотора сталъ приспосабливаться къ поглощению жидкихъ синтетическихъ топливъ.

Постоянная необходимость экономіи горючаго диктовала неизбѣжностьности, съ военной точки зорѣя, нефти. Ей нужно было во время войнъ имѣть 18 миллионовъ тоннъ жидкаго горючаго въ годѣ. Высота нефти изъ Румыніи не великъ. Сама Германія производила всего около 2 миллионовъ тоннъ. Командованія требовали отъ химической промышленности покрытии дефицита производствомъ бензина изъ каменного угля. Но для этого потребовалось бы истребить на перегонку 65 миллионовъ тоннъ нефти изъ заторнаго всего, что имѣла Германія въ плѣму. 50 процентовъ угла приходилось бы изъ хозяйственнаго оборота страны или замѣнить ее

* Начало см. № 37.

режай, что пепрятельская колония автожир, числьють въ лѣсахъ машинъ, поднялась выше, чѣмъ рѣка.

Зналъ, что боеспособность автожира нѣкоторыя... Маленько мочь донести лишь два варианта: либо автожира находиться въ цѣлью наблюденіи, либо они, вѣзь курсъ на рокару, начинутъ метать бомбы въ комоніи.

Ничего этого Макс Скотт не зналъ. Онъ не видѣлъ, что первая колонна Спенсерса разошлась, что именно Макс Скотт могъ угрожать бомбадировщикамъ автожиро. И поэтому погоніе начальника сѣла и сверху было для лейтенанта необходимо.

Макс Скотт поспѣшилъ послать въ фару, назначивъ обѣ автожиро.

Въ изумленіяхъ Уилтъ зачухалъ знакомый голосъ пристли, но здѣсь онъ умолкъ. Передача оборвалась. На проходѣ флагманъ вымыгнулъ Макс Скотт не откликался.

Въ самыи разгарѣ передачи Макс Скотт вдругъ почувствовалъ толчокъ, и машина стала рѣзко завораживать вѣтъ. При этомъ все королевы выбиралась такъ, что спираль приборовъ пригнула, какъ въ инкорабль. Дѣлъ изъ нихъ, показавшими обороты праваго винта, дѣланы странными дѣлами. Онь то стремительно подскакивали на красную точечку, то рѣзко падали на 0.

Макс Скотт немедленно включилъ передачу правому винту, и черезъ секунду передъ нимъ вспыхнуло на доскѣ изумруднаго механика. Пришло донесеніе: правый пропеллеръ выбылъ изъ строя. Совершенно оборвалась одна лопасть. Это означала одинъ изъ бомбъ автожиро. Макс Скотт былъ единственнымъ пострадавшимъ отъ ихъ испаній. Линчеваніе пропеллера, его ампаратъ не могъ продолжать полетъ. Онъ рѣзко пошелъ вправо, Макс Скотт немедленно обдумывалъ положеніе. Чтобы застопорить машину идти прямъ, онъ можетъ включить лѣвый пропеллеръ. Можно сбросить бомбы, и планирование будетъ болѣе полносъ. Но бомбы должны быть сохранены. Однажды было совершенно ясно, что маневрирование и даже сохраненіе не имѣетъ высоты немислимого.

Радиостанція Макса Скотта приказала генерала.

— Колоннамъ расходиться, согласно боевому заданию. Это значитъ, что южаны достигли повторного пункта, ита, съ которой должны идти Макс Скотт, должна лечь на вѣтъ, т. е. вѣтъ.

Долженъ...

Лейтенантъ прикусилъ себѣ губу такъ, что незольно вскрикнулъ. И затѣмъ:

— Донесите генералу о случившемся, — приказалъ Макс Скотт радиотелеграфисту.

Пока впереди идущіи эскадры выполняли маневръ, Макс Скотт получалъ приказы:

— Вѣйти въ строй. Но собственному усмотрѣнію найдѣло для посадки...

Лейтенантъ хорошо понималъ, что этотъ приказъ есть уничтоженіе его любимаго бомбовоза. Но что дѣлать. Миссіено приощущавшись съ эскадрой, Макс Скотт оставилъ строй. Онъ съ тоской смотрѣлъ, какъ исчезаютъ на горизонте и третья колонна генерала Глѣт-то тамъ въ головѣ на флагманскомъ аэропланѣ сидитъ капитанъ Артуръ Уилтъ. Онъ наѣздѣнъ уже вѣчерину изъ состава эскадры его ампаратъ. Можетъ быть, онъ даже и не подумалъ о томъ, что тройка, паркованная на хвостѣ ампараты — это автожиръ Макса Скотта. Ноѣтъ Артуръ не могъ забыть о немъ. Развѣ Арчи не былъ его другомъ.

Тутъ онъ поймалъ себя на томъ, что представлялъ себѣ ужъ покорѣніемъ. Ну, пѣцъ, дудки. Онъ еще посмотрѣтъ, что изъ этого получится.

Между тѣмъ, первая колонна Спенсерса быстро уходила съ сѣверо-востока, и скоро пѣдѣйній вѣтъ съ машины исчезъ въ затянувшемся облаками небѣ.

Макс Скотт былъ уже много ниже этихъ облаковъ, срѣзывшихъ его товарищъ. Его аэропланъ остался одинъ, совершилъ сдвигъ подъ вражеской страной.

Срѣзка ампараты шла внизъ. Больше не было надобности старательно удирживать направление. Макс Скотт снялъ затекшую ногу, и аэропланъ плавно заскользилъ къ земѣ.

Теряя высоту, лейтенантъ могъ уже безъ помоши трубы вѣдь землю. Темно-синяя громада лѣса перешла въ сѣро-зеленую кустарникову. Даѣше тянулись гряды гевевальныхъ холмовъ. Низкихъ строеній на нихъ не было. Но Макс Скотт, твердо рѣпѣнъ не садиться, не истрастился съ цѣлой бомбъ. Поэтому, придавъ машинѣ минимальный угол склоненія, на какомъ она тянула по проваливалась, Макс Скотт снова повергъ ее по прямой.

Отсутствие пронизительного свиста пропеллеровъ и моторного гудѣнія моторовъ создали теперь при изнанковѣй полної тишинѣ. Мягко шуршали крылья, тонко голосило пѣль сафы. Если лейтенантъ давалъ штурвалъ отъ себѣ, голосъ сафа дѣлалъ сѣмѣй, переходилъ на диски, подбиралъ на себѣ, — и сафъ снова возвращалась къ роковому альбу.

Въ узкіи языки штурманской руки просунулся безфоременіемъ кѣмъ изъ кожъ и мыѣ. Сквозь запотѣвшія стекла очковъ, лейтенантъ увидѣлъ глаза штурмана.

Покосившись на глытиместа, Макс Скотт замѣтилъ, что высота уже всего около четырехъ съ половиною тысячи. Онъ опешился респираторъ. Штурманъ одѣялъ то же и застѣчно ушибнулся, точно онъ былъ виноватъ въ случившемся. Макс Скотт поманилъ его къ себѣ.

— Гдѣ мы?

Штурманъ протянулъ пластику съ картой.

— Касъ сѣверо-западъ. Надо искать хорошую посадку.

Макс Скотт сердито вырвалъ пластику.

— Не въ посадку дѣлъ. У насъ-же бомбы... Тысяча килограммъ. А съ ними въ познакомѣй местности... Рѣбѣ мы?

Штурманъ отмѣтилъ карандашомъ мѣсто. Лейтенантъ

взглянулъ внизъ. Вдалъ видѣлась железнодорожная станція, внизу разстилялось розовое поле.

Самое подходящее мѣсто для спуска. Макс Скотт спросилъ штурмана:

— До станціи дотянуть? Подсчитайте.

Штурманъ взялъ счетную линейку. Вѣнѣнъ целикомъ донесеніе касалось до смѣшнаго мѣсячнаго и неумѣстнаго въ мѣховыѣ лицахъ перчатокъ. Но умѣлье наѣзы ловко оперировали. Лейтенантъ съ историей следилъ за расчетомъ.

Штурманъ о чёмъ думалъ, глядя на карту.

— Гдѣ лейтенантъ. Если мы немножко обогнемъ машину, то можемъ дотянуть до близкаго города. Прыжите оноризитъ баки съ бензиновымъ масломъ. Если сбрасывать кое-какое оборудование, то баберется тонны на чистые.

Глаза Макса Скотта заблѣстѣли.

— Дѣйствуйте, штурманъ.

Лейтенантъ было некогда самому распорядиться. Онъ старательно носилъ машину по линии, прочертенной штурманомъ на карте.

Осторожно беря на себя штурвалъ, Макс Скотт чувствовалъ, что идетъ все по болѣе и болѣе отложному скользкому. Это скринжалъ сбрасывалъ линий грузъ.

ПОДЗЕМНЫЙ АЭРОДРОМЪ.

Темно-синий полоскъ тянулся по гребнямъ дальніхъ пологихъ холмовъ лѣсъ, сплошнымъ изнанку долинъ. Разница будто устальная лоскутными ковромъ, нестирать ключевые иліей. Зеленые, подчасъ почти бирюзовые, желтые, какъ буро-зѣлѣ, красные, черные, клины, гладраты, трапеции, и ромбы сакѣиша эти ключи изъ яркую неструтъ. Безпорядочно разбросаны по пей малярные, чистеніе деревенскіе. Домики блѣме, съ красо-ватыми крышицами, неправильными рядами разбегаются въдоль улицъ. За домами зеленые грядками лежатъ огороды. Калѣстные кошмы съ тулями голубыми листьями, а рядомъ темныхъ зеленъ картофеля. Дальше за картофелемъ ягодные кусты. Среди нихъ чучело со старымъ пилономъ вѣтко головы. Въ тихомъ предвечернѣмъ воздухъ беззиненіе писалъ руки старого сортюта. Но прикиньте къ чучелу зербара беззиненіе лакомится ягодами.

Вечерѣть. Густая тѣнь отъ забора ложится на бѣгу щиту дому. Низкое солнце багровымъ заревомъ вожгла стекла дома. Лучи паскюза пребѣгиваютъ домъ. Нѣтъ въ немъ ни перегородокъ, ни мебели, нѣтъ и людей. Стѣны дома изнутри непрѣпнѣнны, жесты. Но фонарь идетъ тонкимъ планомъ остова, и весь-то домикъ, оказывается, сдѣланъ изъ фанеры на тонкелькомъ каркасе.

Второй домъ, третій, пяты, двадцати. Всѣ деревни бутафорскіе. Даже вотъ эта на пригоркѣ деревенской корими съ вѣткой тоже именающа. Нарисовано любителемъ вѣстъ бы искать за стойкой толстого хозяина въ блѣмъ фартукѣ. Онъ увидалъ бы въ центрѣ ресторана толстую стальную трубу, выходящую изъ пола и упирающуюся въ крину. На кринѣ надъ трубой стоялъ стеклянное полуширье. Въ это линзахъ отражалась куполъ вечеринго неба. У подножия трубы широкъ провалъ лѣха, съ ведущими гнѣзда желѣзными ступенями. Тамъ, где онъ контактируетъ, рѣщетчаты двери, подземныи шахты. А внизу, на глубинѣ двадцати метровъ, вѣтринѣ лифты. У обивѣніиенныхъ электрическихъ кабинокъ дремлютъ солдаты. Примо противъ нихъ былъ эмалеворезинная дощечка, на которой готическими цифрами выведенъ «дежурный офицеръ».

Затянутый въ фольдруму, принципъ глаза на высокомъ табуретѣ передъ большими стеклами панорамъ, сидѣть обѣръ-лейтенантъ. Въ стеклѣ куполъ предварительно смѣти, нечего, кроме рѣдкихъ бѣлыхъ мазокъ непонимающихъ облачковъ. Но обѣръ-лейтенантъ внимательно смотрѣть, наслаждаясь синтетикой. Когда она кончается, офицеръ на мѣтъ отрывается отъ панорамъ, чтобы взять новую.

На стойкѣ рядомъ съ нимъ зажигнулся телефонъ. Привѣтливымъ движениемъ руки офицеръ снялъ трубку.

— Оберъ-лейтенантъ Штиль.

Громко и раздѣльно засвистѣлъ въ мембрѣнѣ.

— Постъ № 6 смышилъ аэропланъ.

Прежде чѣмъ лейтенантъ положилъ трубку, задребѣжалъ новый звонокъ и вспыхнула красная лампочка.

Деревни на вѣрху ожили.

Изъ трубъ, какъ по командѣ, клубами повалили дымокъ. Ворота дворовъ стали открываться, изъ нихъ выѣзжали траки, возы, автомобили, гужевыѣ саны и сѣрѣбристыя сѣрѣбристыя плашки.

Изъ подъ кузъ навоза, сѣдѣньями изъ фанеры, горизонти стволы синтетическихъ пушекъ. Всѣ разрѣзаны, то же самое вѣтробойской пушкой.

Страны жители: костюмъ на нихъ необыкновенный, съ юбками, брюками и вѣнчаными куртками, только на головахъ, вместо шлемовъ, кепки и шапки. Но сверху они казались такими же, какъ все мирные жители, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Гринса донесли, что крестьяне уже подозрѣвали, что вѣтромъ шлемы и юбки, и пленка раздѣлила ихъ.

Къ тому времени, какъ ожили окресты, первые отряды эскадры Макса Скотта съ тѣмнѣющей пропеллерами. Погони Г

Польско-германской войны

(Окончание с 7-й стр.)

Такая подальшность непротивительна. — Если бы польская группа была своевременно оттеснена к Варшаве, то кампания могла бы сложиться совершенно иначе, т. е. по отказу военных специалистов, в позапасную группу были включены лучшие части польской армии. Это было подтверждено и дальнейшими боями позапасных войск, которые, будучи совершенно отрезанными от своего базы и таким образом лишившимися всякой поддержки из города и соединившись с гарнизоном этого города.

После первых недель кампании у многих военных специалистов создалось представление, что огромный кулак, собенный в Познанской области, должен будет обрушиться на юг, на Лодзь, Петроков и отрезать южную группу германских войск от их баз. Но дальнейший ход кампании показал, что польское командование почему-то не произвело этого маневра, не дало генерального сражения, хотя бы даже заведомо могущего быть проигрышным, а всего лишь мелкие встречные бои. Всё военные специалисты, сидящие за германо-польской кампанией, в один голос утверждают, что польский солдат по качеству превосходил, что обер-офицеры полно выразили и храбрости. Но штабы-офицеры показали много недостаточности и немногим оправдались. Одним только маневром Выгодного вполне оправдывается это мнение.

Германские моторизованные колонны в составе 80 тысяч при поддержке моторизованной пехоты производили наступление на Выгодную (Бромберг). — Такъ разъясняется одна из участников этого сражения. — Подступы к городу защищались малочисленными южными отрядами из кавалерийской бригады. Тысячи польских танков, якобы пехотинцы, стали отступать. Кавалерийская бригада, расположенная по двум сторонам шоссе, укрылась лесом, в котором строю складывала дальнейшую разрывы бои. Польская пехота прошла между кавалеристами. Уже на ближайших холмах показались танки,шедшие развернутыми строем. Между танками или пехотинцами. Польская кавалерия получила приказ пойти в атаку. И как в времена Мюнхга, развернувшись в лязу, польская кавалерийская бригада с блесканием на солнце саблиами ринулась на показавшиеся танки. Результат был плачевен. Польская кавалеристка ускакала очень немнога. Ураганным огнем выстрелила пехота кавалерийской атаки. Было безумно дать подобный маневр.

Этот эпизод свидетельствует, сколько храбрости тратят в себѣ польский солдат. Но какъ могъ отдать такой безумный приказъ командиръ бригады?

Мы противоподушной обороны, мы будемъ лишены поддержки зенитныхъ батарей.

— Изъявить штабъ и просить сосредоточить въ этомъ районѣ моторизованные части противоподушной обороны.

— Недостаточно срока, выше превосходительство. Всего честъ.

— Какъ бы то ни было, нужно успѣть. Именно черезъ часъ разыграется рѣшительное сраженіе.

— И уже распорядились...

Фонъ Бетковъ раздраженно переспросилъ:

— Вы распорядились?

— Всѣ виновны. Всѣ падежи силы сосредоточены именно въ стомъ указанныхъ только что вами районѣ. Они же до сихъ поръ не исполнены приказа. И ожидаются только уничтоженіе радио. Сюда же бросаются истребители изъ морскихъ залповыхъ аэродромовъ.

— Они опоздаютъ.

— Нѣтъ. Они уже вылетѣли. Четвертая спартофера изъ Южной, которая должна была лежать въ занятую нами Голландию изъ генерала Шварца, возвращена мною съ пути въ здѣсь сюда же.

— Это немыслимо! — рѣзко отозвался фонъ Бетковъ.

— Но это необходимо.

Фонъ Бетковъ сжалъ притесненный жестъ.

— Я не могу отмѣнить распоряженіе главнаго штаба.

— А вы можете, выше превосходительство, — голосъ начальника штаба звенѣлъ, — взять на себя ответственность за уничтоженіе узла Фюль — Нюрнбергъ. Если мы хотимъ спасти Нюрнбергъ съ его заводами, нельзя терять ни минуты.

Я видѣлъ, какъ борьба происходила въ фонѣ Бетковѣ.

— Привѣтъ! — прохрипѣлъ онъ напоказъ.

Начальникъ штаба положилъ передъ нимъ выпущенный изъ портфеля листъ. Фонъ Бетковъ, подписавъ, не взглянулъ.

— Первая часть вашего приказа уже выполнена, — сказалъ начальникъ штаба, — вѣсча части, назначенные для операции — въ воздухъ. Осталась вторая часть: уничтожить здѣсь. И этому можетъ помѣстить только одно — темпъ.

Въ немногомъ распоряжении, къ сокращению, минуты. Солнце уже за горизонтомъ.

Фонъ Бетковъ сѣдѣлъ за столомъ сочувствуя, постарѣѣ. Онъ синѣз вѣресъ смѣрти на начальника штаба.

— Можетъ быть надо бросить наше рѣшенье противнику части западного сектора обороны Варшавы?

— Во-первыхъ, — заговорилъ начальникъ штаба, — Варшава стояла бы общирнейшими милюми надо идти. Во-вторыхъ, части противоподушной обороны не сумѣютъ быть привлечены на помощь. Въ-третьихъ, мы сѣль не знаемъ настоящей сѣверной колонны, а въ сѣль сѣль двукратно находитъ. Въ-четвертыхъ, интересахъ стоять эту группу въ бой.

Она слабѣй всѣхъ обороны станицы. Мы тамъ можемъ ее уничтожить, какъ бы вѣзъ она не преступала. Мы

можемъ восхищаться, когда молодой користъ беретъ въ конномъ строю действующую батарею, бѣжущую изъ калитки. Но нельзѧ не возмущаться, когда генералье посыпаетъ въ бѣзнесменскую атаку тысячи людей. Чѣмъ можно сѣбѣ сказать кавалерийской сѣбѣй пропаганды брошеного танка?

Какъ уже говорилось вначалѣ, германская армія подвѣла свою противника техническимъ превосходствомъ и моторизацией. Но по мнѣнію военныхъ специалистовъ, пропаганда этого превосходства можно было выставить яркую храбрость и используя ту же кавалерію для почныхъ боевъ. Если же противникъ прорвался и глубоко зашелъ въ тылъ, то почная моторизованная часть въ большинстве случаевъ безъмощна. Вотъ тогда то и нужно было применить линии кавалерийской настыши. Но увы, ни одна сводка, ни полѣтъ, ни германский шагъ намъ не передаетъ о подобныхъ почныхъ настахъ. Правда, для того, чтобы выполнить подобные боевые заданія нуженъ ходовой разсудокъ и горячее сердце начальника.

Разсматривая роль военной авиации въ польско-германской кампании, нужно отмѣтить, что въ первый разъ подтверждается правильность милюи, что авиация является грознымъ оружиемъ въ рукахъ военачальника. Германская авиация и германскіе моторизованные части — вотъ главные побѣдители на восточномъ фронѣ. Авиация въ первые

ШКОЛА РИТМА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТАНЦА

Беатрисы Вигнеръ

Пріѣздъ учащихся (дѣтей съ 3-хъ л., подростковъ и взрослыхъ) на основное отд. (ритмистика, пластика, импровизация и техника тѣла), сценический классъ (подготовка танцовщиковъ) — характеры, классич., пластич., акробатика, пантомима, спект. испанск. танцы съ кастаинетами и др. отрасли танца) и педагогич. классъ.

Запись ежедн. съ 4—6 ч. Зигфр. Майеровица бульв. 6, кв. 5.

же для разрушения тѣль польской, чинотожки, склады, родники и скажала, благодаря этому, мобилизацию. Моторизованные части короткими ударами, национальными въ различную точку польской фронтъ, разгромили польскую армию на части, скажи сѣ въ отдельныхъ мѣстахъ, и не позволили польскому командованию сосредоточить свою армию на стратегическихъ рубежахъ и дать генеральное сраженіе.

Польско-германской кампанией окончилась безъ таково-го, потому, что послѣдніе бои около Кутно, во время которыхъ пѣмцы взяли въ пѣтъ 105.000 солдатъ и огромное военное имущество, отнюдь не имѣло характера генерального сраженія. Это было лишь линия ликвидации окруженной арміи.

Опять таки еще разъ подтверждается милюи о томъ, что германское командование широко использовало опытъ войны 1914—1918 годовъ. Операция Краковъ — Лодзь полностью воспроизводитъ рейдъ Макензена, только съ той разницей, что Макензенъ продѣлалъ это въ триъ половины недѣли, а тендерная операция была про-изведена въ два съ половиною дня. Бой подъ Кутно и линия позиций группы потѣта до мѣльчайшихъ подробностей напоминаютъ танкенбергскую трагедию самонеской арміи. Какъ тамъ, такъ и тутъ окруженный противникъ былъ оторванъ отъ своихъ базъ и уничтоженъ. Какъ же выводы можно сделать изъ польско-германской кампаний?

Доктрина милюинской войны опровергиваетъ сама себя, но лишь при условии полного господства въ воздухѣ. Если такового быть, и если противникъ достаточно стоечъ и эквилипированъ въ достаточной мѣрѣ моторизованными и противотанковыми формированиями, то удары современныхъ же лѣгкихъ машиностроителей не привнесутъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ пѣтятся на стойкую защиту. Планъ милюинской войны, вооруженный на востокѣ, созерцавшіе несправляемъ къ войнѣ, которая ведется на западѣ. Даже если предположить, что кавалерія будеется на западѣ, даже если достичь результатовъ, въ неѣ позволяется топтаться на однихъ мѣстѣ передъ милюинскими укреплениями, ма линиями и нарушить центральность той или иной деревни, съ цѣлью выйти во флангъ противника. Тѣль не милюи, она не сможетъ, какъ это было на восточномъ фронѣ, использовать удары же лѣгкихъ кулачковъ моторизованныхъ формирований, тѣль какъ пѣтается на хорошо известную защиту.

Еще одинъ выводъ можно сделать изъ польско-германской кампаний. Какъ и въ прежней войнѣ, такъ и теперь, германская военная доктрина осталась почти безъ измѣнъ. Германское командование, бросая войска въ наступленіе, всегда имѣло торчущую голову и холодное сердце; въ то время, какъ наблюдалъ за хѣстѣями на западѣ фронѣ, можно подчеркнуть, что франко-английское командование осталось также вѣрою своей доктрины, а именно: бросая войска впередъ, оно имѣть холодную раздочинную голову и горячее сердце.

при движении собственныхъ Х. Л. Д. со скоростью пѣтъ 30 километровъ въ часъ, сближеніе происходитъ со скоростью приблизительно 1.100 километровъ въ часъ или 270—280 метровъ въ секунду.

— Пятьдесятъ километровъ отдѣляютъ Грина отъ головныхъ частей южанъ, — Сормоталь капитанъ Уйтл. — ихъ хѣватъ всего на три минуты, а до дистанціи боя и того меньше — две минуты. Допустимъ, что, считывая трудность дальнѣйшей развязки въ наступленіи темнотой и жару събоя себѣ, Грина...

Мыслы капитана прервали новая передача подопечныхъ Грина.

— Волна... Волна... Разбѣда закончена. Собираю части для боя съ истребителями противника, Грина.

Какъ будто въ зеркаль Уйтлъ увидѣлъ, что его размытые носки съ тѣмъ, что думаетъ дѣлать Грина.

— Итакъ, Грина дѣйствительно рѣшено разыскать шести-дѣсятъ разведчиками, чтобы дать главнымъ силамъ время на подготовку къ боя, — думалъ Уйтлъ, глядя на измѣнку нового расположения эскадрильи въ воздухѣ. — Это типъ милюинъ имѣютъ для громоздкихъ колоннъ большое значеніе. Храбрый воина, сильный летчика, и что теперь главнымъ слагаетъ очи теперь не нужны, и потому не колеблюсь, они бросяю ихъ настѣну въ руду, тѣль привыкъ главный силы. Но допускаемъ, что Грина удастся привлечь на себя противника и наложить ему бой. Допускимъ даѣ, что бой затѣнится, и истребители потребуютъ совершилъ рядъ повторныхъ атакъ, чтобы уничтожить Грина. Все это отниметъ у нихъ не больше пяти минутъ. Но, вѣль, это же только часть изогнанника. За оставшіе три минуты нужно генералу Маккоалму перестроить южанъ. Люди должны приготовиться къ боя. Почему сѣ ждѣтъ?

Черезъ сорокъ пять секундъ послѣ передачи Грина поѣтъ складъ гудъ привоза флагмана эскадрильи.

Уйтлъ не безъ тревоги смотрѣлъ, какъ въ нѣщо-вѣчнѣхъ сѣбѣ одинъ бомбовозъ стремительно мчалъся въ сбояхъ, пропуская тоннажную Группу милюинъ въ. Теперь онъ, не взирая на сумерки сошись ближе. Масса аппаратовъ сѣдѣлъ болѣе комичной. Эскадрильи образовали компактную ядро, въ которымъ собрались бомбомы, груженные бомбами. Ихъ садчай былъ лишь оборона снизу и сверху. Нагруженные же аппараты разыскали наступающую группу сразу въ двухъ секторахъ.

— Плохой видимость не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

— Нохахъ видимости не позволяетъ въ точности определить составъ пѣтательскихъ силъ. Но судя по первымъ и несомнѣнѣмъ, въ нихъ присутствуютъ различные типы авиации. Въ наибольшемъ числѣ пока обнаружили скопленіе истребителей и пѣтательныхъ сѣмействъ.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЬ
войны въ Западной Европѣ.

(4-е продолжение*).

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ.

Въ 21 ч. 30 м. через три с половиною минуты послѣ получения предупреждающаго радио Гринъ съ борта флагманскаго корабля, гувернъ постылихъ ухольни подъ патиномъ противника аэропланы разбѣгли. Несмотря на то, что полковникъ Гринъ, подавши прибрь своимъ летчикамъ, съ головой эскадрильи первый бросился въ атаку за превосходившіи его во много разъ сны нѣмцевъ, ему не удалось залергать изъ движения. Эскадрильи были смыты, разсыплены. Вооруженіе разбѣгнувшихъ оказалось недостаточнымъ для того, чтобы противостоять подавляющему огню истребителей. Они же были такъ юрки и значительно уступали нѣмцамъ въ высотѣ. Остатки ихъ уходили на сѣверъ подъ прикрытиемъ главныхъ силъ. Но во главѣ ихъ уже не было разбѣглое пожирника Гринъ погибъ въ первой же схваткѣ.

Былъ удивленію капитана Уйтлена противника подошелъ не только въ первомъ и второмъ секторахъ. Со всѣхъ сторонъ небо было усыпано точками приближающихся аэроплановъ.

Первыми на дистанцію въ тысячу метровъ вошли въ сраженіе съ Х. Л. Д. вооруженные пушками истребители «Мессершмиттъ 120».

Хотя Х. Л. Д. были также вооружены орудіями, членно даже превосходившими нападающихъ, на склонѣ послѣднихъ было преимущество атаки, при чемъ въ первый моментъ бои башенныхъ установокъ Х. Л. Д. оказались въ незадачномъ положеніи. Но зато черезъ нѣсколько секундъ послѣ начала огня, когда истребители должны были думать о выхѣдѣ изъ атаки, преимущество перешло на сторону англичанъ. Они обстрѣливали уходящаго противника.

Характерной особенностью первой фазы этого боя было то, что обычный прѣмъ нападенія истребителей изъ подъ солнца оказался для нѣмцевъ роковымъ.

Заходящее солнце не могло ужъ освѣтить англичанъ въ полѣ такъ, что движущіеся съ запада истребители ярко проектировались на фонѣ окраинного заката неба, а залпы были англичанъ, идущихъ съ потемнѣвшаго узъ сѣверо-востока, были плохо различимы.

Нѣмцамъ не удалось разобрать построение ежей и заставить ихъ распасться на части, которыхъ имѣли быть съ юго-запада атакованы на близкой дистанціи истребителями Арадо Уедль. Сфера огня ежей была недоразумѣна. Доказъ пуль и спардоловъ неизмѣнно сопровождалася тѣмъ, гдѣ аэропланы, занятый пылемъ, пытался винить вину.

Понесши потери, ежи сохранили сферичность своего построения и огня и подошли за истребителями Мессершмиттами германской истребителями Арадо Уедль, вооруженными только пушками, но смогли даже использовать свой оружій. Орудийный огонь Х. Л. Д. держалъ ихъ на слишкомъ большомъ разстояніи. Лишь отдаленные германскіе летчики, видя бездѣльность стрѣльбы съ такихъ дистанцій, оторвавъ голову бросились сквозь огненную зарывку англичанъ, и, подойдя на дистанцию дѣйствительного огня, заливали бомбовозы пушечнымъ огнемъ.

Внезапно Уйтленъ увидѣлъ, какъ соединѣніе Х. Л. Д., потерявъ управление, стало дѣлать странныя фигуры и нечѣльно направляясь въ темной землю. Пока Уйтленъ старался отѣтить направление, въ какомъ искасалъ подбитый бомбовозъ, въ поле его зорѣи попали еще нѣсколько падающихъ Х. Л. Д. Тамъ и сямъ, сквозь сумракъ, окутывающий землю, своркали вину крошечные сѣтники разрывовъ — развалины бомбъ сбитыхъ Х. Л. Д.

Но вдругъ яркий снопъ пламени освѣтилъ Уйтлена. Флагманскій Х. Л. Д. подбросило и столкнуло съ курса. Капитанъ сразу не понялъ, что произошло: не успѣлъ выйти изъ атаки, германский истребитель прѣвался въ одинъ изъ сбѣгшихъ аэроплановъ. Отъ удара загорѣлись бензиновые баки истребителя, пожаръ взвылъ сразу въесь ежъ бомбъ Х. Л. Д.

Черезъ секунду капитанъ увидѣлъ, что еще одинъ германский истребитель воткнулся въ сину другого Х. Л. Д. Уйтленъ замѣтилъ даже, какъ пылающей ракетой вылетѣлъ пилотъ истребителя со своего места въѣхъ съ сѣдѣніемъ, къ которому былъ пристегнутъ. Ударъ столкнувшихся аэроплановъ былъ настолько силенъ, что капитанъ даже не уловилъ момента, когда бомбовозъ разломился. Онъ вѣѣлъ только какъ падаетъ физиономъ съ передней частью корпуса вѣѣтъ съ вточкунимъ въ его верхнюю башню нѣмецкимъ истребителемъ.

Секундомъ, пущенный капитаномъ въ моментъ, когда

дированию эскадры. Но на Юнкерсахъ была возложена совершиенно другая задача. Объ этомъ догадался болѣе осѣдомънѣй въ секретахъ противника генераль Малькольмъ.

Эскадры сходились. Не успѣвъ выполнить приказаніе Малькольма, нѣсколько эскадрильи лѣтаго флота попали подъ дѣль бомбъ Хенкелей. Уйтленъ видѣлъ, какъ заѣло вспышнуло цѣлое море огня, и, словно отгадавшись лавина, молнией прошла по темному небу полоса горящихъ десятковъ аэроплановъ англичанъ. Но вотъ она становилась все меньше и наконецъ исчезла изъ глазъ. Эскадра прошла подъ Хенкелями. Впереди остались еще Юнкерсы.

Летающимъ строемъ, Юнкерсы должны были сблизиться съ англичанами на разстояніе, какое допустить ихъ огнь, но не превышающее дѣль метровъ. Германское командование совершенно сознательно шло на то, что потерь въ рядахъ Юнкерсовъ будутъ очень велики, но пассажирскіе машины не представили такъ цѣлостности, какъ боевыя. Достигнувъ указанной дистанціи, Юнкерсы выпустили торцы, къ концу которыхъ подѣбала мина большой взрывчатой силы. Юнкерсы будутъ выбирать свои курсы стаимъ расчетомъ, чтобы оставаться какъ можно дольше на пути идущей вину эскадры.

Если Хенкелеймъ темнота мѣшила работать, то Юнкерсамъ она была необходима. Ихъ мины съ бомбами были страшными оружиемъ, какъ бы способъ рода заграждений, антеннами баллоновъ.

Послѣдняя часть сраженія, а именно бой Хенкелей въ Юнкерсахъ, проходила въ значительно болѣе замедленномъ темпѣ. Въ то время, какъ для трехъ атакъ истребителей секундомъ капитана Уйтлена отсчитывало пять минутъ дѣсятъ секундъ, сближеніе съ Хенкелями длилось съмъ двадцати томительныхъ минутъ.

Когда вся масса Хенкелей осталась за хвостомъ и наѣхнувшись Юнкерсомъ, капитанъ насчиталъ не болѣе двадцати пяти разрывовъ мины. Въ темнотѣ вину были очень хорошо видны, хотя уже нельзя было разобрать машинъ, ставшихъ жертвой позднѣй. Небольшой промѣнъ помѣшившихъ аэроплановъ нужно объяснить тѣмъ, что эскадра непрерывно маневрировала, менѣя курсъ.

Ночь уже вступила въ свою извѣ.

Земля не спала.

Внезапная луна не въ силахъ была помочь сражавшимъся. Они мчались наѣстрѣчъ другъ другу, или сѣдѣмъ, или панеремъ, не видя ни противника, ни своихъ.

Солдаты на землѣ въ полночь боя могутъ перебросить

ся словомъ, они чувствуютъ другъ друга по отыскому дыханью, но толотъ ногъ, по широку земли, и если есть

хотѣ немножко сѣга, то солдаты уже видятъ другъ друга.

Скорость перебѣговъ въ восемьдесятъ километровъ имѣла

быть столь стремительной, что встрѣта съ врагомъ бы

взяла внезапна, какъ столкновеніе.

А корабли въ морѣ? Нѣсколько десятковъ кораблей, изъ

Правильный уходъ за зубами

Это основа для здороваго и крѣпкаго организма!

Поэтому начните еще сегодня употреблять зубную пасту NIVEA. Она чиститъ ваши зубы и одновременно дезинфицируетъ полость рта. Въ особенности зубная паста NIVEA рекомендуетъ Г. Г. Курцикъ

Зубная паста NIVEA чиститъ зубы осторожно бѣлыми и освѣжаетъ дыханіе.

NIVEA NIVEA
ZOBU PASTA ZOBU PASTA

лучше 2x въ день

бесконечных, место для боя на пространстве в миллиль километров, представляло друг для друга едва линую угрозу столкновения, могущую возникнуть было быстро, чём это вообразить глаза захвачены и оттого, что скорость хода кораблей всего в каких-нибудь пятнадцать - шестьдесят километров.

Артиллерия же двигалась со скоростью пятнадцать и больше километров, только время от времени, при удачном повороте, в слабом сне луны морсцы легчили и неизвестные скрылись вдали.

Юнкерсы давно уже исчезли, растворясь в темноте. Все вспомнилось представление о беззаконной бездне. Только еще далеко, где на крайне-левом фланге сверкали очи-оди выстрелы. Может быть особенно деревни летчики затаили дыхание, чтобы не спутать их присутствие и отстичь из атаки. Может быть просто первые летчики не видели сопротивления. Может быть просто первые летчики не видели сопротивления. Они из самолетов выпустили заряды.

Внимание капитана Уитлай от ночной панорамы отвлекло внимание флагмана:

— Учтите ногами и состояние частей. Донести.

Теперь настало время для работы капитана. Занятый переговорами с командирами эскадрильи, Уитлай забыл о времени. Каждая часть, каждая эскадрилья доносила о какой-нибудь утрате. Скоро она имела возможность точно подсчитать потери. Когда рапорт был готов, он доложил генералу:

— Не считая разведывательных машин, эскадрилья потеряла выбывшими из строя пятьдесят четыре Х. Л. Д., атаками с невероятными повреждениями восемнадцать. Из них двадцать скоро принуждены будут оставить строй. Кроме того, сорок восемь остались в строю с повреждениями, исправляемыми в полете.

Окончить диктовать, капитан. Уитлай еще долго приставлялся к передаче радиостанции флагмана, которая соединила Лондону о похорон.

Долго шел ряд цифр, никаких-то именитых слов не было, и когда начальник посмотрел на часы, то прошло уже более получаса со времени снижения эскадры на тысячу метров, из-под Юнкерса. Можно было быть уверенным, что ими в темноте потеряны эскадры. Опасность на время осталась позади. Но имела ли на то, что Уитлай только теперь вспомнил о ней, он все же задержался на облегчении. Нужно думать, что ночью эскадры ничего не знают. Она может дойти до цели, но потерпеть новые потери.

Думка, засевшая в небе, исчезла. Надеяниями засорявшиеся взгляды.

Казалось, земля была безмятежна спокойна. Ни сильных брызг заревом городов, ни огня в деревнях. Линии света сильных линий труб можно было видеть замытой отражющей звездой света гладь земли.

Но внизу были разбросаны десятки городков, мельчайших, деревень и кучиных заводов. Но жизнь продолжалась. Весь жар, напущенный гулом аэропланов, вспыхивал под землю.

ГЕНЕРАЛ СПЕНСЕРИ СПЫШИТЬ ВЫПОЛНИТЬ ЗАДАЧУ.

С момента разделения эскадры генерала Макколма, служба наблюдения пытается точно определить направление движений первой колонны из Берлина и ее примерную численность. Но главное командование все время требовало имен и имена уточнения данных. Начальник штаба германских воздушных сил подозревал, что конечной задачей генерала Спенсера будет движение по пути Макколма и дублирование его задачи. Он не мог отдать себе отчета в этой мысли. Она казалась ему самой привычной и естественной, хотя начальник штаба и добавил, что англичане, действительно, летят из Берлина.

Первоначально у него было намерение предоставить Спенсеру свободу действий на подступах к Берлину. Начальник штаба не хотел отрывать ни одного аппарата из промышленного района, бывшего совершенно очищенным целиком полета Макколма. Но по мере того, как укреплялась мысль, что Спенсер в конце концов должен повернуться к югу, закреплялось сомнение, целиком ли держать всю силу сопротивления приводимым к одному месту. Не лучше ли во время, не дать противнику соединить своих сил, уничтожить его колонны по одиночке? Не так ли наступала Великий Фридрих? Не этому ли учил Наполеон?

Когда же из предложений таких мысль перешла в уверенность, начальник штаба, не колеблясь, отменил прежнее задание всем силам, сосредоточившись в южном промышленном районе. Отдельные части их, он поставил новую задачу: сосредоточиться в районах Пренцлау и Люксенбурга. И если колонна Спенсера не повернется к югу, то расположенная в Люксенбурге встречающая ее группировка должна встретить ее. Если она не постыдится на Берлин, то, объединив обе армии, начальник штаба думает, что при встрече с англичанами отрядами его части будут сильнее, чем из них из отдельности.

Из них, извиняясь от того, произойдет ли встреча Спенсера с немецкими заслонами или нет, его задача была выполнена. Противники отнулили значительные силы с дорог главной эскадры. Но Спенсер этого не знал. Ведь, что его поход происходит без сопротивления, генерал допускал, что штаб противника, из-за малочисленности его эскадры, не предвидел его значений, и бросил все силы против Макколма. Спенсер речит, что его обязанности привели его на борту винтовки пытаться и заставлять бросить их на его эскадру большими силами.

Для этого он послал ложную радиограмму Макколму, зашифрованную чрезвычайно подробно,

«Волна... Волна... В веду отсутствия на моем пути сопротивления противника, повидимому, поддавшегося на нашу демонстрацию; прошу разрешить мне повернуть к югу, не доходя до Берлина. Спенсер.»

Оставалось только ждать, чтобы пытчики поверили радио. Через две-три минуты расшифрованная радиограмма Спенсера лежала перед начальником штаба германских воздушных сил. Прочитав ее, он улыбнулся удовлетворенно. Значит, его предположения подтвердились.

Большая воздушная сила германцев стала сосредоточиваться теперь не из Пренцлау, а из Люксенбурга, склада Спенсера. Но генерал Спенсер об этом пока не знал и не знал и по-прежнему не видел сопротивления, сдал еще одну попытку обратить на себя внимания.

Его собственная машина стремительно пошла вниз. Склады от него склонились одна из другой эскадрильи.

Но земля была по-прежнему морская. Задолго до прихода эскадрильи склонились, стараясь погрузиться во туман. По середине улицы застывали гравии и автомобили. Внезапно обмылось сильное пешеходные рекламы, во мраке проваливались цепи кварталов и районы города.

Спенсер видел. Его не могли видеть. Спенсер склонил Его не могли не слышать.

Две тысячи метров.

Он почти тащился по земле. Он подставлял себе лицо чистым зенитных батарей. Так что почему же он может?

Почему пять лихорадочных стрельбы? Почему не раскрыются ворота подземных аэродромов?

К. СКАЛЬБЕ.

Иванушка — барин^{*}

(Перев. с латышского).

Сработано, собрано, съблазн запась,
Иванушка-барин приходит.
И вотъ всѣ мотаютъ, и пьютъ, веселясь;
Онъ много собратъ находитъ.

Приносить ему дорогие дары,
Дубъ дарить воинисты листья,
Татарская зелень для шумной игры —
Зеленый длинный кисти.

Приходитъ поздравить донникъ съ луговъ,
Похожий на пыль отъ пива,
Опъ съ сердца снимаетъ бремя оковъ,
«Любъ», говорить онъ, «красивъ!»

Найдется ли сердце, забыто судьбой
Иль прѣтиль, чутъ видный, въ долинѣ,
Кому-бѣ бытъ неѣдомъ Иванъ дорогой
Никого онъ безъ ласки не минетъ.

На юшадѣкѣ Иванушки ёдетъ гнѣвой
Колосистаго поля у края,
Каждый прѣточье кивнетъ головой,
Ковытъ пива подносить хозяинъ.

Приходитъ ли въ жаркія избы Иванъ,
Гдѣ пахнетъ во всю пиротами,
То каждый тогда ликованиемъ пытъ,
И пѣсни рождаются сами.

Иванушка, пытный, танцуетъ, поетъ;
Надышавшись пѣтами, слабѣтъ...
Уведите, дѣвицы, его — пусть успеть —
Въ покойное мѣсто скроѣ.

Постелите ему Ивановыхъ травъ;
Такъ пахнутъ онъ, увядая!
Онъ лижетъ покорно, отъ танца уставъ,
Къ вѣтъ сердечемъ простымъ приникая.

Подъ пѣсень раскаты назадъ его мѣтъ
Веселые, бурные кони,
Вѣнцы на плечахъ, увядая, лежатъ,
Онъ сонную голову клопитъ.

Вотъ увядлый прѣтокъ онъ уронить съ волосъ,
Вы, дѣвицы, его подберите.
Блеснули надъ взгорѣмъ спины колесъ,
Въ честь гости вы тостъ возгласите!

Сработано, собрано, съблазн запась,
Иванушка-баринъ приходитъ.
И вотъ всѣ мотаютъ и пьютъ, веселясь;
Онъ много собратъ находитъ.

Перев. В. Третьяковъ.

^{*} Герой этого стихотворения Иван — любимое божество латышских народных песен и побыв. Ему посвящен день въ торжество пѣсни.

Почему эти потребители не подымаютъ въ воздухъ, чтобы снести отъ болѣи мирное города — своей родинѣ? Почему никто не пытается его остановить?

Земля молчала. Города съверъ западной Германии прятались во мракѣ. Здесь не было важныхъ промышленныхъ центровъ, которые было бы нужно защищать. У городовъ не было ни потребителей, ни зенитныхъ пушекъ. Эти города не представляли большой стратегической ценности для германского командования. Зенитные орудия были нужны для другихъ целей. Они должны защищать отъ бомбъ черная лента асфальта автострады, по которымъ непрорывными потоками текли автомобильные поезды съ войсками, бѣжалы бронеки, громыхали танки, дыми угольными котлами, наливались грузовыми колоннами со снаряженiemъ огнемъ припасами и горючимъ.

Бензинъ... Бензинъ... Бензинъ...

Тысячи, десятки тысячъ чистые цистерны запрудили железнодорожные и автострады. Фронтъ, какъ губка, всасывалъ горючее.

Хотя все движение на автострадахъ и замирало при звукахъ приближающихся аппаратовъ, тѣмъ не менѣе Спенсер различалъ въ линии безконечныхъ вереницъ автомобилей. Оно даже видѣлъ танки. Но подъ рукою не было ни одной тяжелой бомбы. Были только легкіе, годные для демонстраций, для того, чтобы пугать, а не уничтожать.

Когда эскадра генерала Спенсера подошла съзиномъ близко къ автострадѣ, на земль забылись зенитные батареи. Разрывы ихъ снарядовъ создали завы, сквозь которую со звѣемъ неслись бомбовозы. Тысячи бомбъ посыпались съ аппаратовъ англичанъ. Наблюдатели никакихъ башенъ не отрывались отъ пулометовъ. Сверху по было видно результаты атаки. Полыхали только изызы плавающихъ цистернъ съ бензиномъ, керосиномъ, нефтью. Танки, завы, дымъ изъ темного дыма, повисла надъ автострадой.

Два десятка подбитыхъ аэрооплановъ англичанъ упали въ это море огня.

Зенитные батареи посыпали залпы всѣдѣ проносящимуся смергъ английскихъ машинъ. Но потребителей не было. А именно ихъ и ждал Спенсер. Какъ можно больше потребителей. Въ этомъ состояла его задача.

Потребители не выходили на автостраду эскадрильи. Оно не хватало у германского командования. Оно не могло обронить армацией всю территорию империи. Оно создало заслоны на вѣроятныхъ путяхъ французовъ, англичанъ. Оно въ то же время готовило Спенсера достойную встрѣчу, когда онъ повернется на направление, которое начальники штаба считали за цѣль его поислания надъ Германией.

Спенсер понялъ это по-своему. Онъ рѣшилъ, что германское командование разгадало въ его движении простую демонстрацию.

Мало ли какимъ образомъ оно могло это сделать. Вѣдь до агентурной разыдки. Во время войны оно уѣмѣеть усиленіе въ десять — сто разъ.

Если это такъ, тоѣмъ знаютъ, что у него пять изъ одной бомбы, вѣсомъ больше сопротивления. Они знаютъ, что онъ не можетъ принести общественнаго вреда ни Берлину, ни какому бы то ни было другому пункту.

Если это такъ, — думалъ Спенсеръ, — значитъ, пытницы бросили всѣ резервы главнаго командования на противостояние Макколму. Знанѣе, единственный вѣрный заѣда, — мѣдленная помощь ему силой своего вооруженія. Если удастся соединиться, то моя эскадра можетъ принять на себя роль креисерскаго охраны. На пути къ цѣли машины Макколма тѣжело изгруженны бомбами. На обратномъ пути — они будутъ измотаны болѣемъ. Знанѣе, помощь Макколму будетъ не линней.

Больше всего пугала Спенсера мысль, что рѣдкость его двухсотъ сорока аппаратовъ оказалась выстrelомъ, одѣланымъ въ воздухѣ. Оно было ошибочно выбранъ, что не сыгралъ предыдущимъ ему роли. Дѣйстіе сорока аэроплановъ казалось ему напрасно оторваннымъ отъ основной задачи. Они просто совершили увеселительную прогулку.

А гдѣ-то тамъ, на югѣ Германи, Макколмъ, можетъ быть, и даже наѣбрѣ, испытываетъ жестокіе удары соединенныхъ силъ врага.

Терпѣніе Спенсера было исчерпано. На этотъ разъ онъ приказалъ тыльностью зашибровать телеграмму и посыпалъ ее въ Лондонъ, въ штабъ королевскихъ воздушныхъ силъ.

...Противникъ не оказалъ никакого сопротивленія. Попытка взвезти его на бой безуспешна. На этомъ направлении пѣтъ ни одного аэроплана. Раѣрѣшено повернуть къ Норенбергу для оказанія помощи Макколму и для прикрытия его возвращенія. Спенсеръ.

Черезъ несколько минутъ загудѣлъ прятано радиопередатчикъ.

— Идите на соединеніе съ Макколмомъ, — звучалъ ствѣтъ Лондона.

Задача разыдена, и Спенсеръ немедленно отдалъ нужное приказаніе по колоннѣ. Десять аппаратовъ эскадрильи измѣнили курсъ и стали набирать высоту.

Изъ добывающихся столловъ, искатели битвы Спенсеръ превратился въ осторожнаго, трусившаго за каждую машину, командира эскадрильи. Можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ имъ предстоитъ прыгнуть утомленныхъ боевыми товарищами изъ эскадры Макколма.

Укладываясь въ югъ, нико гудѣлъ въ темной вышинѣ дѣсятъ машинъ. Неустанно по ихъ склонамъ поворачивались на земль широкія уши звукозауловителей и поглаживали имъ бороды. Неизменно по проводамъ и по радио неслись донесенія изъ германского штаба о движении колоннъ.

Тутъ-то, изъ этихъ словъ, начальникъ штаба, пако-пако, понялъ, что онъ ошибся.

(Продолжение слѣдуетъ.)

(5-е продолжение*).

Двигаясь на соединение с Маккольмом, Спенсеры лежали в засаде не по тому пути, который казался наиболее вероятным начальнику штаба. Его группа быстро уклонялась на юго-запад, для того, чтобы через полчаса изменить курс на строго южный, потому снова выйти на запад и, снова лежать на юг. Спенсеры ширяли, как мухи, неожиданными зигзагами. Темнота надежно укрывала его. Очень скоро начальник германского штаба увидел, что заслон, выставленный им для ночных Спенсеров, бесполезно теряет время. И, чтобы спасти истребителей от бездействия, начальник штаба отдал приказание немедленно их перебросить в район Ниорберга, куда немедленно двигалась Спенсеры.

Среди съехавших радиограмм офицер штаба положил перед начальником штаба короткую строку о потерях, консистентных германской авиации в бою с Маккольмом. Она гласила следующее:

«По донесению оfficеров начальников эскадрильй и эскадр, в бою было потеряно истребителей Мессершмитт 65, получило повреждений 160. Истребителей Арадо-Уэльт сбито 83, получило повреждений 7, бомбардировщиков Хенкеля сбито 43, получило повреждений 18. Первая бригада Юнкерса, в результате ошибки штурмана, налетнула в темноте на подводные мини своей второй бригады и понесла тяжелые потери. Точное число их еще не установлено. Вследствие того, что аппараты дивизии разбросались на очень большом пространстве, пока обнаружено 47 машин».

ПОСЛЯ ВОЗДУШНОГО БОЯ.

С приближением к цели Маккольм приближался к оживленной деятельности французского радио. По той же самой инфраструктуре телеграммы, которыми обменивались большой генеральный штаб германской армии со штабом авиации, не могло быть сомнений, что для встречи англичан готовится ряд ударов. Генерал Маккольм не боялся нового боя, справедливо считая, что в новых условиях на его стороне имеется значительное преимущество. Прежде всего, его нужно было найти в пространстве! Даже четыреста аэропланов, если они захотят уйти от встречи с противником, не так просто обнаружить. Пусть даже посты на земле с полной точностью отбирают его путь, уклониться от встречи он сможет.

Чтобы призвать дальнейшее решение, генерал Маккольм вызвал своего начальника штаба.

— Полковник, сейчас необходимо решить следующий вопрос: продолжать ли вести эскадру по прежнему курсу, или совершить обратное движение, с тем, чтобы подойти к цели с тыла. Каково состояние эскадры?

— Чтобы быть откровенным, имхо честь должна быть, генерал: в первом бою некоторые из эскадрильй сильно потрепаны. Мощность эскадры в общем уменьшилась на 25%. Среди экипажей есть раненые, но общее моральное состояние неизменно хорошее.

— Что же предпринять? — задумчиво спросил себя Маккольм.

В кабине наступило молчание. Только из-за сзади раздавалась пискливое беспроводочное телеграфа и разрывы гудка мотора.

— Итак, — решительно подняв голову, проговорил генерал. — Отдайте сейчас приказание по эскадрильям: подойти на расстояние двухсот пятидесяти километров, что составит сорок минут полета, перемянить курса сначала на запад, а затем на юг. Таким образом, мы обогнем Ниорберг. По моему сигналу изменить курс на северный, посып чайко ми начнем бомбометание.

Капитан Уэйтс принял этот приказ флагмана и передал всем штурманам кодоны.

Со стороны Маккольма такой резкий маневр был большой сюрпризом. Уже в течение четырех с половиной часов эскадра летит без всякой земной ориентировки. Руководствуясь исключительно приборами, она должна выйти на цель с такой точностью, чтобы иметь возможность безошибочно сбросить бомбы на город и плотину. Цель к моменту подхода колонна будет погружена во тьму и сойдет с окружавшей местностью. Всё лучше, если будет слышна луна, глядя на произведенные визуальную проверку, с контролем аэроплана, который для этой цели спустится до полутора-двух тысяч метров.

Угловой отлично знал, что вся штурманы эскадры уже

в течение долгого времени с крайней тщательностью, не отрываясь от таблицы приборов, производят исчисление пути. Летчики со всей доступной им точностью стараются вести аппараты по заданному курсу. И вот, когда всеобщее внимание и силы сосредоточены на том, чтобы привести линию курса точно к цели, генерал своим приказом ломает ее.

Полторы тысячи человек, в течение пяти часов, рискнув жизнями, бережно несли по воздуху пятьдесят тонн взрывчатых веществ тротила и тенци, из-за самой неизвестной ошибки, все может поглотить на ветер.

АТАКА МОСКИТНОЙ ДИВИЗИИ.

Получив донесение о приближении колонны английской Маккольма, командир москитной дивизии противовоздушной охраны Ниорберга отдал распоряжение о подготовке к вылету. У него осталось еще около получаса на то, чтобы пройти свою готовность, подняться в воздух и на боевой высоте ожидать подхода англичан.

Полковник Бельц с волнением следил за сигналами радиостанций, доносившими о движении Маккольма. Вот английская колонна осталась двести семьдесят километров до Ниорберга...

260...

250...

Иными словами до зоны бои 100... 90... 80... Вдруг произошла страшная путаница.

Станции, расположенные по пути следования эскадры, донесли о том, что не слышат больше противника. Но это стало смыть посты, расположенные к югу.

Когда же полковники Бельц готовы были уже издать приказ о направлении вылета, вся сеть станций, расположенных к северу, стала доносить, что опять слышат противника.

Но в то время, как одни станции доносили о пропажах, удаляющихся к югу, другие сообщали о приближении с севера: это было неслыханно, почти невероятно.

Полковники Бельц сами бросились к радиокоманде.

— Я требую немедленно, — обратился он перво к начальнику радиотелефографистов. — Я требую, лейтенант тойочной пропажи. Что за чушка. Одни уходят, другие приближаются. Где правда? Немедленно требуйте пропажи.

— Слушаюсь, — ответил лейтенант, — поспешно отдавая приказы радиотелефографистам.

Застучали телеграфные ключи. В эфире понеслись повторяющие запросы.

Но станции упорно твердили свое.

— Противник уходит на юг...»

«Противник приближается с севера».

На лицах лейтенантов растерянность.

На юг уходят.

С севера — приближается.

Характер и численность приближающегося противника станций не могут определить.

Если бы полковник Бельц знал о движении Спенсеров, то ему стала бы понятна боевая обстановка его участка.

С севера приближалась колонна генерала Спенсерса. На максимальной скорости, доступной облегченным Х. Л. Д., Спенсеры шли на соединение с Маккольмом. Они стремились, как можно раньше, отвлечь на себя противовоздушную оборону Ниорберга и облегчить Маккольму подход к пляжи.

Когда Маккольм лежал на южный курс и стал удаляться от основной линии полета, Спенсеры входили в зону слышимости москитного наблюдения с севера. Это произошло 18 сентября, ровно в полночь по среднеевропейскому времени.

Полковник Бельц потерял спокойствие. Ему нужно было торопиться встретить неожиданного врага с севера, и, отогнав его, перебросить свою дивизию на южный сектор обороны. Успевшая на юг колонна могла в любую минуту изменить направление и вернуться к Ниорбергу.

Бельц знал, что две сотни аппаратов, появившихся с севера, будут остановлены его москитами.

Бельц приказал пустить в ход прожекторы противовоздушной обороны.

Ночь отдалась с половины небесного свода. Весь воздух, все небо, вся вселенная казались пронизаны эти мутуальными потоками света прожекторов.

Москитные части взлетели одна за другую.

кеты тянулись за скрытыми тенью аппаратами, каки кометы. Стого, на одной и той же высоте хвосты эти обрывались.

На польском минуту все ис��ало. В черной бездне, пока ворвались в море света, окружающее Х. Л. Д. москиты не успели на них стремительной засадой.

Х. Л. Д. выпали блестками выстрелов, как огненные дикобразы.

Это было быснование огня.

Чтобы дойти до противника, москитам нужно было прорвать сквозь смертельную завесу синца и рущей стальной. Но многие из них все же прорвались из копченой цепи непредметных. Эскадрилю сменила эскадрилья.

Если бы англичане были способны в течение этих недолгих секунд, что длилась атака, проанализировать обстановку, они должны были бы прыгнуть в панический ужас от этого небывалого патиона.

Ведь, как правило, истребитель, приближающийся к атакуемому им бомбардировщику на пятьдесят-шестьдесят метров, уже стремится отклониться от пути, избежать столкновения. Ему оставалось едва достаточно времени, чтобы уместить аэропланы от неподобной гибели.

А москиты, как и обезумевшие, продолжали атаку.

Точно ослепнув, они шли на близкую им в лицо отвратительные вихри.

Они не обращали внимания на то, что многие москиты уже падают, добры крылья упругие лучи прожекторов, один за другим, как мотыльки, насекомые на пыль. Остальные продолжали атаку.

Первые эскадрильи москитов, добравшись до недолгой, открыли блещущий огонь. Одни за другим сбитые английские аппараты, поворачиваясь вокруг оси, стремились к москитам, а может быть и гаражи.

Спенсеры слишком поздно поняли, что иметь дело с необычайно истребителями. Разглядев стремглав москитов, сблизившихся с его машинами, а может быть и гаражи, они приземлились на землю и уклонились от противника, отдал приказание немедленно маневрировать для избежания столкновения. И это спасло остатки эскадрильи Спенсерса. Но все же драхматы машин стали жертвами таранных торпед, в упор выпущенных летчиками москитов.

Но со того момента, когда тактика пыльца была разгадана, приобретенная ими в покорении чудовищной скорости стала работать против них. Летчики уже не могли с нажим быстрой реагировать на маневры уклонявшихся Х. Л. Д. и с воем неслись в темную бездну, пропадая за пределами света прожекторов.

Последовавшее за атакой первой москитной бригады из-под ног второй бригады не пропало за Х. Л. Д. искрою впечатлений. Англичане подустали пыльцы на короткую дистанцию и, зная, что они иметь только легкие пулевые, неочные для аппаратов, разстреливали их. Летчики маневрировали, уклоняясь от неподходящего движения, необходимого москитам. Нынче не были подготовлены к такой подвижности английских бомбардировщиков. Они не знали, что иметь дело с машинами Спенсерса, свободными от бомб и сорванными огромную подвижность.

Однако, следуя сказать, что потерпеть неудачу в первой атаке, офицеры пытались вывести свои машины для вторичного удара. Но Х. Л. Д. успели уже пройти зону, описанную прожекторами полковника Бельца.

Атаковать пришлось в темноте и скучности, созидающей присутствие в воздухе машин обильных москитных.

Команды эскадрильи понятия не имели означение этих странных взрывов и поплы на посадку. Это было все, что они могли сделать при таких условиях.

Правда, была еще возможность искать в темноте становится с английскими аэропланами, как это случилось произошло с двумя или тремя москитами. Но столько же машин было паскочить и на своих.

Для наблюдавшего спизу полковника Бельца прошла вчера винчестер напряженного ожидания. Только через минуту после начала бои, он отмылся характерным взрывом.

Наконец-то. Первому москиту удалось прорвать сквозь огненное кольцо Х. Л. Д. и таранить противника. Потом второй, третий, четвертый взрывы.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ
войны въ Западной Европѣ.

(7-е продолженіе*).

— Прекратить подачу энергіи. У насъ воздушная тревога. Заводы стояли.

Теперь Нюрнбергъ, пожирающему ливину, долю то-ка, не нужно было ни ватта. Стали стакки. Потери были низки. Фонарь. Скованный страхомъ Нюрнбергъ пританчилъ. Впервые съ момента открытия станции промышленный гигантъ отказался отъ электрической пищи.

Изъ зеркальныхъ оконъ машинного зала было видна гладь напорного озера верхнего бьефа, подобного большому морскому заливу. Молодой инженеръ, помочинъ дежурного по залу, старалась сдерживать первую дрожь, по-глазицать въ темноту. Она пыталась найти линию, отдающую небо отъ воды. Гдѣ-то тамъ за этой линией дежурятъ английские аэропланы. Инженеръ повернула лицо къ сидящему передъ пультомъ старику:

— А можетъ быть они летятъ не къ намъ?

By голосъ его звучала надежда.

Но старики спокойно отвѣтилъ:

— Въ этомъ то, мой другъ, вы не можете сомнѣваться.

— Что-же будетъ?

— Вы такъ спрашиваете, какъ будто бы я всю жизнь

присоединялъ подъ аэропланами бомбами.

— Но, вѣдь, вы были на войнѣ 1914 года...

— Тогда въ настъ пыряли игрушками въ двадцать пятьдесятъ килограммовъ. Теперь къ этому нужно привыкнуть ноль снаряда. Тогда летали для устрашений, теперь же летаютъ для уничтожений. Дринямы хвастливой сочлены тогда летчика, который сказалъ бы, что онъ уничтожилъ нолью бомбами плотину.

— А теперь?

— Теперь, чортъ его знать, что будетъ теперь. Мы съ вами обѣ этомъ сможемъ скоро судить.

Перспектива, — сказалъ молодой инженеръ, нервно передергивая плечами.

— И могу дать вамъ небольшой примѣрчикъ, — продолжалъ старики. — Однажды река Колорадо, дававшая энергию Сан-Франциско, прорвала плотину. До берега моря массы воды остались пройти всего восемьдесятъ километровъ, — три часа пути. Но на протяженіи этихъ трехъ часовъ вода причинила разрушения на пятьсотъ миллионовъ долларовъ, т. е. на два миллиарда нашихъ германскихъ марокъ... золотыхъ, конечно. Вырочемъ, вы не знаете, что такое золотая марка. Вы ее никогда не видѣли. Это штука, за которую по пыльчишь цѣнами вѣсъ можно купить со всѣми потрохами на пѣйзажъ...

Старики инженеръ не договорилъ. Желтое зарево сверкнуло на мраморѣ щитовъ. Мѣдная обводка кожухъ турбин отбросила сильнѣе къ противнику потоку. Выдавленная столбомъ воздуха стеклянная стѣна обрушилась во внутрь машинного зала. Снаружики съ гладкой поверхности уснувшего озера поднялись къ небу пѣнистый фонтанъ воды. Грохотъ взрыва дошелъ до зала нозе, когда надъ озеромъ взметнулся уже следующий гейзеръ. Онъ перебросилъ пѣнистую струю черезъ широкое поднѣто дамба сливая ее съ фонтаномъ бетона и стали, склонитой очередной бомбой. Точно обрадовавшаяся освободившаяся вода бросилась въ прорыбы.

Плотина дрожала отъ напора пѣниющейся воды. Вода рвала надломленные глыбы бетонной стѣны.

За каждыи бомбой, падавшей въ озеро, слѣдовала ослѣпительный фонтанъ камней и воды. Гидравлическое давленіе подводныхъ взрывовъ разило градусометровую толщину бетона, какъ гнилую фанеру.

Дѣствѣ шестьдесятъ миллионовъ тоннъ воды уничтожили все на своемъ пути потому что обрушились на Фюртъ-Нюрнбергъ, которымъ она столькии времени рабски отдавала свою голубую энергию. Вода переливалась черезъ гранитныи набережныи, заливала улицы, клюкотала на площадяхъ. Всегда канала ге могли вѣстить грандиозную массу воды, отданную водораздѣлнице. Она потокомъ стремилась изъ Майна и понеслась къ Бамбергу.

Аэропланы третьей колонны генерала Макколма, ашельированые по частямъ, точно сѣдья имѣющимися у нихъ фотографическими панамъ, вѣсноно — промышленныхъ районовъ Фюрта и Нюрнберга, методически, съ поразительной точностью сбрасывали бомбы.

То, что происходило, было далеко отъ представлений, какое могло представить человѣческое воображеніе. Надъ притихшимъ центромъ Нюрнберга была слышана въ интервалахъ между взрывами могучий шумъ сотенъ аэроплановъ.

* Начало см. №№ 37, 38, 39, 40, 41, 42 и 43.

вѣдь эскадру надъ каналомъ, туда, где въ пригородѣ раздѣленіе его разѣтѣніями расположились по берегамъ казармы. Снова засверкали взрывы бомбъ, но изъ земли отбѣтилъ ураганый огонь зенитныхъ батарей. Эскадра англичанъ, не ожидавшая такого отпора, землетрясилась наверхъ. Одинъ за другимъ сбрасывались взрывы въ воздухѣ аппараты. Макколмъ, будучи второй разъ раненъ, отдалъ приказъ набрать высоту и кратко измѣнилъ курсъ на западъ. Изъ головного отряда, сильно порѣвновавшаго, собралась вокругъ флагмана на высотѣ семи тысяч метровъ, только десятокъ машинъ.

ВТОРОЙ УДАРЪ ПО БРИТАНСКИМЪ ОСТРОВАМЪ.

Бѣдный, осунувшійся, съ горло опустившимся ртомъ рта, начальникъ германскихъ воздушныхъ силъ, покориный сухо, обращался къ собравшимся офицерамъ оправительной части.

Ночью англичанамъ, благодаря хитро проведеннымъ маневрамъ, удалось достичь важныхъ стратегическихъ и промышленныхъ центровъ нашей страны. Расчинѣи воздушныхъ силъ создало для нихъ благоприятную обстановку. По послѣднимъ сѣдѣніямъ промышленной районъ Нижнѣго берга сильно пострадалъ. Правда, англійская эскадра разбита и не представляла больше боевой угрозы. Разбиты также и объединенные франко-английская эскадра, пытающаяся сбѣть налетъ на Дессау, где сосредоточены наши авиационные промышленности на заводахъ Юнкерса, — уступила передвижнувъ въ улу дга синзу, обратился начальникъ штаба къ высокому майору, котораго спросилъ:

— Въ какомъ состояніи наши стратосферные дѣла?

— Они готовы, — отвѣтилъ майоръ. — Ждуть только приказаний.

Строго говоря, название «стратосферные», употребляемое начальникомъ штаба, было невѣрно. Воздушные рапибы, о которыхъ онъ говорилъ, не являлись стратосферными. Достигаемыи ими высоты были еще въ областѣ стратосферы, но терминъ «стратосферный» дѣжался въ связи со столь же мало законными того времена германскими «стратопланами». Однако самъ фактъ вселенія въ воздушныхъ корабляхъ заслуживаетъ вниманія. О нихъ же чего не писалось и строительство ихъ держалось въ тѣхъ тайнѣ.

Опытные агенты германской разведки въ теченіи несколькии лѣтъ собирали съ границы вѣсъ материаловъ и изученіе стратосферы. Хорошо наложенная агентура извлекла изъ сокровеннѣйшихъ тайниковъ чужихъ военныхъ танковъ, очищавшихъ доступными только ограниченному кругу специалистамъ.

Все что было достигнуто американцами въ области техники изготавливанія тончайшихъ газонепроницаемыхъ тканей, рецесы получения ультрапротивныхъ синтетиковъ крѣпости, способы дешевого добыванія большихъ масъ гелей, англійскіе скрафандры, французскіе герметическіе вѣнцы и т. д. — все это тщательно подбиралось, профильтровывалось и прорабатывалось въ германскихъ лабораторіяхъ. Большой опытъ въ дѣлѣ строительства дририджей показалъ имъ пыльцы. Одобренная воздушными министерствомъ модель субстратосферного дририджа поступила въ сферу постройки.

Германское командование возлагало большихъ надеждъ на созданіе ими стратосферную эскадру.

— Я рѣшилъ наести такой же ударъ по Лондону, каковой сѣдѣла англичане по нашимъ промышленнымъ центрамъ, — сказалъ начальникъ штаба, смотрѣя на бѣлые церкви.

— Наша эскадра дририджей привезутъ большихъ сѣдѣлъ англичанъ. Грузятъ дририджи «синими бомбами».

Въ сотрудничествѣ съ бактериологическими лабораториями артиллерийскаго вѣдомства выработаны специальные снаряды для забрасыванія бактерій въ пепрѣтельскіе расположения. Эти бактериологические снаряды, отмѣнѣніемъ ярко-синей полосы, и получили название «синики». На наиболѣе эффектныхъ изъ бактерій — быстрыя и синие — были надоступныи пушкамъ. Ойтъ бы сини, скоро оказались занесенными въ собственную армию Германіи. Единственно надеждами средствомъ занесенія болѣдемъ въ глубокий тылъ противника явилась авиация. Авиационными вѣдомствомъ было создано пѣською обороной бактериологическихъ бомбъ примѣнительно къ различнымъ типамъ бактерій, случайнѣе ихъ примѣнѣнія. Эти же бомбы, отмѣнѣніемъ синими крюгомъ, и должны были быть дририджами налета на Лондонъ вѣстъ съ разрушительными зажигательными и фугасными страшной сиѣ.

(Продолженіе сѣдѣаетъ).

(8-е продолжение*).

ВЪ АНГЛИИ НА РАЗСВѢТЬ.

Миссис Мери, у которой жила Тедди О'Коннелль, с трудом заставила себя открыть глаза. Оказывается, она так и заснула одетая в кресты. Со вчерашнего дня она — старшая сестра автомобильно-санитарного отряда. Отрицать этот сформировался из женского добровольческого корпуса и работы было по горло. Миссис Мери прибыла поздно домой, а потому еще долго сидела в ожидании звонка. Но телефон молчал. На душу было тревожно... Так и заснула в крестах одетой. Рядом в комнате, когда она заснула в салоне, проснулась Кетти и, растягивая головными кульками заспанные глаза, громко сказала, что заснула.

— Мама, ты разбуди меня завтра рано утром. Я хочу видеть войну.

Миссис Мери насторожилась, привела себя в порядок, избодала Кетти, одела ее еще полусонной. Вчера в отряд спасали, что всяких докторов нужно собрать в газоубежище близкого сада.

Рышательно хлопнула дверь. Каблуки гулко, как-то особенно настороженно застучали по листьям. Миссис Мери с неизрываемым раздражением смотрела на спускающуюся дочь. Девочка не спала, старательно переступала одной и той же ножкой со ступенек на ступени.

На улице было по осеннему свежо. Разсвет пробил сквозь еловые тучи, обложивший все небо. Опять разорванными ватными облаками мчались над городом.

Несколько крупных дождевых капель упали на асфальт пустынных улиц.

Бабы на перекрестках посыпали землю и развернули плащи. На чюрею простор проспекта поднялся вспышкой огня. Изредка проносился автомобиль. Проехавши, почти опять женщинам, во задерживаясь пылью на тротуарах. Испомнили на раллий части язвитого холода.

Над подъездами шатались по ветру белые полотнища. На них неизрываемые слова: «Спасибо для отравленных газами», «Хирургическое отделение глазного госпиталя», «Штаб противовоздушной обороны второго района». «Легкий салют и плащ для женщин добровольцев».

Широкая стеклянная дверь близкого сада открывалась почти непрерывно. Одна за другой выходили женщины, сдавливая тем самым дочь.

Кетти с трудом поспевала за матерью. Она бегло приводила в себя куклу и подражала жестам матери. Кукла сидела на ленте прямо с деревянно вытанцованными и растопыренными руками.

Девочка забодено дернула мать за руку и спросила:

— Мама, а куклы за докторский сад берут?

Мать не успела ответить. К ю подъезду журнальный подиум поднялся санитарный автомобиль. Женщина-врач вышла из машины. Миссис Мери, улыбнувшись, глянула ей.

— И немножко задержалась, — сказала она извиняясь.

— Сейчас сяду Кетти и буду на месте.

— Ничего, ничего, — добродушно сказала женщина-врач и присела перед Кетти. — Ты тоже дочь принесла?

— Да, А куколь берут или не берут?

Миссис Мери вынула из кармана ручонку Кете.

Куклы потянули улицу. Подброшенные ветром куклы ударились головой в деревья. Одна выбила тяжелым скелетом и упала во внутрь дома. Облизавшись кровью, она залезла на каменную подушку. Одна ручка безвольно вывалилась, другая она прижимала к себе куклу. Мать же ждала на тротуаре часто и неловко, судорожно перебирая рукаами. Изувечившая всеми тялом она пыталась обогодить придавленных переворнутых автомобильем ноги. Расшибленные глаза искали исчезнувшую Кете.

Заваливый черный простор асфальта, посыпалась камни, обломки бревен, штукатурка. Воздухе повисло бледное облако пыли.

Неподалеку припнула новый парковый. Капитан дома против яблони поклонилась учинив и обронила винт с подкованной колонкой, карниз, отмыть в воздухе тротуар, с грехом пополам упав на миссис Мери. Из под обломков была видна бледная кисть руки.

* Начало см. №№ 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЪ
войны в Западной Европѣ,

АТАКА ГЕРМАНСКОГО ЦЕППЕЛИНА.

В дежурной комнате штаба эскадры истребителей, охраны города, вспыхнула красная сигнальная лампа, и дробная трель звонка разбудила типину.

— Слушаю, — коротко бросил в трубку дежурный лейтенант и рванул рубильник. Одновременно он включил телефонный аппарат командира эскадры.

В казармах, в столовых, в мастерских, в автобусах, на аэродромах взрывами стонали сирены.

Начальник эскадры истребителей принимал сообщение штаба.

«Наш город подвергся воздушной бомбардировке германского дирижабля. Из-за низкой облачности истины противовоздушной обороны ничего не видят. Финансовое падение тоже ничего не зашибило не слышит. Из штаба противовоздушной обороны тута сообщают, что были сделаны попытки бомбардировать крупные промышленные центры, заводы, аэродромы. В некоторых местах дирижабль был во время обнаружен. Безшумно дрейфует над облаками, они при помощи подвесных стальных корзин пытаются вести корректирование огня. Некоторые из них уничтожены. Там, где меньше они успели нанести большой вред...»

Уже сидя в машине, О'Коннелль принял приказ и сообщение об обстановке. Выстроенные истребители, ровно моторами, вышли вверх почти вертикально. Навстречу им хлестал дождь. Капли пересыпали в струи, они стекали по козырькам кабин как бинты.

Оторвавшись от аэродрома О'Коннелль стал обдумывать задачу.

— Если всей эскадрой заняться поисками затерянной под облаками маленькой наблюдательной корзиной, то дирижабль, даже если он один, успеет сбросить еще много бомб, прежде чем удастся уничтожить его наблюдателя... — такая думал лейтенант, и поэтому О'Коннелль разделил эскадрилью, передав приказ по радио:

«Первому и второму звену звать горючую наблюдателя под облаками. Третье и четвертое звено встать со мной и приводить облака к атакующим воздушным кораблям.»

Через пятнадцать секунд О'Коннелль вошел в группу молочно-дождевых облаков, пробил их, и скоро под его головой засияло голубизна осеннея неба. Пышные перьяка разорванных, дырявых, клубущихся мороз дождевых облаков осталось внизу.

Альтиметр показывал двадцать семь тысяч метров, но ни вонуть, ни над головой никому не было видно никакого дирижабля.

О'Коннелль сдалась полный круг над городом, и, только замыкая его, замыкал в лучах восходящего солнца, едва уловимый блеск чьего-то постороннею среди пыльных мостков первых облаков. Пятнадцати секунд и тогда же исчез. Лейтенант настойчиво, методично, румб за румбом стала осматривать небо. Наконец, она нашла то, что искала, — полоска сверкала снова. На этот раз она не дала ей исчезнуть и старателльно навел оптический прицел. Сквозь линзы она ясно увидела силуэт дирижабля.

О'Коннелль на глаз определил его высоту. Она была на двадцать тысяч метров выше его.

— Дирижабль на такой высоте. Не может быть, — удивленно подумал лейтенант, готовясь к прорыву глаза, если бы они не были закрыты стеклами сканфандра. Высота около четырех тысяч, то дирижабль еще дальше, иного места, — соображал он, — для всего на двадцать минут, — продолжал думать лейтенант и двинул сектора. Стрелка такометра дрогнула и пошла вправо. О'Коннелль умело избежал ее высоту.

Ва научников радиофон посыпалась вызова командр: единственный из оставленных звеньев под облаками: «Нашел корзину».

О'Коннелль поднял глаза к дирижаблю, чтобы сблизить расстояние и сда в окно изумления: снага, до

которой осталось уже не больше тысячи метров, быстро подняла вверх.

«Корзина сбита» пропесла мысль, и О'Коннелль глыбами двинула сектор еще дальше. Моторы заревели, искры останчиваются. Стрелки приборов пришли в движение. Увеличились обороты. Температура масла повысилаась. Винты требовали все большего и большого угла.

Стрелка альтиметра перешла уже за шесть тысяч, на которых только что шел дирижабль, а до него теперь было больше, чым прежде. О'Коннелль с трудом держал его в поле зрения. Дирижабль снова превратился в маленькую серебряную точечку на ярко-голубом фоне неба.

Лейтенант лейтенанта лейт и лейт. До дирижабля было спать не больше двух тысяч. Альтиметр подонешь из «12». Осталась одна тысяча до красного флага «13» — погоды истребителя. О'Коннелль мог безоговорочно сказать, что дирижабль находится за пределами этой красной черты.

На высоте двадцати с половиною тысяч метров, однажды из спутников О'Коннелль доносится по радио, что его мотор задымился.

Стрелка подошла к «13», когда и второй лейтенант сообщил, что его мотор работает.

Что мог сдѣлать командр. Его собственная машина с каждыми метром высоты теряла устойчивость. О'Коннелль хорошо знал симптомы потолка.

Лейтенант сбринул с картой. Впечатление было взврьмым. Дирижабль летел на восток. Город остался позади. Впереди должно было быть Северное море.

Дело ясно: нам О'Коннелль теперь же доберется до дирижабля, или тот успеет уйти к себе. Лейтенант попытается, что в руках его не отмысливая руки его трехмиллиметровой аэропланы, на котором она поставила рекорд. Здесь все на месте, мало того: туте еще четыре пулемета в крыльях и орудие на носу кабин.

До дирижабля больше тысячи метров, нужно преодолеть метров двадцать, чтобы иметь возможность открыть огонь из пушки. Нужно значительно облегчить машину, но за счет чего? Двести метров на такой высоте не штука — мыслы роемя лежат в голове лейтенанта.

Пришло в голову, что бензин нужен только на дорогу туда, — если удастся добраться до дирижабля, а винты можно спланировать и с ходу балом.

Потянувшись рукачиком бензиновых кранов, она насторожилась смотреть за стрелкой бензинометра. Она уже была близка к нулю, когда О'Коннелль отпустил руки. Было лишь почти пусто.

Машина легко преодолела пятьдесят метров.

Следующую пятьдесят метров она взяла через сам и дальше идти отказалась.

При малейшем движении руки на себя, аэроплан пропадался.

Стоило труда удержать его из прежней высоты.

— Черт, дывольство, тысяча восьмьдесят, — ругался О'Коннелль.

— Бензин для томки сто метров, мало, но есть еще баки с маслом... — В голове мелькала мысль: «Когда же я увижу корзину?»

При малейшем движении руки на себя, аэроплан пропадался.

Сквозь гул мотора отчетливо прозвалась дробная ткань пушетов. О'Коннелль не снимал пальцев со спуска до тех пор, пока стечились не показалось, что пушетов не осталось ни одного патрона.

Стрелка альтиметра лайко открыла десятиметровый залежи.

Тысяча восьмьдесят, — только два восьмения. Мало, мало, но есть еще баки с маслом... — В голове мелькала мысль: «Чьи еще облегчили машину. Ба, Старцы! Их сто. Весь снаряд — семьсот грамм, значит, еще полсотни метров... Если останется себѣ десять снарядов можно подойти на дистанцию прямого выстрела».

О'Коннелль рывком потянул спуск пушки. Четырьмя быстрым съездом каждого третьего снаряда морда машины вонзилась в дирижабль. И, не дойдя до него, угодила в прошлостное. При воздушной стрельбе каждый третий снаряд оставил за собой яркий след, дающий возможность лейтенанту пронести наводку.

(Продолжение следует.)

Дамское ателье

М. Лурье

теперь находится

Марсталию ёела № 25, кв. 5.

Тел. 22689.

Принимает заказы.

(10-е продолжение*).

АТАКА ГЛАВНЫХ ГЕРМАНСКИХ ВОЗДУШНЫХ СИЛ МЕЖДУ ДВУМЯ И ПЯТЬЮ ЧАСАМИ.

В тот момент, когда эскадры англичан соединились, генерал ген. Максимильян передал командование ген. Спенсеру, его машина пошла за машиной нового флагмана.

Максимильян лежал в рубке, изнуренный силой, — вина за время от времени в забытие. Но он заставил себя одеть поверхность бойкой чистоты, вытирая наушники радио. Не вмешиваясь в распоряжение Спенсера, он начал разрешать из них ни слова.

Закончив составление схемы, капитан Уитней мог сидеть за перекличкой флагманского корабля с колонией и с землей.

Разведывательный штаб в Лондоне сообщил, что из перехваташифрованной передачи немцев. Позади, противники знали о намечаемом маршруте обратного движения остатков эскадры и готовить отразить им пути.

Приняв жалкие остатки когда-то могущественной армии, Спенсер сдался еще осторожнее. Он знал, что экипажи кораблей находятся на пределе переутомления. Почти восемьчасовая полет с рядом напряженных боев не давала дара. От эскадры остались лишь жалкие остатки. Мало было снарядов, что еще более снижало ее боеспособность.

Взвесив все обстоятельства, Спенсер рышьи спасающим совершенной обходной движением. Взять на юг, он разрешил пройти под хвостом у броненосных ему неподалеку силы противника. Но проверка содержимого баков Х. Л. Д. показала, что не хватит горючего, чтобы долететь до Франции. Запас топлива оставлял возможное возвращение домой лишь по кратчайшей линии — прямой.

Естественно было в таких условиях попытка обойти заслону сверху. Вода облегченные от бомб бомбовозы, Спенсер вложил мозг разрабатывать на некоторое превышение над массой заслона противника. Если отдать все силы противнику. Но проверка содержимого баков Х. Л. Д. показала, что не хватит горючего, чтобы долететь до Франции. Запас топлива оставлял возможное возвращение домой лишь по кратчайшей линии — прямой.

Спенсеру удалось вдвоем снарядить, что и этот путь закрыть: расход горючего для набора нужной высоты превысил запас эскадры.

Спенсер передумал вид комбинаций, — все они упали в одно и то же — топливо, топливо и топливо. Генерал продолжал ищущий способ, который позволял бы достичь Франции без опасности встретиться с врагом, сохранив жизнь вырванных ему людей, сократив каждый Х. Л. Д. для будущей работы. Теперь, когда на кораблях не было ни одной бомбы, они беспомощны против врага какой-нибудь ударом, и было бы преступно войти в столкновение в воздухе.

Но, повидимому, средства к тому, чтобы избежать этой встречи, не было.

Обдумывая еще раз свое положение, Спенсер, наконец, отдал приказ: «Весь машинам перейти на самозащищенный полет».

Правда, теряя высоту при крейсерских оборотах турбин, Х. Л. Д. приобретают скорость шестьдесят километров. Это будет как раз та полоса, где противник настолько встретит эскадру.

Но так как немецкий генеральный штаб разчитывает на скорость Х. Л. Д. максимум пятьдесят двадцать километров в час, то Спенсер с остатками эскадры превыше зону намечаемой встречи раньше, чем ожидает немцы.

Если этот расчет не оправдается и немцы будут уже на месте, останется еще шанс не быть замеченными патрулирующими на большой высоте истребителями. И, конечно, если немцы его все-таки заметят, то им придется вступить в бой с Х. Л. Д. идущими на высоте не больше двухсот метров. Иными словами, истребители немцев будут лишены всей возможности маневрировать по вертикали. Спенсер остается защищать только верхнюю полусферу. Прифронтовую полосу зенитной артиллерии он не пройдет без малого по бременем полета. Во-первых, это даст ему шанс неожиданности, во-вторых, зенитные пули будут бесполезны ему погреть.

Осталось преодолеть одно большое препятствие, — суметь провести эскадру низко над незнакомой гористой территорией.

Расчеты Спенсера оправдались лишь во второй части.

* Начало см. № 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45 и 46.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

Попытаться в намеченный зоне раньше противника ему не удалось.

Германские эскадрильи были уже стянуты к району столкновения.

Но предполагая встретить англичан на обычной для них высоте, семь тысяч, немцы старались держаться так, как можно выше и пропустили первые машины Спенсера. Только сигналы со земли посты наблюдения обратили, наконец, внимание истребителей на идущую внизу колонну Х. Л. Д.

Германские летчики бросились на обнаруженнего врага. Они должны были во что бы то ни стало навязать англичанам бой, прежде, чем те уйдут в расположение зенитных орудий «Линии Максимиана», или под прикрытие высоких гор, или на встречу германским истребителям.

На немцев уже не было времени для вступления в бой на параллельных курсах. Нужно было использовать самую выгодную атаку — из пика.

Наблюдая сверху, да еще при боковом углублении солнца, очевидно было определить высоту полета Х. Л. Д.

Немцы стремительно пикировали на отдельные отряды бомбовозов англичан. Скорость их снижения доходила до восемьсот километров в час. Инерция, приобретенная во время полета, была огромная.

Самшком поздно офицеры увидели свою ошибку. Англичане неслись в двухсот метрах от земли.

Атаку их с огромными скоростями, немцы не имели возможности пройти мимо англичан. Они неизбежно врезались бы в землю. Нужно было выйти из них, но доходя до противника. Такой маневр дать невозможным сколько-нибудь действительный огонь.

Германские командиры поняли, что, во-первых, остановить извергающиеся истребители не было возможности. Командиры отдельных отрядов пытались во время вылета своих частей из атаки. Рядом с машинами, которые высыпала машины в горку. Положение не оставляло места для элементарной осторожности. Сядя на командиры, летчики резко выходили из пик. У некоторых машин от такой перегрузки, превысившей все разумные запасы прочности, отваливались крылья. При минимуме перехода от скорости снижения в восемьсот километров к стремительному подъему, тела летчиков оказывались прижатыми к машинам с такой силой, что выдавливались металлические сиденья, у летчиков лопались позвоночные стволы обе кромки сидений, кожа лопалась от чрезмерного давления крови, кровь хлестала из ушей. Внутренние органы в силу инерции сбрасывались вниз с такой силой, что у многих летчиков были сломаны позвоночники.

Некоторые эскадрильи истребителей, как коршуны, сверху ударились о бомбовозы англичан и, ссыпавшись вниз, падали вниз горами факелами. Центр английской расположения был быстро прорван. Десятки аппаратов сбиты. Напрасно ощетинившийся бывшим начальником Х. Л. Д. отбивалась от немцев.

Если первая атака могла считаться неудачной, то все же на второй немцев было то преимущество, что англичане не могли переходить в преследование и вообще заниматься широкими маневрированием. Они должны были сидеть уйти из зоны.

Поэтому у немцев была возможность выйти из зоны, перестояться и погнать бой на параллельных курсах.

Они окружили растянувшуюся колонну Х. Л. Д., и, не давая им ни на минуту оправиться, производили атаку за атакой.

Снаряды кончались у англичан, и их положение становилось все более и более критическим. Немецкие истребители уже удалились разбрать эскадру пополам, причем артиллерия англичан была уничтожена.

Эскадра Спенсера истекала кровью.

В свой флагманский кабин генерал направил слушальную. Он ждал, что вот-вот радио принесет ему весть о том, что уже близко истребители французы, что они идут спасать его эскадру. Но радио приносил только известие о гибели отдельных эскадрильи.

Волна... Волна... Волна... Задыхаясь говорить генерал Декру.

Говорить генерал Декру. Укажите точно ваше местоположение. Съ двадцати эскадрильями истребителей иду на помощь. Предполагаю быть через двадцать минут.

Декру.

Генерал Спенсер облегченно вздохнул.

Капитан Уитней, раненый в руку, слышал как генерал отдал приказ.

Говорить волна... Говорить волна... Всем эскадрильям набирать высоту. Направление курса запад. Но мэр возможности уклониться от боя с истребителями. Маневрировать. Съ командой на помощь идти французские истребители под командой Декру. Миссия встречи на французском аэродроме Дижон. Спенсер.

За этой телеграммой немедленно послалась вторая.

Говорить волна... Говорить волна... Декру. Иду курсом на Дижон. Набираю высоту. Противник преследует. Жду вашей немедленной помощи. Спенсер.

Флагманский самолет развел вверх и пошел на подъем. Капитан Уитней видел внизу на земле голубую ленту какой-то большой реки. В ее устье проносилась мысль «неужели это Рейн?». Страницы разрывы кашнули флагманский корабль. Капитану было ужасно головной и потерял сознание.

Германское командование наставляло на полном углублении эскадры Спенсера. Оно не могло ждать, так как германские эскадрильи истребителей были крайне нужны для другого участка. Только что в главном штабе была получена телеграмма из штаба оккупационных войск Голландии, которая сообщала, что патруль миноносцев из Северного моря донесли, что прошедшей ночью заместили эскадры тяжелых десантных английских аэропланов, направление которых не удалось выяснить.

А через пятьдесят минут пришла вторая телеграмма с чрезвычайно тревожными вестями, что английский десант удалось высадиться около голландского города Штайн, и начальник округа генерал Шверер требует срочную помощь.

В ГОЛЛАНДИИ.

Генерал Шверер, сухой старческой рукой склонял радиотелефонную трубку так, что склеротические вены на его руках вздувались. Он доказывал, требовать и просить, но командование оккупационным корпусом ему отказывало, так как не было срочного дать генералу резервы из срока, который он считал рациональным — два-три часа.

Шверер прервал разговор на полуслове и глянул, пытнувшись трубку. Осколки яблони разлетелись по столу. Это было выходом для старческого раздражения, но не для частей его войска. Появление десанта стало под угрозу полного окружения северными группами оккупационного корпуса.

В двери кабинета генерала вошел замыленный мотоциклист и передал срочное донесение:

«На разрыв в двадцати километрах от Штайн эскадрильи тяжелых десантных аппаратов англичан вновь появились под охраной истребителей. Ведут бой с летчиками частями десанта англичан, высаживающихся по Польскому Блумсхаузу».

Шверер распорядился подать машину и пересесть штабом на фольксваген в восемь километрах от разбитой английской подразделениями колонны железнодорожной дороги.

Вышли на крыльце, он невольно помыл голову и услышал шум аэроплановых моторов. Шверер знал, что в его распоряжении не имелось ни одного аппарата. Значит, что были англичане. Они видят как от аппарата отделяются черные точки парашютистов. Во второй утра видны были сотни точек. Он стремительно падали. Ни одного раскрылся парашют. Точно люди рвались с поверхности земли. Но вот как по команде на одному и тому же расстоянии от земли поверхности земли над точками раскрылись парашюты. Их стремительно падение перешло в плавный полет. Противник спускался уваженно выбирая направление.

Генерал приказал бросить к мстам приземленных парашютистов кавалерийский полк собственной охраны и эскадрилью солдат.

За спиной генерала началась суета. Никто не мог определить расстояние до места высадки. Указывались самые различные линии, которые колебались от десяти километров до одного.

Генерал прозрительно пожал плечами: «Они гладко спускаются на землю».

Они взяли противную карту из рук адъютанта. Выпуклый старческий ноготь вдавил на нее три черных креста — места предполагаемой высадки трех головных десантных эскадрильи, отрядов генерала Холдей. К краю карты подошел броненосец и генерал уехал в сопровождении адъютанта.

(Продолжение следует)

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

2-е продолжение*.

ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМЪ ПЛЬТЬ.

Когда голландцы ушли, лейтенант О'Коннел лежал на некоторое время неподвижно. Боль утихла, хотя нога сильно расхула.

Лежать было удобно. Крестыне сунули О'Коннела под голову кучу мятых листьев. От них пахло свежестью и сыростью. Около лица полыхалась желтующая трава. Время от времени по вершинам деревьев пробывал ветер. Она шумила яско, не заглушая хлопотливых птичек голосом. Мелькала яркая своей неторопливой жизнью, какая когда-то уже сотни и тысячи лет тому назад. Жизнь эта была спокойной и уютной.

Сквозь шум леса доносились звуки отдаленного боя. Сухо, отрывисто гремели гранаты, строчили пулеметы. Скоро присоединились разрывы артиллерийских снарядов. Сначала это было широко бархатистое пурпурное шаршадей, его сменил пронзительный взрыв бризантных гранат. И здруг все стихло. Сквозь настороженную тишину О'Коннел услышал гудок аэропланов. Их не было видно, но прошли они совсем недавно. Это было знакомо. Авиационная бомба. Недалеко. Совсем недалеко. Прислушался. Между разрывами трепетали равномерные, такие же стеченные голоса тяжелых зенитных пулеметов, и тоже совсем близко.

Усталость и первая реакция брали свое. Под пальто, перемежающееся с тарахтением пулемета, О'Коннел задремал.

Но слова разнули воздуху бомбы.

Лейтенант схватил дрему и приподнялся на локтях.

Заснувшую дразнили. Здесь ему ничего не грозило. Он лежал как в бинцандже. Именно от этого здруг стало тощо. Хочется туда. Вот, тут лежь на живот, взяться за рукотку пулемета, и тогда не будет мягкого покоя сырых листьев. будеть бой.

Не слышались боли, которая цепко тянула за ногу, О'Коннел пополз между деревьев в сторону, противоположную той, с которой его принесли крестыне. Онушка была цедалеко.

Лейтенант видел сквозь редкие деревья и клузы черного дыма, но приблизиться к исчадиям стволы было несложно. Каждое движение заставляло скрипеть зубами.

Прислонившись к молодому деревцу, О'Коннел смотрел в поле. Но краю, укрытому лесом, стояли легкие полевые артиллерии. Большинство их гордо. Несколько аэропланов в самых необычайных положениях лежали на аэродроме, на крыльях, вверх колесами или уткнувшись мотором, высоко задавая хвост. Кое-где высился груды скрюченного металла, они еще дымились. Из двух уцелевших аэропланов солдаты в зелено-серых мундирах выводили машины. Это были небольшие аэропланы-истребители.

Внезапно черное облако земли и дыма монстрами фоном изметнулось посреди поля и закрыло от О'Коннела аэродром. Лейтенант понял, что это разорвалась бомба замедленного действия.

Когда дым разсыпался, он увидел, что еще несколько аэропланов лежат в беспорядке на аэродроме. Два или три ярко пылают. Растерянно мечутся санитары.

Совсем недалеко от О'Коннела два солдата торопливо тащат аэроплан. К нему, застопорив на ходу крючка наземного, бежал офицер. О'Коннел яростно усмехнулся слова признания. Говорили по-нидерландски. Офицер влез в машину и поднял руку. Солдаты отбежали. Пролетела быстро закрутился, но успел сдвинуть только пятьдесятков оборотьев, как новый странный вариль потряс воздух. Над головой взмыли пылью осколки. О'Коннел испуганно пригнулся.

Когда он поднялся, в ушах стоял туманный гул. Одни из солдатничком лежали у аэроплана, другой, с трудом поднявшись, придерживая правой рукой окровавленную левую, спотыкался побуждая к инвалидам. Легчика не было видно. Аэроплан стоял, работая во холостую. О'Коннел смотрел на него как на загороженный.

Лейтенант изменился полз на живот. Он старался всплыть в землю, чтобы остаться незамеченным в открытом поле.

— Неправильный аэроплан — полет к своим, к себе, к старой Англии, домой, — мелькали одна за другой мысли в голове О'Коннела.

Лейтенант поднялся из под крыла и, ухватившись за скобу, поднялся на руках. Страх воздуха от прошелера разбил одежду. Дымя усиле, невольно опирся на обе ноги. Перед глазами замелькали взрывы, все пошло кругом, О'Коннел разжал руки и упал. Боль от падения была нестерпимой. Столола нечеловеческих усилий и большого труда заставил себя начать все сначала. На этот раз удалось подчиниться настолько, что можно было достать вырезь ступеньки в фюзеляже. Но как на зло она прыгнула против рваной ноги. Сжав зубы до боли, О'Коннел оттолкнул мышающую ногу здоровой и вступил в вырезь.

Из пилотской кабинки на него уставились расширенные от боли и удивления глаза. Офицер выпустил руку из револьвера на инспектора О'Коннела.

Произошла короткая борьба. О'Коннел потерял сознание.

Когда он очнулся, то почувствовал, что глаза слиплись от крови. Съ усаживаясь поднимь вены, увидел, что лежит внутри аэроплана, рядом с мертвым офицером.

Лейтенанту казалось, что прошла целая вечность пока он взгромоздился на сиденье. Отодвинув труп в сторону, он взял руками раневую ногу ниже колена и сунул ее под подушку.

Поневоле штурвал: элероны в порядке. В лицо через передний козырек падающей вниз воздуха от прошелера. Повернув голову, лейтенант увидел на опушке, из которой он только что вылез, людей. Размахивая руками, они бежали к аэроплану.

Слезы забили не запиранными очками глаза О'Коннела. Он двинул сектор и оторвал хвост от земли. Аэроплан бежал.

Внезапно впереди, там, куда бежала машина, поднялась черная стена земли и, расходясь кудрявыми краями вправо, закрыла все поле, артиллерию, небо. Очредная бомба съ замедлением. Давя сектором до отказа, О'Коннел взял на себя штурвал. Пончувствовать как подкинуло вправо правое крыло, но земля, ангары, самые клубы дыма — все было уже внизу. Машина послушно мчалась крутой горкой. Уверенно гудел мотор. О'Коннел оглядился. Он видел машину так, чтобы солнце, львино поднимавшееся над розовыми горизонтом, было за спиной.

Продвигая аэроплан глазами Элен спросила у крестьянина.

— Онь.

Вместо ответа голландец протянул пальцы летчика. Элен вспомнила на прошлый разный кусок кожи. Да, это были остатки шлема английских летчиков. И снова повернула голову туда, где скрылся аэроплан.

А в леву на прогалинку, в автомобиль, лежал привешанный в себе высокий сидя старик с серебряными щипцами на воротнике. Он первою ловил нижнюю губу прокуренную щелью шапочки усова и сосал ее.

К четырем часам 19 августа судьба боец в Голландии на северном участке, где англичанами начали было удар в фланг, была решена. Линейные оперативные группы руководства и поддержки главных сил, германские части отходили со боем. У них на плечах, не давав оомнинться, двигались английские танки, перевешенные транспортными аэропланами из Англии.

Десантная группа англичан, столь малочисленная вначале, к вечеру дошла до десяти дивизий, большинство которых взята-таки было переброшено по воздуху.

Столь неожиданный и внезапный удар с севера не ожидал германское командование, которое направило все усилия своих сухопутных армий в стык между франко-бельгийской границей и подготовило удар вдоль швейцарско-французской границы.

На АЭРОДРОМ ВЪ ДИЖОНЬ.

Ко девяти часам на большом военном аэродроме Дижона было замятое большое движение. Вдоль автодорог, крыши которых виднелись над землей, длинной палью стали вереницы санитарных автомобилей. В штабах безпрерывно шла переговоры по радиотелефону с воззращающейся с палатки на Норбергер английской эскадрильей.

Генерал Спенсер, собравший остатки когда-то могущественной воздушной армии, вел ее под прикрытием французских эскадрилей — истребителей в Дижоне. За них, как гончая собаки, словно за ходившим разными звездами, гнались немецкие штурмовики и быстроходные истребители.

Генерал Декура, прыгнув вниз тулью разбитых англичан, ехакинтико бросился в атаку на наступающего противника. Но благодаря быстродействию немецких истребителей.

Парашют, им удавалось прорвать завесу французов и, налетая как коршуны на английские тяжелые бомбардировщики, отрывали концевые амбразуры, которые, подбитые вышиблями, летели вниз, погребая под солнца обломками машины. Только тогда, когда была пройдена линия Мажино, зенитная артиллерия которой, не считаясь с тьмой, что может настичь потери в эскадрилье истребителей французов, открыла заградительный огонь, остатки английской воздушной эскадры спокойно снизились на дижонском аэродроме.

Медленно, как подраненные птицы, один за другим садились на мягкую зеленую муравьи аэродрома Х. Л. Д. Они измели очень непрентабельный вид. Обшивка во многих местах была содрана обоями снарядами, остылая краска пробив торпеды, как клюки покрашенной бумаги. На одном Х. Л. Д. носовая пушка, линейная зенитка, печально склонилась к башне, готовая вот-вот оторваться.

Из пятьдесят сотен аппаратов, вылетавших с Британских островов, на дижонском аэродроме было больше двадцати.

По обращенной съ аэроцлан льстини сопли генерал Спенсер и его адъютант в разорванных и закошенных кожаных комбинезонах.

Их встретил комендант аэродрома, английский военный атташе и помощник начальника штаба французской воздушной силы.

После приветствия генерал Спенсер, повернувшись к комендантам, хриплым голосом спросил:

— Есть врачи? У меня в эскадре половина людей ранено, нужно немедленно эвакуировать их. Может быть, нужны будут сибирская оправа. Генерал Макмюльлан, раненый, и я боюсь за его жизнь.

— Все готово для приема раненых вашей эскадры, генерал. Лазареты и санитарные автомобили ожидают. Если вы прикажете, немедленно будет приступлено к эвакуации, — отбыть комендант Дижонского аэродрома, прикладывая руку к кепи.

— Прими вах, — отбытил Спенсер, и обращаясь к полковнику, помощнику начальника штаба французских военных сил, продолжал:

— Я-бы хотел съ вашим разрешением немедленно связаться с английским штабом и дать ему полный отчет о возвращении эскадры генералу Макмюльлану.

Через пятьдесят дней офицерская палата лазарета в Лимож посыпал генерал Спенсер в сопровождении английского военного атташе. Этой же лежали раненые офицеры эскадры Макмюльлана вместе со своим командиром. Раненых их, в большинстве случаев, не представили опасности для жизни, и были легкими. Капитан Уитней, раненый в руку и голову, проводил долгие часы на солнечной террасе лазарета. Ему казалось, что весь полет над Германией, гибель Мак-Скотта, бомбардировка Норберга, воздушные бои, — всего лишь сон, кошмар. Но обратном.

Из два часа санитар доложил капитану о том, что его жаждет видеть приближенный генерал Спенсер. Запахнув халат, Уитней прошел в приемную.

— Здравствуйте, капитан, — отбытил его военный атташе Спенсер, поднявшись съ кресла.

— Ваше превосходительство, я благодарен за ваше посещение, — отбытил капитан, вытигнувшись во фронт.

— Прежде всего разрешите вам, капитан Уитней, передать монаршескую милость. Вы награждены крестом Виктории и промежуточно в чине майора. Ваше участие в полет и точность работы как офицера связи привнесли огромную пользу командование и отечеству. Лишь и отдуши поздравляю вас, майор, и по выражению моего коллеги вновь вас видят под моим командование. Военный министр назначил меня командующим морскими воздушными силами, и я не сомневаюсь, что майор Уитней не откажется быть моим начальником служб связи.

— Слушаюсь, генерал, — отбытил расторганный генерал Уитней. — У меня не находится слов, чтобы выразить вам свою благодарность. Я буду вновь служить его величеству королю и моей родине.

— Теперь официальная часть окончена, дорогой майор, садитесь, — сказал генерал Спенсер. — Вам налью чай, чтобы безынтересно занять новостями?

— Генерал, вы меня обижаете! — отбытил капитан, уложившись в кресло.

(Продолжение следует).

* Начало см. № 37 — 45.

БРИДЖЬ И ШАХМАТЫ

ОТЫГРЫВАНИЕ МАСТИ.

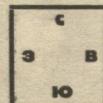
При выполнении контракта очень важно уметь выбирать и отыгрывать из одной из рук (у разыгрывающего или из сток) какую-нибудь масть, чтобы в дальнейшем спасти ее отдаваемые карты какой-нибудь другой масти с другой руки. Конечно, пытаться отыгрывать следующую и сильную масть. Естественно, что необходимо своевременно выбирать у противника козырь.

Рассмотрим два простейших примера:

7 4 2
♦ D 8 4
♦ 8 4
♣ T K 6 3 2

K B 8 5
9 5
♦ K D B 9
B 10 7

10 9 3
♦ T K B 6 2
T 10 6
8 4

10 9 3
♦ T K B 6 2
T 10 6
8 4

бьется на руках Ч—6. Тендер Югъ играть Ч—2, берет ее на стол Ч—Д и реализует отыгрыш Тр.—6 и 3; 10 взята Ч—В.

Таким образом, контракт выполнен. Если бы трофи у противника не подавалась благородно, т. е. 3:3, Югъ выполнил контракт не мог бы.

Поговорим о том, какую масть берет Югъ.

Рассмотрим два простейших примера:

♠ K D 9 6
♦ D B 4
♦ B 9 8 6
♣ K B

T
♥ K 10 8 7 2
♦ G K 5 2
♣ 8 7 4

3
B
Ю

4 2
9 6 5 3
10 7 3
D 10 9 3

B 10 8 7 5 3
T
D 4
T 6 5 2

Переговоры:

Север	Восток	Югъ	Запад
1 червль	Нась	2 пика	Нась
2 без коз.	Нась	4 пика	Контрь

Западь отдаст бубон. Югъ решает построить план игры из длины червль: он берет первую бубон дамой, реализует Ч—Т и выходит Б—4, которую бьет тузом из стола; 4 взята Б—К, 5... Ч—К и 6... Север Ч—7,

Югъ П—5. На (4) и (5) Югъ спасить съ руки Тр.—2 и 5. Теперь съ руки следует выход П—3; стол П—Т и оттуда выход—отыгрыш Ч—10. Западь бьет ее П—4 и Югъ спасить съ руки третью отдаваемую трофи Тр.—6.

Теперь Югъ отдаст Западу лишь 2 пика и контракт выполнен.

ЗАДАЧА № 267.

(Плоцк).

♦ 10 X X
♥ K D B X
♦ K X X
♣ D X X

♠ T 9 X
♥ X X X X
♦ B X
♣ B 9 X X

♠ D 8 7 X
♥ X X
♦ F 1 X X
♣ I 1 X X

1. Каковы должны быть назначения?
2. Какъ можетъ Югъ выполнить контрактъ «3 безъ масти» путемъ атаки Запада Тр.—X?

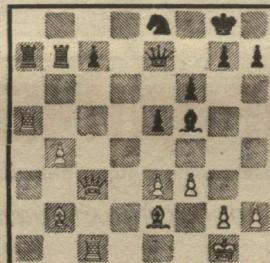
В. КАТЕНЕВЪ.

Решение задачи № 267 см. на стр. № 26

Замаскированное нападение.

Партия была сыграна на международном турнире в Гарнбурге 1939 г.

Черные (Земинь): Kpg1, Fc7, La7, b7, c5, Ke8, Pf5, e5, f6, g7, h7 (11)

Бѣлые: Kpg1, Fc3, Lb5, c1, Cb2, e2, Pb4, e3, f3, g1, h1 (11).

Какъ играютъ бѣлые?

Решение.

1. Сa6! Этимъ ходомъ бѣлые добиваются разрыва обѣихъ черныхъ ладей.

1... Ab6. Сравнительно лучше было бы La6:

2. Cf4—! Рѣшительный ударъ. La7 потерянъ

Решение задачи № 398.

1. f2—f4 g4:f3 (e1) 2. Fh3+ и 3. Kg1—f3 матъ
1. (угроза) g4—g3 2. Fe1, и 3. Fg3 матъ

Решение задачи № 399.

1. Fg7 и на второмъ ходу матъ

Начальникъ штаба внимательно пропелъ ее, затѣмъ положилъ на столъ и подъ вопросительными взглядами членъ совета сказалъ:

— Много только что получило сообщеніе со юго-восточного участка фронта, что на немъ, послѣ долгаго затишья, началось большое наступление. По агентурнымъ сведениямъ, наше войско было отмѣчено некоторыми ожиданиями на этомъ участке. Всъ это вытекаетъ изъ наступления, еще сейчасъ трудно определить. Во всякомъ случаѣ мы слышали громъ Швейцаріи, Франціи и Германии у насъ имѣются соответствующія укрепленія. Если германское воходование рѣшило определить наше и произвести ударъ на линіи Коальмаръ, Мюнхенъ и Бельфоръ, то оно встрѣтится тамъ соотвѣтствующимъ сопротивлениемъ.

(Продолжение сълѣдуетъ)

Журнал „Для Васъ“
насущная необходимость
каждой семьи

Если действительно желаете освободиться отъ предвзятости старости, — отъ своихъ сѣрѣхъ волосъ, то при покупкѣ стого салона за гѣмъ, чтобы популярный

NEO SIRMOL

быть Вамъ подать голову въ оригиналовой упаковкѣ съ запатентованной фирмой П. Путинъ.

NEO SIRMOL вернетъ Вашимъ сѣрѣмъ волосамъ ту самую красу, но въ пышности.

Способъ употребления при каждомъ фазакѣ.

Гробите се!

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

(14-ое продолжение*)

ИЗ ЗАПИСОК ФЕЛЬДМАЙОРА ФУКСА.

Узнай шифрограмма все время ползет эмбкой перед моими глазами из аппарата. Бумажная лента крутится, лежит на полу у моих ног. За синий волт уже час стоит новый командующий воздушными силами генерал фон Ритенфельд. Он смыкает старика фон Беткова, который после нападения англичан на Форт-Норенберг, ушел. Жаль старика, он был совсем не плохим начальником. Правда, требовательным, заставляющим работать иногда больше, чем саджало, но что делать. Теперь его убрали куда-то в тыл, в главную квартиру, замыкают всей воинской авиационной промышленностью. Я знаю характер фон Беткова. Эта работа не по нему, но старик смирился. Старая школа. Недаром она на службе уже сорок лет, и налько, авиацию любить больше, чем свою семью и дом. Новый командующий — боевой генерал. Он еще в кошь гроздой войны заслужил на звание «Аса», хотя был совсем еще мальчишкой. По словам его сослуживцев, у генерала приходять иногда в голову замечательные идеи, но почти всегда они связаны с большим риском. Фон Ритенфельд, к сожалению, не отличается, как и замытый, теми широкими кругозором, казаками обогащая старика Беткова. Она входит во все детали, и ми же жалю начальника штаба, сидящего с ноги. Новый командующий требует от него докладов не только о работе отдельных эскадр, но даже о полетах отдельных эскадрильй. Он сам теснер читает шифрованные телеграммы со участков фронта. Для меня, правда, это легче, не нужно возиться, составляя ежедневные докладные записки, не нужно вымуживать из массы деталей главное.

Вот хотят бы сегодня: целий час генерал стоит за мой синий, слушая как я с ленты перевороту ему учредить разорвать начальников отдельных эскадр и доказывать записи заведующему горючими. Но времена я слышу за спиной недовольное бурчание, а иногда даже криклое слово, когда какой-нибудь из полковников тишина тактическую ошибку или глупость.

Аппарат продолжает вспыхивать:

«...командующий южными сектором авиационной группы досконально, что сегодня утром пятьдесят девяносто девять эскадрильй, получившие задание уничтожить прифронтовые аэродромы противника, удалось во время воздушного боя застать силяться один тяжелый бомбардировщик противника, Точка. Взятых пленных: одного штаб-офицера, двух лейтенантов, четырех механиков и радиотелеграфиста, — переслано в штаб Точки. Бомбардировщик воинством порадил Точки. Допущу о состоянии горючего...»

— Вот это прекрасно, — услыхал я за спиной голос генерала, — великолепно, Майор, что вы скажете? Ведь это первый случай, когда летчики заставляют силяться непритецкий бомбардировщик. Это большое достижение. Телефонируйте срочно командующему южными секторами, чтобы он отправил немедленно в распоряжение главного штаба воздушных сил команда эскадрильи, сформированной этой подразделением. Я хочу его лично допросить. Интересно. Очень интересно...

Через четыре часа ми пришлось присутствовать при рапорте команда 500 эскадрильи. Таких как это был один из самых замечательных, за последние время полетов, я его застенографировал почти с точностью.

«...В шесть часов утра я получил приказание от командующего южными сектором подняться. Вышли на поле, я видел, что под деревьями бомбардировщики сбрасывали бомбы и патроны, а экипажи быстро скрывались в рубках машин. Через несколько минут, сбросив из земельных маскировочных скоты и чехлы, мы остались над аэродромом, взлетели направление на барбово-сырые горизонты фронта. Полет протекал в почти нормальной обстановке. Набрал высоту до четырехдцати тысяч метров, мы пролетели линии фронта в тот момент, когда на горизонте показалось солнце. Бомбардировка начиненных аэродромов № 3 и № 4 вела подожженных на милю французского бомбардировщика. Он грузился за счет отсутствующего экипажа бомбами не только разрушительной силы, которая бы сместила батареи зенитной артиллерии, защищенной, по моим наблюдениям, стальными колпаками. После первых же попаданий нам на встречу поднялись эскадрильи французских средних бомбардировщиков и истребителей. Во время боя я потерял три

машин. После этого моя эскадрилья полетела польскою над территорией. Во главе флагманского звена нам удалось отыскать одну оторвавшуюся машину французов. Во время одной из атак на нее были подбиты хвостовые и расположенные в крыльях пулеметы. Бомбовоз оказался обезоруженным, и я на свой страх и риск предложил командующему воздушными кораблем по радио сказать и сбрасывать курсом на восток. Чтобы сильне воздушствовать, для из миных машин стала прижимать французу к земле. Должно быть видно, что у него не остается другого исхода, французский бомбардировщик послушно взял указанный мною курс и под охраной моего звена благополучно спустился на аэродром № 804 в южном секторе фронта.

— Великолепно, капитан, — помыслил стеркас и протянув руку, сказал умбась Ритенфельд. — Вы знаете, взятый в путь бомбардировщик дал ми одни замечательные идеи, я бы сказала прекрасную идею. Ее только следует разработать, детально разработать. Вы свободны, капитан, можете воспользоваться трехдневным отпуском.

Во время обеда ми удалось слышать разговор между начальником штаба и командующим. Когда было подано кофе закурили сигары, командующий обратился к начальнику штаба со следующим предложением:

— Генерал, какого вы мните относительно следующего маленького сюрприза для французского командования. Вчера сегодня в путь бомбардировщик является последней моделью. Если мы захватим нашу авиационную промышленность, — ну скажем эскадрилью в двадцать четыре машины подобного типа, снабдим их бомбами и радиоаппаратурой автоматического управления на разстояние и отправим их в гости к французам.

— Идея не плоха, выше превосходительство, — ответил начальник штаба, затягивая сигарой. — Совсем не плоха. Если бы еще можно было немедленно пропустить ее в тыл и дать ей спикировать над Кильским бомбардиром, который работает над снабжением армии. Получалась бы куда более страшная картина, чем бомбардировка с высоты четырехдцати тысяч метров.

Командующий ничего не отвечал, задумчиво смотря в угол.

— Мысль совсмь не плоха, — сказал он через несколько минут.

Этот разговор глубоко запал ми в голову. Действительно, идея, поданная генералом, была совсмь не плоха. В течение польскох дней я детально разработала эту мысль, и, когда она сошлая созрела, то ми решено поднести ее одна из телеграмм, полученная из главной квартиры.

«...Срочно довести, какая имются возможности для участия армии в прорыве, намеченный на 6-е сентября...»

Выбрало свободное время, я явился с докладом к командующему воздушными силами. Передавая телеграмму штаба, я разрешила себе доложить генералу фон Ритенфельду.

— Ваше превосходительство, я имю смысль доложить вам о предвидимемся плане помощи армии войскамъ будущему прорыва.

Командующий поднял на меня удивленно глаза.

— Ваше превосходительство, эта мысль была называна ми вами же, а именно, путем создания эскадры бомбардировщиков, управляемых по радио, которая должна спикировать на вражескую территорию. И польско уточнил и разработал эту идею, и, если вы пожелаете, ваше превосходительство, то разрешите вручить ми докладную записку.

— Интересно. С удовольствием прочту ее, но сейчас было бы желательно, чтобы в кратких словах вы доложили ми об этом плане.

— Дело в том, что вспоминая, ваше превосходительство, авиационные заводы изготавливают эскадрилью в двадцать четыре машины, которые являются колонией захваченного на ми французского бомбардировщика. Он грузится за счет отсутствующего экипажа бомбами не только разрушительными, но и глубинными.

— Зачем глубинными? — удивленно спросил генерал.

— Мысль моя, ваше превосходительство, следующая: командующий этой эскадрильи, управляемый с аппарата, а не с земли, поднимается ввысъ с ней и направляет бомбардировщик на участок фронта, назначенный для прорыва. Вместо того, чтобы нанести удар на землю,

будь заводом или аэродромом, командир эскадрильи бросает ее на бетонные форты укрепленной линии противника. Бомбы глубинные и разрывные листят вниз. Разрывы, ныне дающие поражение, в которых рвутся глубинные, вываливают из строя все подземные укрепления противника. Вот вкратце моя мысль.

По ми того, как я говорил, лицо командующего становилось все серье и серье.

— Благодарю вас, майор, от моего имени и имени редких. Ваша идея заслуживает сугубого внимания, и я немедленно передам главной квартире ваш план, который откроет новые возможности для армии.

— Ваше превосходительство, если вы разрешите, то я прошу вас назначить меня командиром будущей эскадрильи.

— Я подумаю, майор. Потрудитесь позвать ко мне начальника штаба.

Через час меня вновь вызвали в кабинет коми, лающимо.

— Майор Фукс, мы обсудили вашу докладную записку и нашли, что проведение в жизнь плана, предложенного вами, вполне возможно. Высказанные вами желание стать во главе эскадрильи мною тоже одобрено. Сегодня же без промедления вы откомандированы для подбора доклада главной квартире. Ни при этом она согласна с нашими доводами. Остаются только детали. Начальник штаба вам даст указания и срочный заказ военпредприятия промышленности. Пакет будет заготовлен и послан доклада в главной квартире вы передадите его генералу фон Беткову. Желаю вам удачи. Довидания.

ЭСКАДРА ВОТАНА.

Мой доклад был внимательно выслушан начальником штаба главной квартиры и вызвал только некоторые сомнения в возможности немедленного перехода эскадры бомбардировщик под мое управление через линию фронта. Выйдя, приближаясь к линии фронта, так как французское командование вело непрерывное наблюдение за подъемом и нахождением воздушных сил. На помощь пришел начальник разведывательного отряда штаба армии. Из его слова я понял, что к назначению ми дню будет предприняты некоторые шаги. Для этого начальник разведки обещал использовать находящуюся в его распоряжении единицу из французских секретных подразделений. Когда я это преподнес было уничтожено, и направился к моему бывшему командующему генералу фон Беткову, встретившему меня с большой сердечностью. Представил ему пакет и объяснил на словах цели моего сообщения, мы долго беседовали с генералом о текущей работе штаба воздушных сил. Меня удивило беспристрастное миение генерала относительно своего замысла; не было ни злобы и ни зависти. Иногда проскальзывала ironia. Некоторые из его фраз убедили меня, что главной виной отстранения фон Беткова от должности командующего воздушными силами были интриги начальника штаба. Разговор об этом и слышать и раньше, но придавал им значения, так как работал эти два генерала: злов проходил у меня на глазах. Но теперь ми часто снялся витие потери штаба во многих распоряжениях: иногда вносило много своих поправок, иногда даже вредных для ми.

Вечером в тот же день я выехал в Мадебург, нагруженный пакетами от главного штаба и от генерала фон Беткова. Так как на телеграфном запросе о сроке исполнения заказа, заводы отвятели, что они могут выполнить не раньше пятнадцати дней, то наступление, назначенное на 6-е сентября, было отложено на 20-е.

Прятал как-то драин философ, сказавший: «Иногда случается, что зернико на хорошую почву дает хороший урожай». Так и есть, случалось слышать многое из кофе в казино, кажется ми приносит много. Теперь ми часто снялся витие потери штаба во многих распоряжениях.

Как-то хорошо польско петь отдохнуть, забыть прорыв. Отмык — чудная великая вещь.

Первые дни войны почти совсмь не отразились на стране. Разре приблизился только еще больше военных форм и чувствуется некоторое напряжение в лицах жителей на платформах, в разговорах. В купе я внимательно прислушивалась к разговорам, — было интересно знать, какъ относятся тутъ великим борбам, привратной Германией, и к радости своей я не слышала даже намека недовольства или исполнительности войны. События напротив моих дам, в формах начальника военных подразделений женских войск, были полна уверенности

(Продолжение на 22-й стр.).

Поэтъ и поэтесса

(Окончание с 15-й стр.).

— Баринъ, — мнѣ жъ теперь какъ, — можно садиться — сообразительно говорить ямщикъ.

— Теперь садись, — киваетъ на облучокъ Лермонтовъ.

Ямщикъ садится, поспѣшилъ подбирать вожжи, и понимающе киваетъ Лермонтову головою:

— Сигайте, ваше благородие, отъ грѣха!

Консулъ Одессы береть подъ руку жену, и видъ у него очень суровый и напыщенный, когда онъ говоритъ Лермонтову, не прогнивая ему руки:

— Прощайте, г-нъ Лермонтовъ!

— До свиданья, м-мъ Адель!.. До свиданья!

— грустно глядя на поэтессу поэтъ и, вспоминая о д-ре Гейль, лобавляетъ отчелливо:

— Я къ вашимъ услугамъ, г-нъ Гоммеръ! До свиданья!

И онъ садится въ коляску, и ямщикъ, разомъ перебравъ вожжи, вскакиваетъ:

— Но-но!.. Трогай стъ Богомъ!

Звякаютъ лѣдяные бубенчики, лязгаютъ о булыжникъ подковы... Трогается коляска въ тысячуверстный путь!

— Вы ведете себя совершенно непривычно, — долженъ и сказать! — яростно глядя на Адель блѣднѣйшій, съ дрожащей честностью, мужъ — непривычно, да, да!..

— До свиданья, мой поэтъ, до свиданья! — не слушая его, кричитъ всѣльѣ коляскѣ Адель и мащетъ платкомъ:

— Ямщикъ намъ поданъ уже... онъ ждетъ! — хватаетъ ее за руку Гоммеръ. — Идемте!

— Какую тамъ контрабанду везетъ Татьяна? — зло спрашиваетъ она.

— Никакой!

— Я слышала!

— Тамъ шныряютъ какіе-то русскіе полицѣкіе чиновники, на берегу... но яхта отъ нихъ без опаски... Идемте!

— А-а!.. Я вспомнила!.. Это — лѣтъ горныхъ

пушки и двѣти карабиновъ для адигейцевъ?

Мнѣ какъ-то говорилъ объ этомъ самъ Татьяна.

— Но вѣдь они подъ английскими клеймами...

Идите же!

— Постойте!.. Вотъ тамъ улица подымается въ гору!.. Я еще разъ увижу его!

— Вы ведете себя отвратительно!.. Да, да!..

И онъ... онъ... этотъ мальчишка, — онъ дурно кончитъ!.. Къ чему онъ сказалъ мнѣ: — Я къ вашимъ услугамъ?.. Я вовсе не намѣренъ его вызывать!.. Но онъ... дурно кончитъ, повернѣ!

— Онъ дурно кончитъ... и... скоро кончитъ! — говорить Адель и въ голосъ ей слезы... — Я чувствую... Я чувствую это!.. Онъ гениаленъ, но не для Россіи рожденъ!.. Я чувствую это, какъ женщина и какъ иностраница!.. Отъ и самъ это знаѣтъ... онъ такъ и говоритъ мнѣ, что скоро кончитъ!.. Но вѣдь мы веземъ карабины и пушки его врагамъ!

— вдругъ вспоминается она въ ужасъ. — Вѣдь адигеи — враги моего поэта!.. И мы сами позовемъ ихъ!.. И я, значитъ, тоже!.. Если онъ будетъ убить!.. Я, какъ изъ Кавказа изъ нашей пушки, — о-о-о-о-о!.. Тогда я... и уйду отъ васъ навсегда, г-нъ Гоммеръ!

Около нѣкоторыхъ домовъ посреди улицы, останавливаются нѣсколько зѣвакъ, и, замѣтивъ это, дергаютъ ее за руку Гоммеръ:

— Хорошо. Только не собирайтесь же вы топтать своей экзальтацией.

Но видятъ Адель коляску Лермонтова на вагонѣ и машутъ платкомъ:

— Вотъ онъ!.. Прощайте! Прощайте! Прощайте!.. Онь имена замѣтилъ!.. Онъ сильнъ фуражку!.. И все!.. Тенеръ я больше его не увижу!.. Конечно!..

Въ это время раздается третій пушечный выстрелъ, и онъ, потупясь, чтобы скрыть слезы, тихо говоритъ мужу:

— Тенеръ идемте, г-нъ Гоммеръ!

КОНЕЦЪ.

Внезапный ударъ

(Окончание с 20-й стр.).

Въ гомѣ, что въ конечномъ счетѣ Германія выйдетъ побѣдительницей войны. Ея энтузиазмъ въѣра въ силу нашей арміи невольно вызывали симпатію. Это была настоящая германская женщина, вѣрная долгу и отечеству. Вспомнилось, какимъ-то ея замѣчаніемъ, я вступила въ разго-

воръ. Оказалось, что мы вмѣстѣ юдемъ въ Магдебургъ. Это было, не скрою, для меня чрезвычайно приятно. Далѣе, оказалось, что фрау Айзенштадтъ, — вдовъ, имѣть маленькую квартиру и живетъ на пенсіи, оставленную мужемъ послѣ смерти и которую вимѣльчаваѣтъ ей правительство! Кроме того, она начальница вспомогательного женского отряда противовоздушной обороны, имѣтьжалованіе и военную паскѣ.

Такъ незамѣтно болтая, мы доѣхали до Магдебурга. Два часа, проредились въ общестѣ этой симпатичной женщины, проѣхали незамѣтно. Я былъ удивленъ самъ себѣ, своему красорѣбию. Моя рассказы о работе штаба, о солѣдѣніяхъ — были прекрасными. Когда мы разставались на перронѣ, я попросила разрѣзаніе у фрау Айзенштадтъ наѣхать есъ. Она дала согласіе. Теноръ мой не приѣдѣтъ скучать.

Извинившись за комедіатуру и получивъ ордеръ на гостиницу, я въ тотъ же вечеръ былъ на заводахъ. Сдавъ пакеты и рассказалъ въ общихъ чертахъ заданіе директору заводовъ, я, честно говоря, первую почту послалъ открытъ венчаниемъ дѣйтѣй, скончай заснула.

Потянулись дни. Утромъ на заводѣ въ сборочныхъ мастерскихъ, въ бесѣдкахъ съ инженерами, а вечеромъ въ общестѣ милой и любезнѣй фрау Айзенштадтъ. Я начинаю самъ себѣ все болѣе и болѣе удивляться. Эта женщина съ первой же встречи произвѣла на менѣ огромное впечатлѣніе. И каждый вечеръ, прошедшій съ неї, укрѣпляется во мнѣ это уѣждѣніе. Ея квартира — маленькая, уютная, пропитанная любовью. Каждая вещь — салфеточка, коврикъ, — говорила о любви хозяйки къ своему гомѣнѣцу. Вѣдь невольно забываешь войну. И каждый разъ, когда я удаворялась уходить, мнѣ не хочется этогоѣѣтъ. Я бы съ удовольствиемъ навсегда осталась около этой веселой, остроумной женщины.

Работа подавалась быстро. Моя эскадра Ватана будѣтъ готова раньше срока. Первые опыты съ аппаратомъ дали блестящіе результаты. И съ быстродѣйного испребѣдія полныхъ газовыхъ трехмототорныхъ бомбомозъ на воздухъ и заставилъ его проѣзды по радио нѣсколько разъ. Установленіемъ на бомбомозѣ радио-автомата работать безъ укрупненія. Съ здѣнимъ аппаратомъ легко управляться, но каково будетъ съ эскадрой.

На менѣ опасеніе, главный заводской инженеръ улыбнулся.

— Если вы легко справляетесь, майоръ, съ однимъ аппаратомъ, то я думаю, не будѣтъ трудно съ несколькими. Конечно, для этого требуется время, но мы со своей стороны приложимъ всѣ усилия, чтобы вы могли достичь результатовъ, нужныхъ для вашей задачи.

(Продолженіе на другой стр.)

Дорогие читатели!

24-го декабря выйдетъ

рождественскій номеръ
Журнала „Для Васъ“

въ увеличенномъ размѣрѣ 40 страницъ

Въ номерѣ будутъ напечатаны:

ИРИНА САБУРОВА.

Маянъ Золотой Ингриль (рождественская легенда).

ИЛЛАРИЯ АМФИТЕАРОВА.

Городская нежность (рождественский рассказъ).

ИРИНА САБУРОВА.

Сныкное кружево (рождественская сказка).

ЛЕРИ.

Почтальонъ (рождественский рассказъ).

КЛОДЪ ХУГТОНЪ.

Человѣкъ, который еще умѣть смыться (рассказъ).

СЪ ПРАЗДНИКОМЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Иллюстрированный очеркъ.

ВЪ НИКОЛАЕВЪ.

Святыя (исторический очеркъ).

ВАЛЕНТИНЪ ВИЛЬЯМСЪ.

Правданій финалъ (рассказъ).

НИК. ЯКОБИ.

Борьба за миръ (исторический репортажъ).

П. ВОЛЬСКІЙ.

Чайковскій и Толстой.

А. К. ПЕРОВЪ.

Блокнотъ рижанина.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СТОЛЬ

илюстрированная статья.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ДЕРБИ

рождественская игра.

МОРІСЪ ПРУТО.

Тайна катастрофы (рассказъ).

ПОВОЛОННЫЕ КОРСАРЫ.

За семь дней.

ВЪ МІРЪ ШЕСТОЙ ЛЕРЖАВЫ.

Отъѣѣль крестословицъ. Бриджи

и шахматъ.

Въ номерѣ большое количество иллюстраций, цветныхъ репродукций и оригинальныхъ снимковъ.

Цѣна 75 центовъ. Подписаніемъ номеръ будетъ разосланъ безъ особой доплаты, какъ подарокъ къ наступающему Рождеству.

Адресъ редакціи и конторы:

Riga, Latvia (Lettonie), Laeplesa iela 15, dz. 123

Музыка, инструменты, струны, музыкальные принадлежности, граммофоны, пластинки
Ф. А. Ludzins

Рига, Элизабетесъ іела 77
Человѣкъ Рожку лаукумъ 12

Оптово-розничный магазинъ

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
войны в Западной Европе.

(5-е продолжение)

По мэрф сборка аппараторов, и ежедневно тренируясь с двумя, тремя, потом с половиной эскадры. И все больше и больше убеждалось в легкости выполнения задуманного многим плана. Глубинистое, что скучает меня, это спасало со своей задачей разведки. И не разгромят ли зенитные батареи французов эскадру, прежде чем она упадет на линию Мажино и сотрет с лица земли несколько форточ.

Наконец, наступила день приемки эскадры. Рано утром директор завода и главный инженер сдали инвентарь четырем красавицам - бомбозам. В присутствии их я поплыл в воздух и ровно через три минуты вся эскадра во моему приказанию послушно, как свора собак за егеря, была в воздухе. Сначала я их построил треугольником, как летят журчала, затем развернулся фронтом, съезжал круги над Магдебургом, летя впереди головного корабля. Я думал, что ни один из четырехсот тысяч жителей Маймбурга не мог бы себя представить, что сейчас над городом летят двадцать четыре воздушных корабля без экипажа, управляемых только одним человеком. Если бы фрау Айзеншмидт могла знать об этом, но увы, я не могу ей сказать, не могу даже намекнуть о том, зачем и в Магдебург, и какую кофесальную работу я приобрел по им же отечеству.

Проблема исчезла в воздухе, я одни за другими снял корабли на заводской аэродром. Сегодня же вечером посыпало телеграмму генералу фон Ритеффельду с извещением, что бомбозы готовы и ждут его распоряжений. Наверное, завтра, 18-го, я уеду обратно на фронт. Сегодня последний вечер я в общемши фрау Айзеншмидт. Я боялся это и в то же время жажду. Если моя миссия удалась, то половины почты дадут мне право пальстаться на благословленности любой женщины.

Как я и ожидал, отбить на мою телеграмму пришел в тот же вечер. Эскадра должна быть доставлена в приводимую полосу к левитаниту септембра. Вечер, как обычно, проводил в уютном гнездышке мой Шарлотт. Я генералу смогу называть ее моим, потому что в последний вечер перед отъездом на фронт выяснились наши отношения. Я сказал Шарлотт все, о чем раньше боялся думать. Я ей показал о том, какое величайшее произвело она на меня в первую встречу, и о этой боевой страстной сафаде, возложенной на меня ген. фон Ритеффельдом. Шарлотт была тронута моим доверием. Всю ее газах и читал восхищению и обожанию. И когда я спросил:

— Милая Шарлотт, если авантюристический вечером я буду жить в меня не съются французы, могут ли я послать телеграмму о том, что фрау Айзеншмидт соглашается быть женой поклонника Фукса?

Шарлотт мало улыбнулась.

— Да, Ганс, полковник Фукс может послать такую телеграмму!

ПРОРЫВ ФРONTA У ГОСЫ РОЗАНДО.

Следующее сообщение начальника штаба союзных армий о наступлении на юго-восточном участке подготовилось уже давно. С самого начала открытия военных действий германскому командование удалось форсировать Рейн и прорваться на несколько километров на территорию Франции, где, после чрезвычайных усилий, германским частям удалось сильно укрепиться. Главный германский штаб уже давно разрабатывал удар на этом участке фронта. По милю начальника штаба, здесь было самое изумительное место на всей линии фронта, от Голландии до Альп. Еще в мирное время Вспомнили были исхожены «германскими туристами - фотографами». Каждое ущелье, каждая скала были занесены на карту, вымрены и сфотографированы.

Часто эта «туристика» - фотографии попадались в руки французских пограничников, происходили очередной конфликт между Францией и Германией. Крошки отбирались. Между напротивами министерств постравились львы. На рижу в Берлин началися долгие переговоры, кончавшиеся тем, что проносилась извинение, в капитан забылся.

Когда загремела пушка на линии Мажино и на линии Западной, появилась первая кратковременная, но очень ожесточенная бойня, война перешла в затяжную позднюю, напоминающую собой то, что когда-то произошло во времена Великой войны на западном фронте. Войска занимали важные стратегические вершины, проходили незаметная, грувая, полная горизонт работы от

дальньих патрулей и групп разведчиков. Ночью этот участок фронта представляла собой таинственную, полную жути, картина. То там, то здесь вспыхивали разноцветные ракеты, сконцентрированные нарушившие небо над головой перестрелкой, в которой доминировала пулеметная дробь. Иногда из этого адского концерта вспыхивали разрывы ручных гранат. Затем, перестрелка также же вспыхивала кончилась, как внезапно и начиналась. Проходило полчаса-часть и вновь то на правом, то на левом фланге вспыхивали ракеты, гудела легкая артиллерия, перекрывая трескотню выстрелов. Обыкновенно о таких почвах, как главное командование союзников, также и германские командование на утро выпускало донесение.

«Почти прошла спокойно. Лишь наблюдалась усиленная деятельность патрулей».

Но ночь кончалась, выходило солнце и, как-бы приветствуя его первые лучи, начинала говорить откуда-то из-за горы тихая артиллерия. Ей немедленно же с востока отвела германская. Начиналась затяжная артиллерийская дуэль. Каждый из противников с обостренными «спортивными» чувствами старался напасть на батарею, спрятавшуюся где-то в складах местности. Жизнь в окопах тянулась медленно и будто. Дважды ни одна живая душа не рискнула поднять голову над козырьком окопа. На второе наступление ни одна, ни другая сторона не ряжалась.

В Гренобль, где был расположен штаб алпийского фронта, к командующему приехал союзный комиссар из гавани квартиры. Был теплый августовский день. Британский англичанин сидел в большом неукомплектованном кабинете начальника штаба фронта. Беседа длилась уже более часа. Сухой британец флегматично тянул из трубки и, твердо вытирая глаза французскими словами, дышал височатыми пальцами с начальником штаба о своей победе по линии французских позиций в Альпах. Он лично обследовал состояния армий и теперь был в полной уверенности, что французская укрепленная неприступина. Англичанин считал вполне возможным перебросить несколько дивизий на сопки к швейцарской границе, где линия Мажино переходила в полевую укрепленную алпийского фронта.

— Вы твердо уверены, сорь, что наше не грозит никакой опасности со стороны итальянцев, — спросил начальник штаба своим неизменно любезным, но ходячим тоном.

Англичанин самодовольно улыбнулся.

— По моему, генераль, итальянцы в Альпах имются столько же шансов на успех, как германцы на линии Мажино. Но моими наблюдениями они даже не готовятся к активным действиям. Постигайте сами, для того, чтобы подвести тихую артиллерию из этих трущоб, в хаосе камней и снега, нужно по крайней мере — четыре, шесть пехоты. Итальянцы беспечны. Я их еще знаю по прошлой войне, — заключил английский генерал свою речь, даяя понять французы, что никто не знает лучше него характера итальянских военачальников.

На этом разговор двух вицариев чинился союзного штаба закончился. Это было 28-го августа.

Ровно через пятьдесят было день рождения командующего фронтом. И в штабе алпийской армии, в виду затяги военных действий, речиши хорошо «выспрятуть» этот семейный праздник. Вечером большинство офицеров штаба, кроме оперативного дежурства, собрались в офицерском казарме. Ужин начался весело. Пили за здоровье начальника штаба, пили за здоровье начальника штаба, пили за здоровье командующего, пили за прекрасных дам, а потом, когда тихое вино ударило в голову, пили за то, чтобы скорее сдвинуться с места и прорваться в ломбардскую долину, как это сделали когда-то их предки Марлено Ривалы. И там на зеленых лугах устроили второе Калларето для газавшихся итальянцев.

И в этот момент итальянская артиллерия совсем неожиданно открыла ураганный огонь. На протяжении трехсот километров, от гавани Швейцарии до хазарского Средиземного моря — одновременно начались мощные артиллерийские подготовки. Всё это за пять итальянские барсельеры, поддержанные скло-зелеными цепями германских войск, пошли в атаку.

Французы были очевидны гибелью нападения. Ни кто не шел на штаб, ни в окопах, выпущенных по склонам гор, ни в пулеметных гнездах на скалах, не предполагал, что итальянцы готовятся к наступлению. И главным героем этого внезапного удара оказалась итальянская артиллерия, о которой так пренебрежительно говорил сухой англичанин из штаба.

Удар подготавливалась настолько скрыто, что даже на-

чальники отдельных частей узнали о готовящейся атаке и прорыве лишь за несколько часов до открытия артиллерийской подготовки.

Иркес, по лытому горячес солице, заливало своим теплыми лучами угрюмые силы средиземноморских Альп. Оно освещало заброшенные виноградники, выгоревшие бледные формы в селениях и темные извилистые линии окопов французских и итальянских укреплений. Но утром легкий пар поднимался от оставшихся за ночь склонов, туманы клубясь поднимались снизу из ущелий, легкий ветерок приносил оттуда-снизу запахи прибрежного леса, гигантских групп с деревьями чисто-чертежного сада.

В чистом небе, где-то высоко в засуме посыпалась гудение мотора.

— Лететь, — сказал один из французских стрелков, обращаясь к своему приятелю, присевшему около окна.

— Итальянец, — ответил тот, наливая бинокль на зеркало.

Истребитель шел на большой высоте и с земли казалась черной, маленькой точечкой. Летчик-наблюдатель смотрел в трубу, расположенную в полу кабинки. В низу оттавало видилось расположение окопов противника. Вот сияла блестящая полоска — это горная речка, когда-то служившая границей. Вдоль нее за замытой черной полосой тянулся эмблема окопов. Слева вдаль можно разобрать дома, деревушки, а если обернуться направо, то виден маленький городок — около него, разбитого и оставленного жителей, — фронтом вдоль большую дугу, входящую в расположение итальянских войск.

Утром, из тесной прокуренной комнаты начальника штаба итальянской разведывательной авиации, летчик по лучшей задумке по возможности высунул лицо из окна и, оттолкнувшись от разрушенного горшка, выглядело видлось расположение германских войск. Вот именно на этот момент из окна прокуренного генерала Фукса посыпалась телеграмма о том, что итальянцы начали наступление.

Итальянская передовая линияела очень близко от французских оконов, из расстояния всего триста-четыреста метров. Из одиночной ямы, недалеко от разрушенного горшка, французская позиция вдавалась широким языком в расположение германских войск. Вот именно на этот момент из окна прокуренного генерала Фукса посыпалась телеграмма о том, что итальянцы начали наступление.

Весь прыжок трубы наблюдателя вырисовалась узел трех щипцов — хорошо знакомый пункт для ориентации во времени полетом. Вот забытые для небольших птиц — два маленьких горных овера. Недалеко от них видна группа строений — это винокуренный завод. Летчик с внимательностью всматривался. Там, внизу, по дороге от разрушенной фермы к винокуренному заводу, он увидел алпийскую границу. Видимо, это был автомобиль. Наблюдатель снял язычок из пистолета. Тотти круто спустил разведчика носом вниз. В трубах на минуту пропала панорама, но когда аппарат выровнялся, наблюдатель успел увидеть двух мотоциклистов, которые выехали с территории завода и насыпью направились к небольшим позициям. Несколько язычков мыслей, что на земле разместились какими-то штабы. Наблюдатель удовлетворенно усмехнулся и поставил на карту жирный крестик.

Разведчик стал опять набирать высоту. Вот он пролетает над горой склон, где когда-то стояло горное шахтное здание, разрушенное в первые дни войны. Но почему окопы развалились впрочем, темные пятна, которые раньше не были отмечены на карте. Наблюдатель наклонился к фотографическому аппарату, прикрепленному рядом с трубами, и сделал затвор один раз, второй, третий.

В этот момент в воздухе педально от аэроплана поднялось небольшое белое облако, за которым другое, тоже облако выросло несколько выше вправо от разведчика. Потом, третью еще ближе, в борт фюзеляжа стукнуло ильско-желтым разрывом из пистолета. Пистолет снял кривой вираж, повернулся резко влево и помчел по направлению к своим позициям. Затем, вновь набрав высоту, он повернулся обратно. Пролетая мимо узкой щели горной пропасти, летчик взял курс на землю на склоне — это было щоссе, по которому, как мурлыки ползли каких-то маляски. Казалось, что по щоссе подает длинный червяк. Опять аэроплан пошел кругами вниз, защищаясь затвором один раз, второй, третий.

Пилот снял язычок наблюдателю и указал ему на щоссе. Наблюдатель увидел на щоссе три быстрые приближающиеся точки. Это были французские истребители. Нужно было уходить... (Продолжение следует.)

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЬ
войны в Западной Европе.

(16-е продолжение*).

Д. 143 ГОВОРИТЬ.

Восемнадцатый коридор подземной ставки штаба союзных армий охранялся особенно строго. Кроме обикновенных надписей, перед входом, надь которыми стоять надпись, что доступ посторонним воспрещен, часовой никого без предъявления особых пропуска, подписанного начальником штаба, не подпускал к железной решетке, вечно спущенной. Эти строготи были введенены полк. Дюпре, начальником военной разведки, с самого начала открытия военных действий. В коридор № 18 помешалась одна из главных первых кают-компаний штаба — военная разведка. В том же коридоре, в двадцати комнатах находилась собственная радио-станция, шифровальная группа, ссыпанное особым лаком для последствий, но с избыточным начальника штаба, и безчисленные телефонные линии, о назначении которых знали всего лишь несколько офицеров, непосредственных помощников полковника Дюпона, и они сами. Эти телефонные линии связывали все крупные города Франции и Англии через центральную станцию Интернейшненс Сервис.

Если в операционном отряде штаба ни на минуту не затихала хижародочная деятельность, то в контур разведки день и ночь жизни был ключом. Полк. Дюпре получал беспредельно кучу радио-телеGRAMM от своих агентов. Расположенная в одной из комнат специальная станция перехватывала разговоры вражеских станций, десятки офицеров ломали голову над их расшифровкой. Особая станция, работавшая на ультра-коротких волнах, служила связью для полк. Дюпре с его агентами, разбросанными по всей территории противника.

В ночь с 18 на 19 сентября дежурный радио-телефрафист ультра-короткой станции принял уже десяток телеграмм. Ни одна из них не представляла собой никакого существенного интереса. Так, во всяком случае, казалось дежурному. Оно машинально отвечал на запросы условными сигналами и принимал иногда совершенно на первый взгляд бесполезные фразы, иногда неизвестный корреспондент начинавший dictовать бесконечное количество изуфта. Полк. Дюпре несколько раз в течение вечера заходил на станцию и спрашивал у офицера разведки, не было ли сообщений от Д. 143, который долгое время почему-то молчал.

— Странно, капитан, — сказал полковник, закуривая сигарету. — Д. 143 был всегда весьма аккуратен, но вот с некоторого времени, приблизительно двадцать пять тому назад, от него пришло только короткое сообщение о том, что пока никаких новостей нет.

Сжалу откровенно, мог ли это нормального быть и в то же время существовать. Вы, конечно, капитан, знаете, его шифр. Поэтому, если бы сегодняшний вечер будешь что-нибудь поведенное, то пропусти весть немедленно сообщить мне об этом. Мне кажется подозрительным то, что пятьдесят извещений им наступающие на 6 сентября отложили. Не готовить ли они какой-нибудь план?

Хотя все говорят о том, что особой гадости они предпринять не могут, тэлько не много много принять меры. Впрочем, если бы было что-нибудь новое, то безусловно 3. 48 сообщили бы. Но его последний донесение, полученные правда, восточно, говорят об отрыве начавшего в отрыве резервов с главного сектора. Донесение № 143 особенно цинны тем, что ему до сих пор почти всегда удавалось получать самыя достоверные сведения.

— Меня тоже удивляет, полковник, молчание. Насколько раньше Д. 143 был регулярен в своих донесениях, настолько теперь его станция молчит.

— Есть все же что, пойдите новое? — спросил полковник.

Сводка донесений от шести до десяти мало интересна. Несколько сильнейший с южного сектора о передвижении итальянских войск в сторону границ Швейцарии. Два — три донесения из Гамбурга о выходе из Бильгейтсфельда трех подводных лодок, — вот это и все. Мною направлены кони к вам и в оперативное открытие штаба. Если будет что —нибудь новое, то немедленно.

Полк. Дюпре устало поднялся со стула.

— Я буду ждать, капитан, — сказал он, выходя из комнаты.

Прошел час. Капитан расшифровал поступившие радио-телефрафист и стал составлять полученные сводку, когда его работу неожиданно прервал вестовой.

— Господин капитан, адъютант Дюпона просил вам передать, что есть позывные Д. 143.

Капитан быстро поднялся и прошел в соседнюю комнату.

— Что нового, Дюпон?

Высоко отбита солдат, с наушниками адъютанта, не отрываясь от наушников, протянув ему блокнот. Капитан прочел:

— Говорить Д. 143. Д. 143. Наступление готовится к двадцатому. Эскадра двадцать четыре бомбардировщика. Участок неизвестен. Радио — пистолет...

Оторвавшись от листка, капитан удивленно посмотрел на радио — телеграфиста.

— В чем дело? — спросил он раздраженно.

Радио — телеграфист передал научники помощнику, и, повернувшись голову, отбылся:

— Я сам ничего не понимаю, господин капитан, передача была какая-то сумбурная. Но приказанию полковника Дюпона, я, как только были услышаны позывные Д. 143, стала расшифровывать передачу со слуха. Мне кажется, что я ее допустила ошибку.

Продублируя расшифровку адъютанта Дюпона, капитан убедился, что унтер — офицер не ошибся. В телеграмме было много неточностей и каких-то обрывков фраз. По сициальному стилю чувствовалось, что агент кто-то мешает или она превышенно торопится.

Переписав телеграмму, капитан вызвал полк. Дюпре.

— Ало. Говорит капитан... Да, господин полковник, только что получена радио-телеGRAMMA. Прикажете прочесть. Слушаюсь. Ожидай.

Через пять минут полк. Дюпре был в кабинет капитана.

— Слава Богу, — сказал он входя. — Наконец-то стихли Д. 143.

— Увы, господин полковник, его телеграмма полна неточностей.

— Показайте.

Полковник пробирал по написанному бланку и спросил:

— Расшифровка точна?

— Так же точно. Мною проверена.

— Первая фраза поштампана. Но вторая. Что должно значить 24 бомбардировщика? — задумчиво сказал Дюпре.

— Что значит радио — никот?

— Я также думал об этом, господин полковник, отбытил капитан. — Если предположить, что передававшимся позывкам произведут бомбардировку участка скоплений, управляя по радио, то...

— То они не достигнут никакого результата. Зенитные батареи сбьют бомбардировщики раньше, чем они успеютбросить бомбы. Нет, тут что-то другое. Тут вакансия для ловушки. Но какая?

ИЗ ЗАПИСОК ФЕЛЬДМАЙОРА ФУКСА.

Эскадра Ватана благополучно снизилась в прифронтовую подземную аэродром № 408. От генерала фон Ритенфельда и получила еще вчера все необходимые приказания.

Завтра разведкой будет дана фальшивая радио-телеGRAMMA о возвращении французской 84-й эскадры бомбардировщиков, уничтоженной сегодня вечером парами зенитных батарей на северо-западе участка линии Зигфрида. На флагманском корабле, в разбитом штурманским столом, был найден секретный код. Вот лишь — то и воспроизвести разгадку. А, чтобы замаскировать бомбардировщик, должен быть из крыльев и фюзеляжа парировать отличительные знаки, которые приняты во французской армии. Тут вакансия для генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме. Тогда он мог избежать преследования на самой аэродроме. Тогда он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать преследования на самой аэродроме.

Могли видеть ли генерала был вызван еще раз, чтобы он мог избежать пр

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ
войны въ Западной Европѣ.

(17-е продолженіе*).

Если собрать воедино все, что видѣли артиллеристы — разбѣжки съ различными пунктами, то получится примерно такая картина французскихъ позиций:

Справа, на высотѣ «272», построено сильное укрѣпленіе въ видѣ редута. Ближе къ серединѣ мѣстности появляется и переходитъ въ глубокій, большой оврагъ, проезжий солдатами «горломъ волчицы». Еще тѣльсто стоять одиночко съ сорванной верхушкой дерево. Около него ясно видны бѣлыя рогатки, поставленные передъ оконами французовъ. На нихъ висятъ консервные коробки и какіе-то тряпки. Здѣсь начиняется тѣльство самыи «языкъ», который такъ интересовалъ начальника артиллери. За рядомъ колесъ проволочного загражденія отстѣглое виднѣлись развалины форты, хозяйственныхъ построекъ и продольные и поперечные ходы, соединяющіе между окопами.

Слѣдь, какъ разъ у основанія «языка», темными пятнами на свѣтлой почве неспасибо скакалъ виднѣлся сырый блиндажъ. Потомъ позиція шла почтѣ ровной линіи, то поднимаясь, то спускаясь по высотамъ, желтыми окопами, перемежающимися ежами — бетонными блокадками, опущенными изъ небольшими тяжелыми пулеметами. Сосѣдъ на лѣвой флангѣ томимъ сидѣлъ на горѣ, которую солдаты называли «Лисъ» — одно изъ сильнейшихъ укрѣженій противника.

Такова картина французскихъ позиций предстала передъ начальникомъ итальянской артиллерией ударной группы, когда она ознакомилась съ картами артиллериствъ.

ВЪ ШТАБЪ АРТИЛЛЕРИИ.

Жгучий броеніе, съ волосами, подернутыми сѣрѣбристыми пятнами сѣдины, съ орлинымъ профилемъ, тонахъ краснаго рисунка губами и волосами подбородкомъ, генералъ Амадео Лучини сидѣлъ за грубо сколоченнымъ столомъ въ блиндажѣ, за деревней, разбитой артиллерию, отсѣкъ. Всего пять километровъ отдѣляло штабъ ударной группы отъ передовыхъ позиций.

Была уже поздний вечеръ. Сѣдѣло-желтые пятна тусклое горицѣи электрической лампы изѣрѣда колебалось, когда вѣнца разрывались тяжелыи французскій спарклъ. Въ открытыи двери порой задувалъ вечерний вѣтеръ. Начальникъ артиллери откинулся на табуретъ къ стѣнѣ и устало замѣялъ глаза, передъ которыми, какъ въ калѣidosкопѣ, мелькали картины, павны, черные линии позиций, зачерченный мѣста будущихъ районовъ пораженія.

— Ударъ долженъ быть нанесенъ въ то мѣсто, где обрѣется позиція противника «языкъ», — произнесъ опять вслухъ, вновь склонившись къ бумагамъ, расположеннымъ на столѣ. — Безусловно здѣсь... — продолжалъ опять вслухъ. Въ этомъ мѣстѣ наша иштота будетъ наибогѣе страждена стъ флангового огня, тѣлько кѣль, строго говоря, флангъ здѣсь и вѣтъ.

Генералъ прорѣзъ въ планѣ мѣстности четыре жирныхъ линіи. Этими онъ раздѣлилъ фронтъ на три участка: два широтеносныхъ по бокамъ, и одинъ — главный — въ северномъ протокѣ самаго «языка».

Начальникъ артиллери углубился въ математическое расчѣты, исписавши цифрами итальянскій страницы, опять положилъ пальцы на щеки и удовлетворенно вздохнулъ. Онъ нашелъ способъ. На обнаженныхъ участкахъ будуть расположены по 150 орудій. Эта артиллери должна только поддерживать дѣйствіе средней группы и въ первый периодъ борьбы противнику подчинять къ мѣсту главнаго прорыва свои силы съ сѣдѣніемъ позиций. Противъ самаго же «языка» надо будетъ сосредоточить 350 оставшихъ орудій. Такимъ образомъ на короткомъ участкѣ — три километра — должна дѣйствовать огромная масса артиллери, приблизительно на каждые шесть метровъ орудіе.

— Это сметаетъ съ лица земли сопротивленіе. — Опять громко сказалъ генералъ.

Сидѣвшій въ углу писарь молча покосился въ его сторону...

ДОПРОСЪ ПЕРЕБѢЖЧИКА.

Въ штабъ привели перебѣжчика. Здѣсь уже было много народа, когда вошелъ начальникъ артиллери. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали худого, чернѣватаго солдата въ голубомъ чучоѣи мундирѣ. Онъ стоялъ среди комнаты, худой, съ пѣтумищими ногами и безусымъ лицомъ. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ испуганными глазами. Когда началась допросъ, перебѣжчикъ чрезвычайно обрадовался и съ большой охотой отвѣчалъ на вопросы.

Онъ итальянецъ, семья которого уже давно осѣла во Франціи. Служитъ въ первой ротѣ 4-го полка алжирскаго стрѣлковъ. Зовутъ его Почитателемъ Альберто Почитателемъ.

Его часть стояла недалеко отъ Лисой горы. Онъ бѣжалъ съ полевого караула. Сколько ихъ всего, — онъ не знаетъ. Создать много, въ тылу отъ видѣль колониальнаго войска.

— Спросите, гдѣ у нихъ стоятъ батареи, — сказали начальники артиллери.

У перебѣжчика вновь сдѣлалось испуганное лицо. Онь этого не знаетъ. Итальянскія слова вспомнили съ французскими неудержимымъ потокомъ полились съ его губъ. Онъ болѣлъ, чтобы его не заподозрили въ томъ, что онъ скрываетъ что-то.

— Хотѣ, прападъ, — вновь быстро заговорилъ солдатъ въ голубомъ мундирѣ, — я вспомнилъ, вспомнилъ, вѣдько мѣй прошлѣло быдѣть со мною командиромъ въ штабъ, около четырехъ километровъ отъ позиціи, тамъ, вдоль дороги какъ разъ, гдѣ есть два горныхъ ручья устанавливали орудія...

Начальникъ артиллери записалъ что-то въ своемъ блокнотѣ.

— Какъ укрѣпленіе позиціи? — спросилъ онъ.

Перебѣжчикъ оживился. Здѣсь онъ можетъ блеснуть своимъ знаніемъ. Иль будуть довольны эти люди, одѣтые въ сѣрые френчи, съ иподакомами петлицами и голубыми перевязками, съ узкими ляжками орденскими ленточками на лѣвой сторонѣ груди.

— Позиція состоитъ изъ трехъ укрѣпленій линій. Вторая тамъ, гдѣ стоятъ наши кашевары и кухни, въ стилѣ штаба отъ первой, а дальше, мѣй вѣсколько разъ приходилось ходить въ полковой лазаретъ, у мѣя была диантерія отъ воды, всего въ пятистахъ шагахъ отъ первой, это третья. Первая линія имѣтъ спачала одинъ оконъ, а за нимъ, на разстояніи десяти шаговъ, еще оконъ, тамъ у насъ блиндажъ...

— Какой глубины окопы? — спросилъ начальникъ артиллери.

— Полтора метра будеть. Мѣй вѣтъ талъ, — и перебѣжчикъ указалъ до подбородка. — А потомъ еще брустверъ, — солдатъ провелъ ладонью надъ своей головой. — У второй линіи онъ больше метра.

Двухъярусная оборона, записалъ начальникъ артиллери въ своемъ блокнотѣ.

Штабной офицеръ продолжалъ допросъ. Перебѣжчикъ подробно описывалъ позиціи своихъ войскъ. Началъ первую построю искусственными препятствіями: полоса проволочныхъ загражденій изъ вѣсмы ріловъ коленъ, затѣмъ два ряда проволоки, по которой пущенъ сильный электрический токъ, далѣе, много подъѣхъши иль и минироаное поле съ засѣйкой изъ гостинъ срубленныхъ деревьевъ, пеरель на вырытыи оконъ для полевыхъ карауловъ, защищеннѣи ею своимъ отсѣкъ четырьмя ріалами колючей проволокой. Скарабоукъ имѣтъ ходъ сообщеній, прорытый толь проволокой первої линіи.

— Да, придется памъ, артиллерию, основательно поработать, — думалъ начальникъ артиллери, возвращаясь домой.

РАБОТА КРОТОВЪ.

По начальнику начали работать санитары команда, которыхъ въ штабѣ солдаты называли кратоми. Люди съ черными петлицами обижались на это названіе. Иногда, боясь темперамента изъ нихъ, кидались драсться съ наемниками. Саверы приходили на тѣ мѣста, гдѣ артиллеристы разыгрывали вѣйи свои команда съ номерами.

Они пробирались къ этимъ мѣстамъ, прорывавъ гдѣ земѣи специальныи холмъ. Затѣмъ рѣшили узкіи глубокіи ямы, въ которыхъ могло укрыться ильскоѣлько человѣкъ, укрепили стѣнки ихъ бревнами, мѣшками съ землей, настилали сверху доски и забрасывали потомъ ихъ землей, маскировали деревомъ или вѣтками. Все это дѣлялось съ величайшей осторожностью. Особый жандармскіи команда или комендантскіи управление штаба, сидѣли за работами. Они защищали ходы поверхъ этихъ холмовъ, разводили огонь, сливали материалъ для построекъ открыто въ кучи. И какъ только начинали роовать небо, работы прекращались.

Черезъ вѣсмь дней наблюдательные пункты были готовы. Цѣлой сѣтью раскинулись они по всей мѣстности, передовые, боковые, запасные. Пункты для командинговъ батарей, дивизионовъ, бригадъ, для командировъ артиллери. Сколько группъ, для начальника артиллери и его помощниковъ. Съ этого дня начинчалась «хотота».

На пункты пришли сноха люди съ красными петлицами, вооруженные биноклями, стереотубами, полевыми перископами. Они дѣлъ и ночь, часъ за часомъ, минута за минутой сѣдѣли за противника, стараясь «поймать» его въ пылающіи пушечныи гиѣзда, наблюдательные пункты, батареи.

Шпикъ № 1, помѣщенный на картѣ начальника артиллери, помѣщался на склонѣ высокаго холма, на южномъ флангѣ позиціи. Чтобы пробраться туда, надо было зайти обязательно съ тыловой стороны холма и пройти затѣмъ почти до его вершины тутынъ кустарникомъ. Далѣе идти узкій окошъ, который переходилъ изъ землиной нагороды, приподнявшей на самый наблюдательный пунктъ. Ареаломъ, сты устроился здѣсь съ иллюстраціями конфортами, — изъ вырытой полукруглою землянкой, сидѣло пять человѣкъ, изъ полу накинуты срубленными вѣтками, на оббитой отъ каменного сарая широкой двери, сидѣло снайперъ, завернувшись въ жилетъ офицера, другой сидѣлъ на табуретѣ и записывалъ что-то въ пыльную книжку, раскрытую на колѣнѣахъ.

Въ одной изъ стѣнъ землянки шла узкая венгерская бойница. У нея стоялъ третій наблюдатель и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ. Отсюда была хорошо видна Лиса гора, разрушившая ферма и опушка расположенного между ними лѣса.

— Опять лѣсъ, — сказали артиллери, стоящий у бойницы.

— Гдѣ? — спросилъ тотъ, который сидѣлъ на табуретѣ.

— На Лисой, — отвѣтилъ первый.

Сидѣвшій на табуретѣ, взглянувъ за часы и сдѣлалъ запись въ пыльной книжкѣ. Потомъ всталъ и, взялъ винтовку, началъ наблюдать.

Нѣсколько дней тому назадъ въ журналь наблюдений было помѣщено «сердечно обратить внимание на вѣнгерский бугоръ, который видѣлся на Лисой горѣ, немногіи праѣтъ установленіемъ тамъ роты». Гонно въ 11 час. утра началъ стрѣлять позаѣстия батарея.

И теперь наблюдателя не выпустили изъ зѣрины этого бугора. Они замѣтили, что пока стрѣляла батарея, изъ-за бугра на Лисой горѣ все время высывалась офицеръ съ биноклемъ. Когда батарея смолкъ, они, конечно, въ сѣмъ часовъ вечера изъ блиндажа на бугрѣ высыпалъ чоловѣкъ и сталъ ползать по земѣ, а потому скрылся за горой. Очевидно, это былъ телефонистъ, проводившій проводъ.

Все это наблюдалъ записалъ въ журналъ. Она стала съ удовольствиемъ сдѣлать за бугромъ. На сдѣланный день, въ половинѣ двѣнадцати утра, въ блиндажѣ прибрался офицеръ въ руѣхъ. Онъ держалъ наручную папку, блестѣвшую на солнѣ. Офицеръ этотъ черезъ дѣсть минутъ ушелъ, а еще черезъ дѣсть минутъ онъ началъ сѣрѣть изъ-за итальянской батареи, и онъ изъ-за бугра высыпалъ фигуру.

На рассыпѣтъ третьяго дня, наблюдатели отмѣтили, что бугоръ увеличился почти вдвое, и отъ него появился ходъ сообщеніи за гору. Было видно, какъ работаютъ французскіе саперы. Они глубоко вѣхъ и выбрасываютъ камни.

А вотъ теперь опять неосторожно высыпалъ офицеръ, покончивши немногіи земѣи, скрылся. Наблюдатели изъ увидѣли въ бугрѣ щель. Вѣрою, ее полостюто ходило, сдѣлали изънутри и у вражескаго наблюдателя было неостосточно широкий кругозоръ. Теперь уже не оставалось сомнѣній, что французъ устроилъ здѣсь восточный наблюдательный пунктъ.

Все это во всѣхъ подробностяхъ было записано въ артиллерию журналъ наблюдений. Но не только это удавалось замѣтить итальянскимъ артиллериастамъ съ пункта № 1. Пунктъ, занятыи въ журналь, начальникъ артиллери вѣдѣлъ, что въ тѣ же дни имъ удалось обнаружить французскую батарею восточнѣе разбитой формы. Они споймали ее по блеску выстроѣнѣя разбитой формы. Которые появились между остатками бывшой формы и развалинами конюшни, когда батарея стѣжалась по итальянскимъ окопамъ. А затѣмъ наблюдатели увидали синажды, какъ за костеломъ установили тракторъ съ зарядами ящиковъ и солдаты носили на тарени на батарею.

Точно такъ же они обнаружили и батарею на востокѣ языка и около дома съ уѣхавшими остатками костелъ чечинской церкви. Какъ разъ тамъ, гдѣ вспомнили санаториумъ. Сколько разъ итальянскими саперами было мессе. Какъ разъ около груды обломковъ, оставшихъ отъ поѣзжаго зенитной артиллерией итальянскаго трехмоторного бомбовоза.

Такъ постепенно передъ начальникомъ артиллери вѣсъ кривились батареи противника, по которымъ бѣжѣлъ сорокъ, лоточень огонь во время пропаекъ. Десятки незамѣтныхъ, скрытыхъ глазъ сѣдѣніи за каждымъ дымкомъ вѣтра, за каждымъ движениемъ, давали малѣйшій огоньности.

Послѣдніе сѣдѣнія.

«ДЛЯ ВАСЪ» № 3, 14 ЯНВАРЯ 1940 Г. 15

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЫ
войны в Западной Европе

(18-е продолжение*).

ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО ВНЕЗАПНОГО УДАРА.

Скрипели и хлопали двери. Жалобно стонали изможденные люди. Солдаты спаси, мы нужно было получить схему телефонных пунктов, топографи съ вычерченными планами неприятельских позиций. Приходили начальники ударных групп, требовали указаний, большие орудия, больше снарядов, всего больше. Приходили командиры дивизионов и батарей, и с ними нужно было щадить на дополнительную разьбку. Приходили лётчики - наблюдатели со снимками, приносили покрытые пятнами обложки фотографических кювет, сбрасывая с аэропланов. Приходили инженеры - наблюдатели с привезённой колбасой. Иногда приходили крестьяне, агенты разведки. На картах появлялись квадраты: альпийская стрелковая дивизия, горизонтальная дивизия, кавалерийская дивизия, колониальная дивизия. Все это появлялось на штабных картах постов, доказывая разведки.

Теперь французские позиции предстали перед нами, никем артиллерии, как на ладони. Все было ясно. Всё новые укрепления, всё нальбо вижуя артиллерийский очки сопротивления, связи с управлением, всевозможные заходы пристройки из тыла к передовому линии, все теперь сложилось в одну стройную картину. Результатом нескольких недель кропотливой, напряженной работы, огромного количества людей, самых разнообразных военных специальностей, лежал теперь на столе, собранный и концептуализированный в немногих картах, схемах и альбомах.

ВЕСЕЛАЯ ИГРА.

Если бы какой-нибудь сторожевой наблюдатель вошел в середину сентябрь к начальнику артиллерии, оттуда полагал, что люди, собравшиеся у него, увлекены веселым интересной, занятой игрой. За столом сидели начальники участков, начальники групп, ближайшие помощники начальника артиллерии. Перед ними лежала панорама неприятельской позиции, вычерченная в большом масштабе.

— Я предлагаю, — говорил маленький, тощий полковник, съ синими, от только что побитой бороды, лицом. Ему было поручено командование средней группой. — Я предлагал потому дивизиону 84 броунса в начальнике первого боя обстреливать окопы противника. Вот эта батарея будет стрелять по бывшим рогаткам. Очень удобно: если получается сбить косой, — полковник провел линией, которая показала, что снаряды будут ложиться в окопы противника. — Огонь других батарей этого батальона разойдется по другой стороне «измены», — полковник ткнул пальцем в сбрый блиндаж. — Во второй период боя этот дивизион перенесет свой огонь в тыл противника. Он захватывает своим обстрелом весь сектор, от ручья до фермы, — полковник провел на плане две дуги жирными линиями, обозначающими секторы обстрела.

След генерала, командующий правой группой, с большой пыльностью для своих лёт, принял враждебное на землю полковника, доказывая, что его орудия должны быть в первый период боя по хорошо укрепленному редуту, на вершине «272», а во второй — по району, где стоит сбрывание снарядов дерево, так как несомненно оттуда будут подходить подкрепления противника...

Генерал с увлечением чертит на плане синими карапузами и горячо доказывает, как будет подводить проишущее по просеке у фермы, и как его останавливают отнюдь его бригада, и как французы обращаются в бегство...

— Уверяю вас, у меня есть опыт абиссинской и итальянской войны. Вот, если я открою огонь по этому дивизиону, то будь может даться противнику, куда? Одно оружие на ширину, одно на удал...

Вскоре пань стал походить на пеструю, разноцветную картину, с множеством различных условных значков, крестиков, точек и жирных линий, в сложной пачке которых сторонний наблюдатель уже ничего не мог понять.

Начальник артиллерии превосходно разбирался в этой захваченной паутине.

Для него была стояла обстрила отдельными батареями. Но нет он сразу видеть, что огонь почти весь оружия быть направлен на косой линии из неприятельских окопов, как сектора обстрела, как в пазухе ложился один на другой, что «пустых» беспроводных мест в неприятельской позиции не было. Все было хорошо.

Но надо было убедиться, что одни батареи не мешали другим. Надо было, по возможности, выполнить пожелание пехоты о том, где именно проделать проходы в проводолите и каких батарея и пулеметная гвардия противника садятся подавить в первую очередь.

Надо было согласовать действия отдельных групп и выработать план выдвижения батарей с началом атаки...

Долго продолжалась еще эта своеобразная «игра» на карте которой стоялись не деньги и не мелкий азарт, а огромное человеческое усилие, десятки тысяч людских жизней, военные салты и честь германо-итальянской армии.

ПОДГОТОВКА УДАРА.

Но тут же были т батареи, т орудия, огонь которых тащил весело и занимательно распределяли начальников артиллерии и его помощников?

А них еще не было. Большинство их стояло еще в глубоком тылу, в стороне от дорог, скрытое в лесах и рощах, выстыдясь артиллерийскими парнями и обозами.

Он был также искусно замаскирован, что только очень внимательный и любопытный глаз на десять метров мог различить в гуще зелени орудия, покрытые листьями, или деревьев, деревьев, на передках, почти скрывавших представляемые собой голову кусты. By каждую спину колеса, в каждую щель была всунута зеленая ветка. А дальше, помимо сбитыми, умыванными также обычно ветвями, стояли тракторы, тягачи, грузовики автомобили. Выложились, пылько покрыты, изнутри по верхушкам деревьев сбитыми, у конопаткой снопами разбросанными листьями, зелено-перевязанными извивами.

Давно уже было замечено артиллерийские позиции и заставлено ими на картах и планах, над которыми много ночей просили чертежники, с коротко стриженными, а иногда и бритыми, головами. Они тщательно вычерчивали каждый изгиб рельсов, пансионенный центральный кардиналом на схеме на начальника артиллерии.

Уже давно были оборудованы и тщательно замаскированы места для орудий.

Уже давно были вырыты углубления для зарядных ящиков, особые тщательно укрепленные могильы для запаса снарядов, склады, ровники и земли, первые из которых рельсы и рулем железнобетона для артиллерийской приставки и командирата.

Уже давно телефонисты соединили незаметно эти возможные проходы с наблюдательными пунктами, местами пребывания начальников, с центральными телефонными станицами, с передовыми окопами пехотных частей.

Уже давно в помощь устремленным телефонам были установлены передвижные радио-телефонные станции, которые пробовались и несколько раз булыжники сбивали жужжащими молниями динамомашинами винтовыми переносными секретарями, не только противника, но и своих солдат.

Уже много раз командиры батарей и артиллерийский дивизионов выезжали на позиции. Они опечатывали все посты, угломбрюк и дальнобойники, прибирали все лягушки пыли и листьев на них. Они позорничали заставить основных исходных занятия для открытия огня и даже попытались на разведение снарядов.

Уже все же большинство артиллерийских позиций оставалось почти пустыми.

Начальник артиллерии не торопился сразу конспираторски разместить массу оружия на своем посты, чтобы они выдали противнику панькою упреки.

Нет, нет! Ничто не должно было хоти бы лягушку врагу и сородичам впереди пошли в замечательный для пропаганды район.

Чтобы еще больше замаскировать место прорыва, команда сектором сбивало демонстрационное передвижение вражеских частей в тылу.

Он знал, что неприятельские лётчики были похожи на птиц, увидеть, что из посток от пехотинцев позиций потянулись длинные полосы автомобилей. Оба этих неслыханно было сообщено в штабе Бензинеса. По приказанию начальника автобанов эскадрильи бомбардировщиков, чтобы забросать передвигающиеся германо-итальянские моторизованные части бомбами.

Наконец, какужающиеся ленточки, полоской шоссе с черепахами — автомобилями, такой она была винт, поднятым бомбардировщиками, развернулся насторожий взоруженный бой. Германские итальянцы, как коршуны, напали на тяжелые французские бомбардировщики. Французские итальянские санитары из легких позиций из аэробусами бомбами и камикадзе бросились спасать своих боевых товарищей.

То наследия, то отступая, французы пытались заманить нимесь от зерка зенитных батарей, в то время как бомбардировщики, пикируя на скорость 450 километров в час, снижались к земле и забрасывали бомбами шоссе.

Наблюдателям было видно, как разрывы взрывами длинные полосы взрывавшей земли, среди которых маленькие черные точечки виднелись части разбитых автомобилей, летели вверх колеса, груды исков, раскрытыми руками и ногами мертвых поднимались человеческий тела в казалось, что когда они падали, то в узких наблюдателей раздавался матый удар о землю этим мертвым, изуродованным бомбами тела.

Бой продолжался всего лишь несколько минут, но тёмные люди, которые были в автомобиле, прада, не груженых войсками, а пустых, казалось, что они длились целую вечность.

Наконец, германским и итальянским лётчикам удалось отогнать бомбардировщики, разбить их. Несколько горящих машин, оставив дымящие хвосты дыма, падали куда-то за холмы. От них отделялись черные точки, над которыми через несколько секунд раскрывались белые зорники парашютов. Это лётчики, снесли свою жизнь, оставили на произвол судьбы горящими машинами.

Но пань была достигнута. У французского командира, наконец, было создано впечатление во-первых удач, иконо-бомбардировщики перебрасывали частей, а во-вторых, полное спокойствие за судьбу участка, который благодаря переброске частей, ни в коем случае, не мог служить ареной какого-либо прорыва или атаки.

Успокоив внимание противника, как передовыми линиями итальянских войск, началась кипучая, но исключительно почтная работа. На ночь многие дороги, ведущие с тыла на передовую позицию фронта, занимались для всякой деятельности.

По другим дорогам днем разрывалось продвигаться только одиночными автомобилями или мопедами, а вьюковыми частями, не больше чм в десять человек — и то на дистанции не меньше двухсот шагов друг от друга.

Многие базары, особенно тяжелые, были подведены из Фронту и поставлены на свои позиции для сути до начала боя. Для того, чтобы любопытный объектив фотографического аппарата лётчика наблюдателя французов не поймал всяких сцен передвижения, то посыпал тишина, только уничтожалась. На борозды, оставшиеся глачами, танками и автомобилями со снарядами, насыпалась земля. Они вновь закладывались сбрызнутыми из бензинами деревом, который пропался из близлежащего аса.

Французские лётчики, казалось, плавно возвышавшие над расположением германо-итальянских войск, не замечали никаких приготовлений к крупным операциям.

Они вились под собой уже надуваемую из нескольких месецов одибообразную глубоко ширину карту тыла.

И в Бензиноне, и в ставке французской войск не возгоревались ни о гигантской военно-воздушной рабочей, которая шла при величайшей скрытости из глубокого тыла и на передовых позициях противника, ни о той энергии, которая находилась на маленьком секторе фронта, чтобы затянуть синим коротким, висячим узлом, обвязавшим сразу на голову врага.

Во время одного из полетов французский наблюдательный аэроплан вернулся с разбитым и, представив снятую на фотопленку панькою картину тыла.

На склонной поверхности снимка, через зелену, были обнаружены в совершенно покинутых местах кипятки вражеских частей, которым склонились батареи.

Смотрите, полковник, — указывал тонкими пальцами на схему, — говорит начальник штаба, войя им по карте, — кажется, противник поставил небольшую батарею. Нужно сейчас же отдать распоряжение панькою артиллеристам, чтобы они взломили панькою о том, что в нынешнюю войну нельзя быть легкомысленным и пренебрегать маскировкой.

Через несколько часов послышалась разговора с лицом французов со смеющимся и прятавшимся пальцами изогнутым носом, глухо ударились в землю, взмыли кверху кипятки земли и вились огненными воронами. Они почти с математической точностью ложились около панькои, которые ссыпали панькою о том, что в схватке с французской артиллерией, которая с чрезвычайной точностью схватила фотографический объектив лётчика.

(Продолжение смотри)

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ
войны въ Западной Европѣ.

(19-е продолженіе*).

Бомбардировка продолжалась пѣсколько часовъ.
На все очень лѣниво, какъ бы некохъ, отвѣчали бата-
реи противника.

Но неправно тратили французы снаряды. Тѣ темные
точки, по которымъ они были, были лишь только круизны-
ми толстами бреши на подставкахъ, которыя съ высоты въ чо-
тыре тысячи метровъ безусловно должны были залечат-
ьтися на фотографическомъ снимкѣ какъ артиллерийскія
батареи.

Но вѣдь много было работы начальнику артиллери-
и въ подготовкѣ внезапнаго удара. Армейские штабы та-
же лихорадочно работали, постоянно подготавливая не круп-
ными соединеніями танковые части и пѣхоту.

Усилилась ночная работа патрулей. Итальянцы все
ближе къ пѣхотѣ, шагомъ, старались отвоевать у
французовъ пространство «ничѣй земли».

Она кончалась о каждомъ мѣсяцѣ замѣтнѣемъ въ рас-
положеніи противника, о польскихъ и батальонныхъ коман-
дирахъ сѣчась же указывала прикомандированіемъ къ нимъ
артиллерийскимъ офицерамъ, какіе пулестрѣнныи гибѣда и
блинницы, какіе пѣлевые караузы, вооруженные тяжелыми
пулеметами мѣшали бы будущему продвиженію пѣхоты.

Когда наступала ночь, германо-итальянский артиллери-
стъ открывалъ по этимъ точкамъ огонь. Въ отвѣтъ на его
французу начинала отбѣчатъ.

Сѣвѣнцеси спарады, оставляя блестищую траекторію,
прорѣзали фантастическими узорами темное осенне небо.
Взвѣсившись, одна за другои, разноцѣтвѣтныи ракеты, сливаясь
красными, зелеными, серебристыми и золотистыми брыз-
гами, гдѣ то около звѣздъ.

Стрѣльбы преимущественно изъ легкихъ орудій. Германо-
итальянскій штабъ не желалъ выдавать присутствіе въ
этомъ секторѣ уже подбитыхъ, установившихъ и вели-
колиющи замаскированныхъ тяжелыхъ батарей.

При стрѣльбѣ легкихъ орудій выдвигались каждый разъ
на друга мѣста. Это дѣлалось для того, чтобы французы
не обнаружили тѣхъ позиций, съ которыхъ эти орудія дѣла-
ли будуть бить въ день атаки.

Пока изъ ночи въ ночь французская артиллериya лишь
освѣщала пулестрѣнныи гибѣда французовъ. Пока она лишь
засыпала ходы сообщеній, ведущіе къ передовому постамъ.

Пока лишь мѣшала французы вести огни изъ
легкихъ окошныхъ орудій бомбометы и гипнотики. Въ
это время итальянская пѣхота лихорадочно рѣзала оконъ въ
пѣсколькихъ шагахъ впереди, въ передовомъ укрѣпленіи лин-
ии и соединяла ихъ ходами сообщеній.

Когда затихала почтальная тревога, когда начинала уже
брѣзжитъ утренній рассвѣтъ, французскіе секреты видѣли
на десяткѣ шаговъ ближе къ себѣ сѣвѣро вѣтряты против-
никовъ оконъ, укрѣпленіе мѣшками съ землей и обнесен-
ными рогатками изъ колючей проволоки.

Сѣчась же по нимъ открывался огонь, но германо-
итальянскіе батареи дѣлали немедленно же винтилѣи об-
щено отбѣть на него, стараясь прикрыть своимъ огнемъ
только что продѣланную за ночь работу пѣхоты. Ар-
тиллерийская дѣльца продолжалась въ теченіе пѣсколькихъ
дней. Потомъ, когда на линіи противника, по замѣтнѣемъ
никакихъ новыхъ попытокъ продвинуть впереди, она
утихла.

А черезъ пѣсколько дней опять дѣлалась отчайный суд-
дорожный бросокъ впереди. Отвоевывалось еще пѣсколько
драгоценныхъ метровъ отъ страшной зоны огня и смерти.

Такъ на протяженіи почти четырехъ сотъ километровъ
всего юго-западнаго фронта медленно подползала передовая
линия окоповъ къ французскимъ укрѣпленіямъ.

Въ концѣ концовъ разстояніе между противниками со-
стavляло не болѣе двухъ сотъ шаговъ.

Глубоко зарывшись въ землю, наложивъ поверху своей
головы стволы деревьевъ, землю, а гдѣ и бетонныи плиты,
заготовленныи заранѣе въ тылу, итальянскіе пѣхотинцы съ
отчайнѣмъ мужествомъ отсаживались въ этихъ убѣж-
ищахъ подъ непрерывнымъ огненнымъ ливнемъ французской
артиллериї.

Многие изъ нихъ уже давно потеряли слухъ, благодаря
неутихавшимъ разрывамъ тяжелыхъ и легкихъ спарадовъ,
огромныхъ хвостатыхъ окончнинъ мѣнѣ, отъ удара которыхъ
многотоннныи крыши, вѣрхами глубоко въ землю вѣсели-
лись порѣ, прожали. На стальные шлемы, плачи, оружи, смѣ-
вались пѣрамъ каскамъ мелкихъ камней. Комковъ мокрой
земли, песка. Они попадали на воротники мундировъ, на-
бивались въ ротъ и въ носъ. Изъ-за непрерывнаго артил-
лерийскаго огня мѣнѣ силыѣ пѣрамъ дышали головами.

Лишь только рѣшь можно было съ огромными рискомъ
доставить въ герметически закрытыхъ особыхъ термо-

сахъ горячую пищу. Много эта поза замѣтныхъ, никогда не
вспоминающихъ въ приказахъ по армии героевъ потгило отъ ос-
вѣтъ, разорвавшихъ спарады. Ихъ имѣя только упо-
миналась въ очередномъ разрѣшении коротко стриженнаго, съ
жирными затыкомъ, германскаго фельдфебеля или черного
кѣль жукъ, итальянскаго унтер-офицера, что столько то
человѣкъ отправлены въ пищѣ на передовыи позиции
убиты.

НАЧАЛУНЬ ВНЕЗАПНаго УДАРА.

Послѣ пѣсколькихъ недѣлъ пудовыхъ осеннихъ дождей
наступила яркая солнечная погода. Дороги подсохли. Пре-
вратились въ линику, нещиропазную грязь, земля между
окопами противника затверѣла.

Изъ окна горячаго шало, где сидѣлъ маленький толстый
полковникъ, со скотомъ руки — начальникъ средней
группы артиллериї — былъ виденъ краснѣйший блѣдо-розо-
вый закатъ.

Начальникъ не замѣтчалъ его красоты. Онъ склонилъ
са надъ листомъ разграфленной бумаги и сажавъ, въ ко-
роткихъ, красныхъ пальцахъ, карандашъ, что-то писалъ.

Это было послѣдній подготвительный приказъ.

Онъ начинавшись слѣдующими словами:

«...Обстановка не измѣнилась. Атака французовъ по-
зит на всѣмъ фронтѣ назначена на завтра. Приказыва-
ю...»

Дальше шло подробное расписаніе, которое указывало,
что должна сдѣлать каждая батарея, въ первый періодъ
бои, а затѣмъ, послѣ началь пѣхоты атаки.

Для всѣхъ батарей были указаны строгиѣ границы па-
нѣстности, въ предѣлахъ которыхъ оѣ должны вести об-
стрѣль. Было указано время, когда можно, началь пер-
естрѣль и когда вести огонь по пораженію.

Затѣмъ далился точный расчетъ по часамъ съ какой
скоростью должно стрѣлить каждое орудіе и, наконецъ, шла
распоряженіе болѣе общаго порядка: о переносѣ огня во
время атаки, о заласахъ гранатъ и шрапнелей, о батарей-
ныхъ наблюдательныхъ пунктахъ, о радио и телефонной
связи, о выдвиженіи артиллериї и многое другое.

Окончено писать, полковникъ зѣчнымъ голосомъ по-
повторялся голосомъ крикнувъ:

— Вѣстовой!
— Есть! — отвѣтилъ голосъ солдата, какъ будто бы
выросшаго изъ земли у открытой двери.

— Передать въ канцелярію для отправки по частямъ!
— подавалъ бумагу хранившемъ голосомъ сказалъ под-
чиненный.

— Слушаюсь! — сказалъ солдатъ и скрылся за дверью.
Полковникъ поднялъ голову руками и, казалось, иначе-
но видѣвшими глазами утомленно посмотрѣлъ въ окно.

Красныи отъ бесконечнагоѣ сами собой опустившись въ
окно. Черезъ пѣсколько минутъ за окнами раздалась грохотъ
мотористовъ, свидѣтельствующій о томъ, что ординарнъ уже
выѣхалъ по всѣмъ дивизионамъ и батареямъ.

Сопѣлъ полковника былъ коротокъ. Онъ вѣртуя просу-
пѣть глаза и вновь наклонился подъ бумагами. Опять
еще разъ проѣхѣлъ всѣ возможности предстоящаго боя.

Все было, какъ будто, правильно.
Всѣ части огромнаго артиллериjsкаго механизма были
разставлены по своимъ мѣстамъ. У каждой свою строго
определеннѣю задачу.

Всюю готовность всей массы артиллериї можно было
бы сейчасъ спаравить съ тѣго напѣтнаго тетовъ лука:
готовъ винуть по требуемаго лѣгкаго толчка, чтобы мгновенно обобо-
лить огромную, наклоненную энергию и со злымъ систомъ
пушить тяжелую «оперенную» струю въ сердце врага.
Такой толчокъ былъ данъ спустя пѣсколько часовъ...

Изъ ЗАПИСОКЪ ФЕЛЬД-МАЙОРЪ ФУСКА.

Прибылъ въ штабъ авіаціи аэропромъ, гдѣ я сидѣлъ,
я былъ пріятно удивленъ, увидѣвъ среди штабныхъ солдатъ
преданнаго мнѣ по гробовой доски Фрица Витманера, которыи
былъ моимъ механикомъ въ ту пору, когда и коман-
довалъ всѣмъ истребительской эскадрильей.

Узналъ отъ менѣ, что я получилъ боевое заданіе, онъ
въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ просилъ менѣ вѣсть
себѣ о истребителе, которымъ я буду управлять во
время полета моей эскадрильи Вотана.

Сначала у менѣ было желаніе просто отказать ему. Но
потомъ, поразмысливъ, искромѣ, и пришелъ къ заключенію,

что поконъ браваго Фрица приносить мнѣ безусловно нѣ-
зъувъ случаѣ какихъ-либо непредвидѣемыхъ обстоятельствъ,
какъ-то порча мотора или его отказъ во времіе полета.

Должнъ генералъ съ желаніемъ взять Фрица съ собою
въ мой маленький «штабъ», пока что состоящий изъ одного
лишь человѣка, и получить сейчасъ же согласіе. Итакъ,
приближался время, когда рѣшится, наконецъ, моя судьба.

Улыбнется ли моя счастіе?

Какъ-то перенимаетъ эти тяжелые дни полнаго нѣ-
зѣвъ Шарлотта, которой я не писалъ за послѣднєе времіе.
Да, если бы и доходилъ письма, то онъ вѣрѣлъ бы давнѣ
что-нибудь ей, такъ-какъ нельзя написать въ письмѣ всѣхъ
тѣхъ перекликѣй, которые происходятъ. Они всѣ гло-
ссы связаны съ моей задачей, о которой я думаю день и ночь.
Отъ которой зависятъ мое будущее, карьера въ счастіе.

Въ разговорѣ съ генераломъ я пѣсколько разъ напи-
сала о томъ, что мнѣ было бы интересно знать точный
день, когда я должна вылетѣть изъ моей эскадрильи. Но моя
вопросъ и имени генерала почти всегда вѣдь въ разговорѣ
и переводѣ сейчасъ же разговоръ на какую-нибудь другую
тѣму.

По мнѣ важно знать точно день. Не потому, что эскад-
рилья не готова. Нѣтъ. Я хочу посыпать телеграмму Шарлот-
тѣ, чтобы она знала, что съ Гансомъ сейчасъ же обоз-
вѣдѣ счастья подвергается смертельной опасности и чтобы
она думала о немъ.

Но это наконецъ, насталь долгожданный день. Меня
угромъ вызвали къ генералу. При первомъ взгляде на его
лицо я вѣрѣла, что сегодня произойдетъ что-то
очень важное.

Подняла мѣй руку, генералъ пѣсколько минутъ молчалъ
засидясь по кабинету, изъ угла въ уголъ, а затѣмъ, а за-
темъ положилъ руку на мое плечо и сказалъ:

— Я знаю вы сильныи человѣкъ, майоръ Фуксъ! Я
знаю вы любите отечество и армію. Завтра будетъ тѣтъ
день, когда вы должны провести въ жизнь ту прекрасную
идею, надъ которой вы работали. Но прежде чѣмъ зѣть
вамъ приказъ, выполнитъ ее я хочу еще разъ «слушать»
всѣ подробности плана, потому что не зѣюко неизвѣданныи
ной гибѣи экипажа Итакъ, скажите, во-первыхъ: готовы-
ли бомбовозы, предназначенныи для удара?

— Такъ точно, — отвѣтилъ я.

— Второе: установлены ли на истребителяхъ двойныи
аппараты автоматическаго управления въ воздушѣ?

— Третье: какими бомбами нагружены бомбовозы?

— Бомбовозы нагружены бомбами со взрывчатыми ве-
ществами НС-411 и СР-9.

— Великолѣйно! Теперь — четвертое: вы будете вести
истребитель съ экипажемъ до фронта. Тамъ вы построите
вашу эскадрилью бомбовозовъ линіи фронта и направите «
спираль» на блокгаузъ и укреплѣніе французы. Если окажется, что вы не сможете вернуться на сво-
емъ истребителе на аэродромъ или будете атакованы про-
тивникомъ, то бросайте его въ воздухъ и снижайтесь при
помощи парашютовъ, но при этомъ я требую, чтобы они
также были направлены на цѣль, а не убѣдѣлъ бы бесполез-
но или палѣлъ бы вредъ своимъ собственнымъ линіямъ
укрѣплений. Я думаю, что вы также позабылисѧ нагружить
истребители бомбами.

— Такъ точно. Истребитель несетъ на себѣ восемь раз-
личныхъ бомбъ, начиненныхъ особо разрывающимъ вещ-
ствомъ ГЭГ — ПЛ.

— И, наконецъ, пятое: я отдаю приказаніе, чтобы въ
моментъ взлета ваши эскадрильи будуть сидѣть сопровож-
датъ германскими истребительными эскадрильями. Оѣ будутъ сму-
зливать преслѣдованіе. — При этомъ генералъ улыбнулся.

— Вы, конечно, понимаете, для чего этоѣается. Если,
по дѣйствію Бога, французы замѣтятъ вѣзть бомбовозы и ка-
кими-нибудь неизвѣданными памъ путами, узнаютъ о нашей
задачѣ, то эскадрилья бомбовозовъ, преслѣдованіе герман-
скими истребителями, не падетъ ихъ на мысль, что ваши
аппараты, принадлежащіе во французской арміи, несутъ въ га-
блѣ. Я думаю, что они постараются даже напасть на наши
истребители и вступить съ вами въ бой еще передъ перво-
ыми позициями. Тогда ваша задача будетъ совсѣмъ про-
стой. Понятно?

— Такъ точно! Все ясно!

— Итакъ, завтра въ 4 часа утра вы поднимаетесь. Дѣй-
ствуйте, берегите ложки, и главное, храните скрѣпку. Мнѣ
почему-то кажется, у меня есть такое пречувствіе, что
французы тоже что-то замысливаютъ, но я думаю, что памъ
успѣхъ имъ опередитъ. Къ тому моменту, когда вы выпол-
ните свою задачу, гомониавшемъ фронтомъ уже будутъ подни-
маться разрывы изъ намѣченому участку.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОДВОДНЫЕ КОРСАРЫ

(12-е продолжение).

Даёте из разговоров команды я узнал, что мы поставили у Алжира минное поле, и что пошли в крейсеровку к берегам Малиты. — На следующий день подводная лодка атаковала английский грузовой пароход «Манчестер Трэдэр». Какой май разсказывал лейтенант, этот пароход преодолел оборону против направляемого с подводной лодки артиллерийского огня. Всё продолжалось 4½ часа, пока, благодаря какой-то случайности, пушка парохода не разорвалась. Обезоруженный корабль, уже с небольшими попаданиями, принужден был остановиться. Капитан Нейман потребовал сдачи капитана и оставил экипаж судна. На нашу лодку прибыл для меня командир. Позже из разговоров со пребывающим я узнал, что капитан передался в рабочее платье, а я видел его нечто, призывающим коиница, высанженному на борт парохода «Манчестер Трэдэр», взяла в плен второго помощника. После того, как коиница покинула судно и прибыла на подводную лодку, капитан Нейман отдал приказание потопить «Манчестер Трэдэр», по ему сдаётся это не удалось, так как к мосту сражения подошел английский тралер и обратил в бойство подводную лодку. Как и потому узнал из газет, «Манчестер Трэдэр» уже не было счасти в ове затонул.

Быть с моим приятелем по несчастью, вторым помощником, мы прошли на подводной лодке еще четыре дня, а затем были высажены в Катарро, а оттуда отправлены в один из концентрационных лагерей, где оставались до конца войны.

На этого капитана Стена закончили свои показания.

Показания других свидетелей из чинов экипажа подводной лодки USC-67 ничего нового не внесли. Всё они в один голос уверяли, что только исполнили приказания капитана подводной лодки и всё они характеризовали капитана Неймана, как боевого, исполнительного, храброго и умного командира.

Речь прокурора была насыщена справедливым возмущением. Он упоминал об обстоятельствах гибели «Дувр-Кассель» и гравировал поступок Неймана с убийством ребёнка:

«Не было никогда в истории такого примера, когда гибли суда, запечатанные знаками Красного Креста. Если военная история знает примеры, когда добивали на поле раненых, то это были действий или варварство, или солдаты выполняли приказания тиранов. Неужели теперь, в нашу культурный век, возможно подобное? Гибель госпитального судна «Дувр-Кассель» не может ничем быть оправдана. никакие законы, ни Вожеские, ни человеческие, не могут оправдать поступок капитана Неймана. Но может он также, благодаря свидетельским показаниям капитана Стена, утверждать, что торпедирование госпитального судна «Дувр-Кассель» 27 июня 1918 года, избежжал суда в Данденон в июне 1918 года.

Лишь только двое лейтенантов Боддл и Дитмар получили по 4 года заключения каждый.

Честный обвинитель? Неужели вы можете честно признать, что капитан Нейман, исполнявший приказания своего бывшего начальства, газившее «столицу госпитального суда», может быть обвинен в злодеянии военным преступником?

Военная присяга точно требует безприкосновенного исполнения приказаний военного начальства, без всякой критики этих приказаний. Капитан Нейман своим подчиненным показал, что он является первым сыном своей родины и точным и исполнительным офицером.

Если высокий суд хочет судить по праву и справедливости, то он должен прежде всего заключить по зоркому, кто отдал эти приказания. Должен быть судим тот начальник, кто правильство, которое пришло к этой войне для борьбы со своими врагами. Высокий суд не может обвинять капитана Неймана за то, что он был исполнительным офицером. Пусть каждый из судей вспомнит также годы борьбы нашей родины против врагов. Пусть он станет на место командира Неймана и пусть он по совести заявят, как бы он поступил на его место. Исполнять ли он эти приказания или нет? Я не сомневаюсь, что никто из честных германцев не может не выполнить приказаний своего прямого начальства. Каждый германец любит свою родину и понимает, что приказания, отданного ему, послужат только для счастья родины. Я требую от суда полного оправдания капитана Неймана и считаясь с его вскаким обвинения в военном преступлении. Потопление госпитального судна «Дувр-Кассель» это, конечно, огромное несчастье, но оно вызвано было лишь тем, что Германия напрягала все силы, чтобы сломить мою врага.

После этой речи судья ушел на совещание, которое продолжалось около 10 минут.

Во время перерыва собиравшаяся публика очень живо обсуждала постыдства. Большинство моряков склонялись к тому, что капитан Нейман не является преступником, что он только исполнял приказания его прямого начальства.

Ровно через 10 минут судебный пристав объявил о том, что идет суд. В зале настущим мертвым тишине, среди которой председатель суда чеками голосом прощел, что капитан Нейман лейтенантским судом считается оправданным, так как он явился лишь исполнителем данного ему приказа.

Второй командир подводного корсара ст. лейтенант Паттин, обвиняемый в потоплении госпитального судна «Данденон» Кассель 27 июня 1918 года, избежжал суда в Данденон в июне 1918 года.

Лишь только двое лейтенантов Боддл и Дитмар получили по 4 года заключения каждый.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЬТ.

Но вот прошло 25 лет и вновь на широких просторах окончано греметь орудия, взрывается мины, оглушительно ревут глубинные бомбы, гнои, как 25 лет тому назад, за взаимоцвет на морах борются Англия и Германия. Но сейчас положение несколько различное перед теми, каким оно было во время войны 1914—1918 г. г.

Теперь Германия не имеет могущественного подводного флота, но зато опись подводной войны использовала полностью. Её подводный флот в течение первых же месяцев войны насыпал много ощущительных ударов островной державы.

Если в 1914 году Германия, вступая в войну, не знала, какое могущественное оружие представляют собой её подводные лодки, то теперь в полном сознании этого могущества, она заставляет английский надводный флот быть на чеку, быть всегда готовым встретить нападение подводных лодок.

Но английское адмиралтейство также узло всё тё ма-

году за другой сигареты, но затянувшись два-три раза, их бросали в испепельнице.

— Что за чертотища? — бурзкал он, прочитывая расшифрованную телеграмму. — Примите тут аппаратуру, привезите во французской армии? Что за еруда? Ничего не понимаю! Уже второе донесение об этих проклятых бомбоголовах. Что бы это могло быть? — Полковник нажал кнопку. Из стоящего напротив него громкоговорителя раздался хриплый голос.

— Говорить начальник аппаратурного отделения.

— Скажите, есть что-нибудь новое, Дюпон?

— Пока ничего. Посланные сведки моно пересланы уже полчаса тому назад.

— Меня интересуют не эти сведения, которые я уже прочел. Скажите, быть ничего от Д-143?

— Пока ничего, господин полковник. Мне думается...

— Вы не думайте, Дюпон...

— Извините, я хотела сказать, что обыкновенно Д-643, хотя неизвестно, но всегда дает о себе знать около шести часов вечера.

— Значит, ничего нет? — вновь спросил полковник. — Тогда я вас прошу, как только вы будете иметь что либо от Д-143, немедленно сообщите мне.

— Слушаюсь, — отвёл голос Дюпона. Полковник выключил громкоговоритель и вновь погрузился в кучу документов. На некоторых из них он дёлал пометки красными карандашами и бросал их на право в отверстие pneumaticской почты.

«Продолжение следует»

ры, уловки, которыми пользовались германский подводный флот для излечения ударов как военным судом, так и торговыми. Этого омыть учены, дополнены новыми техническими усовершенствованиями, и борьба с Германией за моря со дня на день принимает все более и более острый характер.

Если бы прошлую войну, чтобы разрушить могущество Англии, германское морское командование во главе с адмиралом Тирпицем объявило беспощадную подводную войну и беспощадную блокаду английских портов и устроило высшее германское командование, что в течение 6 месяцев войны будет закончено. А Англия поставлена на колени, так как она будет лишена подвода, а для борьбы против подводных лодок у неё не будет достаточно сильного оружия именно английское адмиралтейство объявило таинственную блокаду германских портов.

ПЛАН НЕОГРАНИЧЕННОЙ БЕЗПОЩАДНОЙ ВОЙНЫ.

Объем морских перевозок в Англии в течение 1916 года пиками был исчисляем только в 6% миллиона тонн. К этому прибавлялось еще 3 миллиона тонн нефтальных перевозок и 900.000 тонн «неанглийских» общим количеством в 10% миллиона тонн.

Таким образом ожидалось, что если ежемесячно будет уничтожаться 600 000 тонн и около 1.200.000 тонн будет удаляться из-под давления террора, пиками могут добиться мира в течение 5 месяцев.

Фактически в апреле 1917 года пиками было уничтожено не 600.000, а 849.000 тонн.

Предполагалось, что в конце этого периода объем перевозок в Англии и из Англии должен был уменьшиться на 39 проц. А эта потеря была бы окончательной и восполнимой.

Пришло бы внести хлебный паек. Снабжение Англии датскими и голландскими хирами значительно сократилось бы.

Кроме того перерыв в снабжении скандинавским крестьянским хлебом, столь необходимым для английских шахт, означал бы уменьшение добчи углы.

Следовательно должна была бы наступить нехватка военных запасов, которую нельзя было бы восполнить из другой вейтрайльской страны.

Интересный документ был опубликован в 20-ых годах послой войны относительно происхождения «неограниченной» подводной войны.

Во второй половине 1915 года германское морское министерство представило запросу, защищавшую «неограниченную» войну.

Чтобы убить кайзера, имперского канцлера и министра иностранных дел, были приведены статистические данные, касающиеся британского снабжения продовольствием, цель морского страхования, флота и т. д.

В записке указывалось также, что состояние снабжения Германии прогрессивно улучшается при принятии санитарных краинных мер для скорого заключения мира.

Канцлер и министерство иностранных дел не согласились.

Они с недоверием отнеслись к цифрам и болели за неизбранных действий неограниченной подводной войны на судах вейтрайльских государств.

Вследствие этого морское министерство запросило милью 10 выдающихся дьявольских людей, из которых 8 предсказали успех в 6 месяцах от даты начала, а девятый считал, что будет достаточно трех месяцев.

Эта анкета несомненно сыграла значительную роль в решении, принятом в декабре 1916 года. При обсуждении вопроса о неограниченной войне указывалось, что ее объявление одновременно с ее действительным началом может вызвать «сияющий ужас».

Что касается вступления в войну Америки, то ее результатом было бы захват германского тоннажа, находившегося в портах Соединенных Штатов. Но к этому были сделаны приготовления. На весь судах были подготовлены непонятные повреждения, изъятия их совершили бесполезными для плавания.

Кроме того, пиками не предполагалось, что из Северо-Американских Соединенных Штатов могли бы быть подброшены войска, в сколько-нибудь значительном количестве, а от союза с Англией, умноженной от военных истощений, Америка должна вскоре отступила.

Поэтому мир должен был быть заключен прежде, чем мог бы быть использован новый урожай. Другой единственно возможной альтернативой было весобоее истощение.

Все способы побуждения, аргументация и даже нападения были использованы, чтобы протянуть этот миль.

Не было допущено ни одного слова возражения или критики. Даже таким крупному матчу судоходства, как скопиному Балтику, не позволили выразить его отрицательного отношения к плану проведения неограниченной и беспощадной подводной войны.

План требовал от подводных лодок великого напряжения всех сил их экипажей, так как обещанные результаты должны были достигнуться к концу за 6 месяцев.

Если подводные лодки со своими истатами командами возвращались в порт, как он вновь получали приказ и им приходилось повторять обратно в снова влезть в море, после стычки починки, а порой и без всякой ремонта.

Продолжение следует.

заль умоляющими голосом Штольца. В этой просьбе ссыпалось желание человека еще хоть несколько минут пробыть в обществе того, кого он любит.

Штольц, — был можно позвонить и ст. вокзала. А май нужно еще столько собрать вещей, еще многое написать Фрейзелю Мильдеру. Давайте, не будем спорить, через два часа я вас жду здесь. Хорошо?

— Слушаюсь, — по военному отбылся Штольц, еще раз плюя руку Шарлотте.

Как только за ним закрылась дверь, Шарлотта сразу же опустила железнй крюк, тщательно на два оборота закрыла входную дверь в последнюю погреба промыла на кухне. Затем она открыла большую электрическую печь в кухне, там где должна была находиться пологрязательный механизм, широкий плоский ящик. Открыть ящиком странной формы ящик, она отодвинула ослободившуюся от них крышку. В ящике было несколько странных из кусков обгоревшей каштанки. Поставив их вертикально, Шарлотта из особого отверстия ящика достала четыре радиолампы довольно странной конструкции. Одна была похожа на толстые сигары, съеденные из особого материала стекла. Включив контакт, Шарлотта положила руку на телеграфный ключ, находящийся в прямом углу ящика и с большой уверенностью стала выстукивать телеграмму.

В это время в восемнадцатом коридоре полземной ставки штаба союзных армий полковник Дюпре в своем кабинете, погруженный в работу, первоначально

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЬ
войны въ Западной Европѣ.

(23-е продолжение*).

Через 40 минут орудія умолкли, но тотчас же стала пристрѣливаться другая группа тяжелой артиллериі.

Опять, по каждое орудіе — 10 бомбъ или 10 гранатъ. И несколько быстрѣло шрапнелью.

Еще черезъ 40 минут приступила къ пристрѣлу третья группа — гаубицъ и пушекъ крупного калибра. Одновременно новая пристрѣлька и легкіе орудія, выпуская 30 гранатъ по проволочныхъ заграждениямъ.

Въ 9 часовъ утра всѣ орудія одновременно перешли на нороды. Артиллериа забрала, какъ точно выѣренная часы.

Черезъ каждый 5 минуту ревѣлъ многостонный скрипъ, посыпавшись тяжелымъ орудіемъ. Такъ разрывалось стѣльца, а легкая артиллериа, по промежуткамъ между выѣздами не въ 2 раза короче. Еще быстрѣе стѣльца орудія по проволочныхъ заграждениямъ.

Спустя чашь отъгъ умолкли. Теперь каждое тяжелое орудіе стѣльца съ праильными интервалами въ дѣлъ съ половиною минуты, а болѣе легкое — ровно черезъ дѣлъ.

Промѣто еще 45 минутъ И, согласно расписанію, командиры батарей отдали приказъ «повысить интенсивность огня».

Резкий смерчъ огня и стала все яростальнѣ.

Коали и горячіи взлетали высоко въѣхъ съ волнистыми возвышенностями. Стальная колючая проволока, которую нельзя было перерѣзать викалии колющими, разнеслась подъ ударами спаридовъ, какъ простая бумаговая китай. Осколки гранатъ ссыпалась по косо линии непрѣстанныхъ окопъ, ходовъ сообщенія, сметая на пути все живое.

Массивные входы блокадъ и убийствъ трещали и обрушивались подъ ударами бомбъ и фугасныхъ спаридовъ.

Специальную выѣдленную орудія бомбардировали наблюдательные пункты и батареи французы, ихъ штабы и зумъ телефонной и радио-телефонной связи. Стрѣльбу этихъ орудій корректировали аэропланы, летавшіе надъ расположениемъ противника и привязывавшіе «коѣзасы» — аэростаты.

Оглушенный и ослѣпленный врагъ, подавленный внезапностью нападенія и неожиданностью его, отвѣтъ вѣло въ беспорядочно.

Надѣніе французскихъ спаридовъ показывало, что у нихъ не было зарѣзѣнаго плана стрѣльбы, и что они не знали, гдѣ находилось большинство нѣмецкихъ батарей и пунктовъ заблуденія и связи.

Нѣмецкие артиллериисты стрѣляли съ неустомимой методичностью.

Каждое орудіе изводилось отдельно, получивъ строго определенную цѣль, и по этой цѣли оно выпускало спаридъ черезъ совершенно одинаковые промежутки времени.

Полторы минуты — одинъ спаридъ, еще полторы минуты — еще спаридъ. Опять полторы минуты — опять спаридъ...

Это строгая методичность болѣе всего угнетала французовъ...

Она страшнымъ бичомъ хлестала по первымъ, не дававшимъ малѣйшей передышки. Человѣческій организмъ былъ въ состояніи невыразимо напряженія.

Методичность огня создавала впечатлѣніе, что этому никогда не будетъ конца.

Французы сдѣли запертые въ своихъ убийствахъ, тѣсно прижавшись къ земли и бетоннымъ стѣнкамъ, къ полу, къ товарищамъ, напрасно наѣться найти у нихъ поддержку съ каждой минутой уходившему мужеству.

Но вотъ нѣмецкая артиллериа вдругъ прекратила огонь. Наступило полное молчаніе. Противникъ облегченно вздохнулъ. Ахъ окончался.

Теперь нѣмецкая пѣхота и танки могли пойти въ атаку, но теперь было не страшно, послѣ такой сумасшедшей ар-

тиллерией подготовки. Французская пѣхота потокомъ вылилась въ окопы. Она ждала нѣмецкой атаки.

Но передышка продолжалась всего 15 минутъ.

Съ той же внезапностью, съ какой была превращеніе стоянки, появился новый ураганъ спаридовъ. Еще чаще залѣзъ смоктосный ритъ нѣмецкой артиллериі.

Оставшая груды труповъ въ окопахъ и въ ходахъ сообщенія, французы отступили обратно въ свои убийства.

Послѣ такой короткой передышки, какъ правильно учили германскимъ артиллериистамъ, первы противника, въ силу реакции нѣвѣроѣтно ослабли. Переосмыть нѣвѣроѣтно быстрымъ и строго размѣрнѣмъ бомбардировку стало еще труднѣе. Моральное состояніе французовъ окончательно падо. У многихъ началась анатаксия въ характернѣе безразличіе къ событию.

Около 12 часовъ для артиллериейской огни замѣтно ослабли и стала постепенно переходить на вторую линію французскихъ позиций.

По всемъ признакамъ начиналась нѣмецкая атака.

Усталые и измученные французы опять выбрались изъ своихъ убийствъ, встали у убийствъ пушечныхъ гильзъ, противотанковыхъ орудій, у ружейныхъ бойницъ подъ защитой траншеиныхъ козырьковъ.

Однако, нѣмецкая пѣхота и танки не пошли въ атаку. И опять черезъ 15 минутъ на переднюю линію противника обрушилась лавина бомбъ и спаридовъ. Шрапнели производили страшнѣе опустошения среди непрѣстанныхъ солдатъ. Въ смятении и ужасѣ ринулись удаляемо въ живьѣхъ и бетонированномъ укрытии и лисьи ворамъ.

Огонь нѣмецкой артиллериі достигъ своего апогея, не теряя правильности. Тяжелыи пушки и гаубицы стрѣляли черезъ каждые 2 минуты, а легкіе орудія посыпали свою гранаты ежеминутно.

Они долбили и рвали посадѣнія препятствія французской укрѣпленіи.

Нѣмецкие артиллериисты — поварушки, повариные, подавляющие спариды — работали съ несъмываемыми напряженіемъ силъ, чтобы поддерживать все время бѣшеный ритъ стрѣльбы.

Непрѣстанные солдаты перестали представлять собой организованное войско. Это было сбирине душевно потрясенныхъ людей, думавшихъ лишь о спасеніи.

Такъ продолжалось еще болѣе часа. Затѣмъ артиллериѣский огонь сталъ сихъ и постепенно уходить впередъ, изъ тѣла непрѣстала.

Ровно въ 2 часа дня нѣмецкая пѣхота, при поддержкѣ танковъ, покинула окопы и пошла въ атаку.

Впереди, неожиданно вырвавшись изъ воронокъ спаридовъ, съ беспрѣвѣнной отчесью или сотни танковъ. Поддержаныи изъ огнемъ ротъ и батальонъ устремились въ широкие проходы, продѣланные артиллериѣй въ проволочныхъ заграждѣніяхъ.

Можно было бы ожидать, что атакующіе встрѣтятъ сильный ружейный, пушечный, противотанковый и орудійный огонь противника.

Но этого не было.

Непрѣстанные орудія, подавленыи огнемъ нѣмецкой артиллериї, или молчали, или же стрѣляли мадено и ило.

Молчали пулеметы въ разрушенныхъ блинчикахъ. А большинство защитниковъ французскихъ окопъ сидѣло въ своихъ убийствахъ, боясь вонзать подъ ураганомъ окопъ и не вѣрь, что нѣмецкая пѣхота въ танки действительно идетъ въ атаку.

Германские артиллериисты, руководясь выработанными изънанками, перенесли свой огонь на тѣ или, которыя были замѣнены въ боевомъ расписаніи подъ рубрикой:

— Съ началомъ движенія пѣхоты —.

Они были по ходамъ сообщенія, по второй линіи непрѣ-

шательскихъ окопъ, по крайнемъ высокамъ, — обрагемъ, лощинамъ, откосамъ холмовъ, ущельямъ — однимъ словомъ, по всѣмъ объектамъ, гдѣ могли быть сосредоточены резервы противника и гдѣ эти резервы могли подойти къ нѣмѣцкѣй передовой линіи.

Открытия мѣста обстрѣливались рѣдкимъ огнемъ, но каждую минуту въ случаѣ появленія противника нѣмецкая артиллериа готова была перейти на мощную ураганную стрѣльбу.

Это была огневая завѣса. Она образовала широкую линію, которая стальной стѣной изолировала отъ видимаго изъпаденія бѣгущую впередъ за танками нѣмецкую пѣхоту.

БИТВА СТАЛЬНЫХЪ ЧУДОВИЩЪ.

Появление густой цѣлы танковъ совершило деморализованіе французскихъ полкъ, перенесшихъ нѣмецкую бомбардировку. Они оказывали очень слабое сопротивленіе почти безъ боя оставляя первые передовые окопы. Лишь иногда раздавались одиночные выѣсты.

Губокий подземный убийца, построенный съ такой тщательностью еще въ мирное время,оказалась ловушкой. Танки обходили незадѣбтые блокгаузы, для очистки которыхъ предназначались специальные отряды, съ ручными гранатами, которыми забрасывались въ блокгаузы подмытые бронированными двери. Столо оному нѣмецкому пѣхотинцу встать у входа въ убийство съ ручной гранатой, или бросить ее въ подземный кабинетъ, какъ весь гарнизонъ былъ обреченъ на гибель.

Танки уже далеко ушли впередъ. Въ головѣ изъ батальонъ танковъ, послѣдний вззпѣнъ «Зигфрида».

Всѣ машины этого батальона уже давно получили боевое крещеніе на kostюмныхъ поляхъ Польши. И не было ни одного изъ машинистовъ, грудъ которого не украшала бы бѣло-чёрная ленточка ордена Желѣзного Креста.

Первую линію, разгромленную артиллерией, танки ирѣшили совершенно свободно. Французская артиллериа, въ смыкѣ съ камѣнью обстоѧтельствъ, не открыла заградительнаго огня. Пыль въ воронкахъ, почти на 45 градусовъ подъ именемъ пысъ, танки, какъ докторицкіе животны, изъмывали пыль, изъ легкихъ орудій, волзли впередъ.

Вотъ они пересѣкли пысъ, идущее куда то съ сѣвера на югъ. Съ фланга затремѣли выѣсты. Французскіе резервы, переброшены командирами на место призыва, успѣли занять вторую укрѣпленную линію.

Черезъ узкую бойницу башни танка было видно, какъ въ фонѣ вечернаго неба факеломъ горитъ, какая то фрма. Черные глубы дымъ застилаютъ узкий горизонтъ бойницы. По временному колыхающимъ изымахъ отца.

По бронѣ гулъ бѣть пыла. По танкамъ стрѣлять теперь отослову. Съ фланга затремѣли выѣсты. Противникъ изъ-за спаридовъ, изъ рѣтъинъ и даже изъ-за разбитаго аэроплана.

Батальонъ танковъ «Зигфрида» развертывалась.

Выстраивалась въ боевой порядокъ. И спаридъ за спаридомъ начинавшись покрывать пулеметами пѣхоту противника, старалась заставить ихъ замочатъ. Съ каждымъ новымъ выѣстомъ танки неумолично приближается все ближе и ближе къ врагу.

Вотъ съ комы земли взменились въ воздухѣ острые ядрони.

Рухнуло на землю вырванное съ корнемъ дерево. Но французы съ бѣшенымъ упорствомъ бѣть на вступающими танкамъ. Впереди, какъ темнѣть салюты залупы дѣревьевъ. И изъ нихъ затремѣли противотанковые орудія. Первый танкъ, сначала дурнулся скакомъ, а затѣмъ, какъ смертельно раненое животное, покачнувшись съ лизомъ къ грохоту упаль въ воронку тяжелаго спаридовъ. Въ сълѣвашій гдѣ лишилъ второй танкъ угодилъ спаридъ, разбросавъ въ башни. Лишевшій управлѣніе онъ какъ сѣбѣ замкнулся со стороны въ сторону. Но вотъ онъ съ разбѣга попалъ въ яму, взрываю гусеницы земли, подмыла скобы и, паднувъ, остановился.

Спаридъ, изъ-за деревьевъ, или панѣтручу танки французы. Одинъ за другимъ, блѣстая яркими красками маскировки и головой гальскаго пѣтуха, они, вѣль за окопы, стали нападать на деревни. Командиръ головного танка, первы поступилъ рукопыти повернуть — посыпало мѣханизмы, внимательно всматривался впередъ, прильнуть къ окулту приѣла.

Лицезіонъ французскихъ танковъ показался совершилъ на неожиданно на флангѣ противника.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Р. Эглитисъ — Рига.

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ
войны въ Западной Европѣ

(24-е продолженіе.)

Въ окуньѣ были видны среди деревокъ взорванные снарядами полы немецкихъ пехотинцевъ. Они, используя землю какъ щитъ, каждую иму, быстро продвигались впередъ.

Съ головы танка французы гнули выпѣтъ. Еще однѣ. Снаряды, осыпавши бластишную траекторію, падали на взорванные снарядами полы и отъ каждого изъ взрывовъ къ небу взлетали комы земли и части тѣлъ немецкихъ пехотинцевъ. Этотъ интенсивный огонь непріятельской пехоты не выдержала. Она какъ-то внезапно становилась начиная беспорядочно отстрѣливаться. Но танки неумолимо шли впередъ, уничтожая все живое огнемъ, давающими гусеницами.

Грохоту противотанковой пушки. Но мѣткій выпѣтъ француза сразу заставлялъ ее замочить. Послѣ взрыва снаряда изъ насѣкѣ выпѣтъ прислугой орудія около вѣтра. Тянутъ руки, ноги, колеса.

— Впереди справа непріятельские танки! — кричать винтовкой командиръ головного французского танка.

— Магазин! Быстро!

Командиръ, повернувшись налево, обрушиваясь всю силу отъ на немецкие танки, идущіе теперь спасать свою израсходованную огнемъ противника пехоту. Справа и слѣдъ отъ командирскаго танка вырисовываются все новые и новые башни, украшенныя гальваническими пѣхотными.

Командиръ лихорадочно заряжаетъ пушку и пускаетъ. Дорога каждая минута. Въ пылу болъ отъ громко кричитъ, будто его слышатъ подчиненные ему стальные башни танковъ.

— Впередъ!

Вздохъ машина на ходу погружается въ тоннѣ. Въ танкѣ появляется вода. Все выше и выше.

Но трепеты бѣты пулеметной очереди. Осколки винтаются въ тѣло. Командиръ головного танка закрываетъ лицо руками. Иль-подъ пальцевъ течетъ кровь.

— Раненъ?

Командиръ открывается глаза. Они у него синѣ, большие, съ длинными рѣсинами.

— Вижу... — радостно вскрикиваетъ онъ, бросаясь къ бойницѣ и честно командуясь:

— Справа — врагъ! Держать на врага!

И, вновь разобѣгнувшись, открываетъ огонь. Это была безпрѣмѣрная атака. Впервые, за исторію войны, на полѣ дѣлалъ, какъ средневѣковые рыцари, жаждавшіе чудовища. Они наспѣвались другъ на друга и, сиѳинивши гусеницами, лежали въ огромныхъ воронкахъ, вырытыхъ снарядами, чтобы тамъ, на дѣлѣ, разстрѣливать другъ друга въ упоръ...

Оглядываясь кругомъ, командиръ головного танка увидалъ, что онъ лежитъ далеко впередъ. Повернувшись башню назадъ, онъ въ цѣль замѣтилъ, какъ изъ взорванныхъ снарядами полѣ происходитъ схватка между французскими и немецкими стальными чудовищами. Поворачивая башню командинъ увидѣлъ, скрывающуюся отъ себя, утихнувшую въ воронкѣ танка. Кругомъ раздаются только отѣдѣльные выстрелы...

«Можетъ быть это наша машина, которая пытается вырѣваться отъ меня? — мелькаетъ мысль въ головѣ лейтенанта. И онъ злѣкомъ приказываетъ уменьшить ходъ танка, отдавъ приказаніе одному изъ своихъ стрѣлковъ произвести разрывъ.

— Слушайтъ, господинъ лейтенантъ! — отвѣчаетъ машина роста красношерстной стрѣлки, сѣтѣтъ въ кожаный костюмъ и спешнѣйший танковый плащъ.

Загремѣли болты люка. Командиръ смотрѣть на свое стрѣлка, онъ знаетъ, что еще всѣмъ мѣсяцемъ тому назадъ, этотъ мѣдный двадцатитѣлій перенесъ ходъ на пытку на цѣвущихъ лугахъ Прованса и былъ далекъ отъ мысли, что ему придется когда-нибудь служить на современномъ стальномъ чудовищѣ, стрѣлять изъ орудія и пулемѣта. Сейчасъ либо его полно рѣшимости. Вынувъ изъ кобуры револьверъ онъ, какъ бы ожидая приказанія, посмотрѣлъ на лейтенанта.

— Ну, или, или! — грубо зато прикрикнулъ на него офицеръ.

Солдатъ выскакивалъ изъ танка и въкоторое время вѣрхнѣе саскѣвъ былоѣ сѣть его. Потомъ, низко притягнувшись къ землѣ, вскарабкался въ воронкѣ. Танкъ почти по листамъ слѣдуетъ за своимъ разѣбѣромъ. Но вотъ солдатъ уже окончательно лежитъ въ воронкѣ танка. Осторожно подохъ, дѣлъ съ правой стороны и стучитъ рукояткой револьвера по бронѣ.

— Эй, кто живой!

Башенный стрѣлокъ, черный какъ жукъ марселецъ,

поднимаетъ руку, чтобы предупредить готоваго отозваться механика-шоферя. Въ тишинѣ онъ слышитъ какъ стучитъ, словно о бронѣ, его сердце. Такъ оно стучало у него, когда одинъ разъ, въ родинѣ Бретаніи, онъ попалъ въ штурмъ вмѣстѣ со старикомъ отцомъ, когда сорвало парусъ, сломало матчу, а волны, налетавъ одна на другую, ходили по палубѣ лодки.

Они оба, марселецъ и бретонецъ, сидѣть рядомъ у пушки. Внизу, на полу, лежитъ мертвымъ командиръ танка, лейтенантъ. Поджавъ подъ сѣрь руку и неестественно подвѣрнувъ ногу, онъ умеръ плашомъ въ отверстіе закрытаго люка.

Марселецъ во время атаки успѣлъ уничтожить три противотанковыя орудія немецкихъ, а потому танкъ попалъ въ глубокую воронку, наполненную вѣдомъ.

Вода хлынула и залила аккумуляторы.

— Не рѣбѣй! — говорить ухмыльяясь бретонецъ. — Кажды нѣбъ выберемся, свои выручать. Не вѣшай ногъ! Смотри, кажется, направо, за земляннымъ бугромъ что-то зашевелилось.

Марселецъ прильнуть къ принципу и началъ стрѣлять хладнокровно и мѣтко. Изъ-за бугра раздалась очередь изъ пулемета.

Бретонецъ нагнулся за диками. Въ эту минуту пула кручиной-блѣдого пулемета пробила трилексъ. Бретонецъ былъ раненъ смертельно въ грудь, на вылетѣ...

Осьль на сидѣлье, онъ закашлялся кровью. Потомъ выпрыгнулъ, но, должно быть, силы оставили его, и онъ грузно слыпалъ на полъ, въ химонапоину воду. Его жуткий kostюмъ какъ то осѣлъ, а вода потемнѣла вокругъ раненаго.

Марселецъ взглянула на его простое и доброе, сейчасъ обезображенное судорогой, лицо и крѣпко сказъ плашомъ, пустивъ очередь...

— Сакре бле! Я буду держаться! Буду ждать!

Снаружи раздался стукъ. Потомъ другой, третій. Марселецъ бросилъ пулуметъ и развернулся къ башни. Почти наль его головы всплыла громада танка. Онъ, повернувшись бокомъ, былъ изъ пушки и пулемета по буграмъ земли, откуда только что стрѣлялъ противникъ. На боку башни, въ лучахъ заходящаго солнца ясно вырисовывалась гальваническій пѣхоты, гордо поднявши голову въ красномъ кодакѣ сан-кіото.

Марселецъ спустился на полъ. Оттянувъ отъ лока тѣло лейтенанта и раскрыль болты. Съ металлическими гроздьями открылся люкъ. Въ его отверстіе вырисовывалась голова...

— Здорово! А здорово у васъ воды! Плаваетъ? — раздался спокойный, немножко даже наскѣпливъ голосъ.

— Чего зубоскалишь? Видишь, — попали въ бѣду!

— А танкъ то чѣлъ?

— А чортъ его зластъ! Лейтенантъ убить. Механикъ убить. Остался только я!

— Ну, вѣзѣзъ! Идемъ къ намъ!

— А танкъ?

— Его потомъ подберутъ. Кажется, наступленіе отбито.

Хлюпая чутѣ-ли не по поясъ въ водѣ, марселецъ при помощи своего спасителя добрались до танка, стоящаго поперекъ. Прыгнувшись въ углы, они мачали.

Вечеръ угласъ. На западѣ вѣлья пылали зари; порой застѣлывали клубами чернаго дыма. Въ танкѣ стало сырое и холодно. Откуда то, справа доносился гулъ и грохотъ боли.

— Что же дѣлать? Поворачивать обратно? — спросилъ вдругъ лейтенантъ, наклоняясь къ водителю.

— Какъ прикажете...

— Вернъ направо, пока есть спариды и патроны, пойдемъ дѣлать, отѣйтѣ лейтенантъ, растигнувъ руками тужурку и копотъ и масло по лицу.

Танкъ развернулся и прошелъ на звуки замѣрающаго бола.

Въ темнотѣ, сбившись, съ пути, танкъ вдругъ попадаетъ на какую-то маленькую рѣчушку. Становится холодно. Танкѣстовъ зноить. Внизу, на полу, марселецъ что-то шопотомъ разскаживаетъ спасшему его солдату. Танкъ застраѣ. Неслѣдовъ раздается угроза и рокотъ моторовъ машинъ. Потомъ топотъ пѣхоты и пыльные голоса.

Къ замершему танку подходитъ нѣсколько человѣкъ. Они ступать по бронѣ. Въ бойницѣ слышны голоса изъ пѣхотинцевъ:

— Зажги спичку! Чей это танкъ? Нашъ или французъ?

Раздается какая-то возня...

— Спички отсырѣли! Эй, вы, въ танкѣ! Есть кто живой? Отзовись! Иначе подорвемъ!

— Чѣмъ подорвешь? — раздѣлается раздраженный голосъ. — Когда ни одного патрона въ подсумкѣ нѣть. Ты посторожи. Я пойду доложу лейтенанту. Навѣрное вводъ ушелъ недалеко.

— Пойдемъ вмѣстѣ. Все равно этотъ мертвецъ никуда не уѣхжаетъ.

Пропло нѣсколько томительно жуткихъ минутъ.

— Попробуемъ завести моторъ, — говорить лейтенантъ механику.

— Слушаюсь, — отвѣтчаетъ лейтенантъ, начиная вкопошиться околодомъ ручки.

— Да помоги же, ты, деревня, — говорить отъ злобы обращаясь къ стѣрѣ.

Они долго стараются, обливаясь потомъ.

Моторъ не заводится: аккумуляторъ въ вѣтѣ.

Проходитъ долгая ночь. Зубы отбиваются барабанную троубу. Въ танкѣ хододно. Кругомъ почти познѣшай тишина, кажущаяся страшной послѣ тѣхъ ужасныхъ часовъ обстрѣла и непрѣрывной стрѣльбы изъ орудій.

Утромъ лейтенантъ видитъ въ бойнице, какъ вдоль берега рѣки пробираются десятокъ нѣмецкихъ солдатъ.

Они открываютъ изъ пушкета огонь по противнику. Несколько выстреловъ изъ танка ополчили вѣтъ. Они остановились на минуту, какъ вкончные, а потомъ повернувшись, бросилисьѣѣть. Лейтенантъ зѣкаетъ имъ всѣль еще нѣсколько очередь.

И вновь медленно текутъ минуты. Ты-то напрасъ въ отѣтъ на выстрелы лейтенанта раздѣлается гулъ и грохотъ боли. Въ нѣбѣ ревутъ моторы зороплановъ. Въ танкѣ становится истерично дунгуло. На бѣтурѣ, за танкомъ понглагаетъ голова въ пѣхотной стальной каскѣ. Затѣмъ, вторая, третья. Солдаты осторожно приближаются къ танку.

Но вѣтъ, одинъ изъ нихъ поднимаетъ и бросаетъ гранату. Утромъ одинъ изъ нихъ поднимаетъ и бросаетъ гранату. Танкъ молчитъ.

Солдаты, осмѣявшись подходить вплотную къ машинѣ. Третій вѣзжаетъ на гусеницы и лѣзутъ къ башнѣ. Лейтенантъ видитъ въ отверстіе бойнице гранату въ рукахъ первого солдата. Онъ пѣлится въ него изъ револьвера. Отѣйтѣ. Солдаты бросаются вѣтъ. На бѣтурѣ, за танкомъ понглагаетъ голова, дунгагаетъ дѣлъ. На бѣтурѣ, за танкомъ понглагаетъ голова, дунгагаетъ дѣлъ. Солдаты снаряды изъ пушки вышибаютъ изъ пушкета и вспыхиваютъ.

— Пора уходить! — говорить лейтенантъ. — Помощь не подѣлится! Отѣйтѣ люкъ!

Они за дурумы выѣзываютъ люди изъ танка. Помѣщники выходятъ съ пушкетомъ изъ рукахъ офицера.

— Механикъ, — отдаетъ приказаніе лейтенантъ. — Отѣйтѣ краинъ бензина и подежчи!

Механикъ отворачиваетъ плоскогубцами кранъ бензину. Головой блѣдящей струйкой течетъ бензинъ. Потомъ онъ соединяетъ провода. Но аккумуляторъ пусты... Вытишитъ изъ кармана коробку спичекъ, зажигаетъ ладони, зажигаетъ огонь и, когда спичка разгорѣлась, бросаетъ ее въ образовавшуюся на землѣ лужу бензина и бѣгомъ логогаетъ ушедшими впередъ товарищами.

Ихъ пѣхомъ всыхиваетъ бензинъ. Черезъ нѣсколько секундъ пластины забушеваютъ внутри танка.

Раѣбрасыма бормы водѣ, не успѣвъ добѣрѣть, механикъ слышитъ вѣрнь — это взорвались баки.

Съ противоположной стороны начинается пушкетная стрѣльба.

Лейтенантъ, изобразившись на берегу, устанавливаетъ пушкетъ и, прыгнувъ въ ленту, гыпкастъ очередь за оче-релью. Патрона кончатся. Бросиевъ пушкетъ, лейтенантъ кричитъ:

— Дѣржать на развалины деревни! Тамъ должны быть наши! И, отѣйтѣ изъ револьвера, онъ первый поднимается и бѣгомъ по взорваному воронкамъ полю.

Задѣмъ, оинъ за другимъ, перебѣгаютъ солдаты. Надъ головами со свистомъ летятъ снаряды, покидаютъ о краинъ пушкѣ. Бой вновь разгорается.

Только въ сумеркахъ имъ удается добѣрѣться до развалинъ деревни.

— Стой! Кто идѣтъ? — раздѣлается окрикъ по французски.

— Свой! Изъ эскадрона 8-го танкового полка.

На фонѣ развалинъ вспыхиваетъ нѣсколько темныхъ силузтовъ. Они медленно подхоядуть къ танкѣстамъ.

Черезъ часъ лейтенантъ, какъ бытъ, въ разорванномъ костюмѣ, съ грязнымъ лицомъ, докладываетъ вѣтъ мандрую пѣхотнаго батальона и просить его сообщить вѣтъ 8-й танковый полкъ объ его прибытии.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЬ
войны в Западной Европе.

(25-е продолжение.)

СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАЙОРА ФУКСА.

Ровно через час майор Уйтлей прибыл на сектор, против которого было расположено немецкий аэродром 40. Ничто не говорило о том, что здесь, на этом секторе, где в течение почти всего времени войны, происходили лишь стычки патрулей, может быть произведено наступление.

Пройдя в штаб противовоздушной обороны, майор Уйтлей был тутчась же принят начальником штаба, извещенным уже из штаба связи о том, что к нему на сектор прибудет английский офицер и сдаст очень важное сообщение.

— Что нового? — спросил с любопытством пожилой полковник, начальника штаба противовоздушной обороны.

— Видите-ли, господин полковник, — ответил Уйтлей, — нам только что получены агентурные сведения, что на нашем участке должны произойти какие-то события, в которых примут участие, какое-то типичное бомбометание. Что это за бомбометы, — я вам по могу сказать, во сколько случаев мы должны с вами разработать планы для случаев неожиданного налета неприятеля или какой-либо каверзы с его стороны.

— Понимаю, майор, — обычно сказал полковник. — Слава Богу, вот уж скоро всеми мыслями, какая я на этом секторе, и до сих пор ни одна немецкая «штапка» не могла пробраться через него. Оборона у меня, могу похвастаться, поставлена великолепно...

— Терь лучше, — ответил англичанин. — Но майор ходил лично с вами сейчай по картам еще раз проверять оборонную линию.

— Как жалею! — ответил полковник, вставая и направляясь к двери. — Прими вахту следовать за мной операционную.

В операционной комнате майор Уйтлей пробывал до поздней ночи. Много раз звонил телефон на различные участки обороны, но радиополковнику было отдано приказ усилить наблюдение и о каждом подозрительном шуме или движении (исправления сообщать. Наконец, посыпав долгими стараниями удалось установить, прежде всего связь с противовоздушной обороны.

Страшный грохот, от которого, казалось, провалился потолок, погнал подземное убежище штаба сектора. Сразу прекратился стук телеграфных ключей, замолчали радио-телефоны. Телефонисты и телеграфисты с бледными лицами бросились в выход. Начальник штаба, на полуслове обрывал разговор. Майор Уйтлей же первый момент показалось, что земля начала колебаться под ногами.

Ругаясь, начальник службы связи ловил своих солдат.

Раздался второй страшный взрыв. Потухло электричество.

В темноте, чей-то незнакомый голос кричал:

— Включите аккумуляторный свет! Я призываю!

Включите свет! Паникуйте мэста!

Через несколько минут вновь зажглись лампочки. Майор Уйтлей удивленно посмотрел на растерянное лицо начальника штаба.

— В чем дело? — как бы про себя, — спросил начальника штаба.

— Ничего не понимаю, — ответил Уйтлей. — Я был разбужен канонадой и сейчас же потерпелся прийти в себя.

Канонада началась около четырех часов утра, когда нашей противовоздушной обороны было отмечено появление каких-то аэропланов в воздухе, а затем в 6 часов утра, началась ураганный огонь по всем линиям. И снесся с секторами спираль и сильная волна. Море отлив, поднимавшие наши передовые линии.

— Но этого добийский взрыв? — спросил Уйтлей.

— Наверное детонация какого-нибудь порохового заряда в одном из укрепленных фортах линии Мажино. Хотя это почти невозможно. Они находятся глубоко под землей.

В то время, когда начальник штаба дышал эти предположения, начальник связи выбывал из силы, чтобы восстановить работу радио и телефонов. Благодаря взрыву несколько радиолампочек разбились от сотрясения, а некоторые аппараты, более чувствительные, совершили разрывание. Наконец, посыпав долгими стараниями, удалось установить, прежде всего связь с противовоздушной обороны.

— Алло! алло... — надрывисто кричал телефонист.

— Плохо слышу!

— Теперь лучше! — говорить штаба сектора! — да, да, штаба сектора! Что у вас случилось...

Начальник штаба всплыл глазами в лицо телефониста. Он, казалось, хотел заглянуть в затылок поднявшей коробку солдата и скорее узнать, что происходит там, на несколько километров вперед.

Наконец, солдат передал своему помощнику письменники и поднявшись вытинался.

— Господин полковник! Мне только что получено донесение из штаба противовоздушной обороны. В 6 часов утра посты номер 18, 64, 78 и все передовые посты были забытыми. Не желая подвергать опасности своих водуших кораблей, так как согласно сообщению постов, они вели бой с непрятельскими истребителями, огонь зенитных батарей был открыт лишь после того, как бомбометы оказались за первым поясом зенитных батарей. Только после этого было открыто зенитный огонь, чтобы отразить непрятельские истребители. Но как только бомбометы оказались за линией укреплений, они неожиданно сникнули винт и обрушились на землю, при этом произошло два огромных взрыва. Благодаря взрывам, были из пылью временно парализованы связи.

— О том, что нарушена связь, я знаю, — резко замягчил полковник. — Капитан, как скоро будет наложено телефонное сообщение с боевыми участками сектора? Неужели нет возможности немедленно восстановить связь?

— Господин полковник, — вдруг неожиданно сам для себя сказал Уйтлей. — Разрышите мне воспользоваться первыми моторизованными соединениями, чтобы отправиться с ними на участок фронта, подвергшийся бомбардировкам противника.

— Давайте все, что хотите, — ответил раздраженно полковник, почтая кризис. — Мне нужна связь! Только связь! Мне нужна связь!

Майор Уйтлей поспешно вышел из штабного блока в облегченном виде.

«Какие не похожи по своему характеру французы на нас, британцы, — думал майор Уйтлей, иди во боевой поход, по которому все время двигались по направлению к фронту автомобили с резервами. На востоке в бойдом разсыпалася начинаясь для буханки пушки. Высоко в небе с рокотом неслася эскадрилья истребителей.

— Что же делать? Как попасть в штаб танковых войск? Нужно кого-то спросить, нужно что-то предпринять! — продолжал думать майор Уйтлей.

На поход, впереди его, в утренней мгле, копешася какая-то темная фигура охотника мотоциклиста. Майор принял ее за темную фигуру мотоциклиста.

— Алло, бой! — сказал он, подходя к мотоциклиству. — Не можете ли вы меня доставить сейчас в штаб танковых войск?

Солдат поднял голову и, увидав офицера, поклонился оторвался от работы.

— Я бы вас доставил с большим удовольствием в штаб, — ответил он, глядя на солдата. По его акценту майор Уйтлей угадал в нем гасконца. — Но эта проклятая машина уже с утра мучает меня. В прошлую ночь мне пришлось съездить около 100 километров, разыскивая приказаний, а сегодня, не успев и отъехать десять километров, как она стала капризничать и вдруг сжалася вокруг уже час...

— Какой вы часты? — спросил Уйтлей?

— Сияя штаба легких танков и броневых машин! Я лежу, майор, вижу лучше дойти пешком, тут со всеми близко, всего каких-нибудь пятьдесят шестьдесят метров. Идите прямо по походу и при первом повороте увидите столб — указатель, там написано и даже на доске парковка танков.

— Спасибо, — ответил Уйтлей, давя на прощание солдата сигарету.

Через несколько минут, действительно, майор Уйтлей увидел столб, о котором говорил солдат. От него вела тропинка к ближайшим холмам, подводящим к которым Уйтлей обнаружил великолепно замаскированный вход в подземное убежище. Часовой у железной двери оставил машину англичанина:

— Пропуск!

Майор выпул из кармана синтесионное удостоверение и показал его солдату. Внимательно просмотрев почат и подпись, солдат выглянулся и отдал честь. Уйтлей быстрым шагом стала спускаться вниз по деревянной лестнице.

Уже на половине пути до его служа донесся звук работающих аппаратов телефонов и стук инженерных машин.

В открытую дверь были видны согнутые фигуры сидящих за работой солдат. Несколько офицеров, в честь которых сидели около карты, приложив кночками к деревянным рейкам на столе.

Подойдя к группе офицеров, майор Уйтлей спросил, отдавая честь:

— Могу я видеть начальника штаба? Просил вас, доложите, что офицер связи английской армии, майор Уйтлей, хочет срочно говорить с ним.

Одний из спорящих с напавшими полковника поднял голову и вбежал в ответил:

— Чем могу служить?

— Я только что увидел у начальника сектора и получил от него своеобразное разрешение участвовать в намечающейся операции вашей воинской части. Я бы просил вас, господин полковник, разрешить мне занять место на командной машине.

— Конечно, конечно, майор, — ответил любезно полковник. — Я только что получил приказание из штаба сектора направить в образовавшийся прорыв, посыпав первую укрепленную линию, вторую танковый полк.

— Вот на этом участке, — повернувшись к картам, полковник стал водить своим стаконом, указывая майору место прорыва, — пыль сильно наливается. Они влезли в бой не только пехоту, но и танковые части. Благодаря неожиданности наледи и полному разрушению передовых укрепленных линий, наши части стояли приблизительно на 8 километров.

— Как произошло нападение? — спросил Уйтлей.

— Сейчас еще не выяснило. Но по всему, первая линия была взорвана салютом, которую бомбы сумели так тихо

запустить, что наши саперы проморгали.

(Окончание следует.)

ВНЕЗАПНЫЙ УДАРЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВСТЬ
войны в Западной Европе.

(26-е продолжение.)

Салют? — майор Уитлей качает недоверчиво головой.

В это время один из солдат связи подает полковнику мелко исписанную на машинке бумагу. Быстро профлюя ее глазами, полковник возвращается к окружавшим его офицерам, говоря:

Через полчаса я приказываю двинуть второй танковый полк в следующем направлении, — и, повернувшись к карты, он начинает четко излагать операцию, указывая при этом, на все неожиданности, которые могут быть при выполнении задачи. Его указы, как живая, блеск на карты, по ходам, оправам, линиям. Офицеры записывают приказы начальника штаба на новоминные книжки. Майор Уитлей дает замечки на свою панцирьскую карту.

Ударъ будет нанесен, — продолжает дальше полковник, — с фланга. Сейчас на фронте обстановка еще не установилась и поэтому операция намъ может быть удалась. Италия, желая успѣха, господъ! — и, повернувшись к майору Уитлей, онъ продолжаетъ: — Вы господин майоръ, можете сейчас же выйти со капитаномъ первого эскадрона, мотоциклами довезти васъ до штаба полка. А тамъ, уже панцирника, найдется для васъ место. Капитанъ, поручи вами господина майора и передайте от меня полковнику, что я лично егошу выполнить вскую просьбу майора.

Черезъ двадцать минутъ майор Уитлей заназъ место командирскому танку первого эскадрона разведчиковъ.

Холодный утренний вѣтеръ вернулъ созданіе фельдмаршала Фукса. Нога лудо болѣла. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась боль. Майоръ, открывъ глаза, увидѣлъ прямо передъ собой, сѣрое утреннее небо, повернувшееся на бокъ, онъ глазами уперся въ стѣну рыхлой земли. Попробовалъ встать. Но сейчасъ же со стопами поклонился на землю.

Надо было парашитъ. Майоръ Фуксъ приподнялся на локтяхъ. Осмотрѣлся.

— Я, кажется, попалъ въ борону, — громко сказалъ онъ самъ себѣ. — Кажется, у меня что-то недавно съ ногой.

Отстегнувшись на груди ремни всенужнаго теперь каскодордного аппарата и ремни парашута, Фуксъ сталъ смотреться на локтяхъ, стараясь пристыдиться. Но какъ-нибудь сантиметръ этого подсознания доставилъ ему неизбранный болѣ. Иная сущна, въ ногѣ чувствовалась острыя боль. Наконецъ, посыпавъ ногу сѣрою, Фуксъ прислонившись спиной къ краю боронки. Каскодордный аппаратъ, снятый съ груди, жалъ ему болѣ. Корзина отъ боли, Фуксъ отодвинулъ аппаратъ и стала руками щипать ногу. Донесло до колѣнъ, онъ почувствовалъ неизбранную боль. Въ глазахъ пошли искры и показались слезы. На минуту отъ боли Фуксъ потерпѣлъ сознаніе.

Гдѣ-то близко разорвался снарядъ. За нимъ послѣдовала другая и третій. Потомъ зарокотали пулеметы.

Надѣрусь сѣль бой.

Когда теперь выбраться? — думалъ Фуксъ. Собственно, гдѣ я сплюзился? — Въ расположении ли противника, или со своимъ линией? Проклятая нога!

Повернувшись на животъ, теряя отъ рѣзкихъ движений сознаніе, Фуксъ началъ при помочи локтей ползти по каменистому краю боронки.

Гдѣ-то близко, совсѣмъ близко, раздался жалѣзный скрежетъ.

— Танки! — съ дрожью въ сердѣ подумалъ Фуксъ. Онъ уже почти доползъ до края боронки, осталось еще какъ-нибудь полметра. И тогда онъ увидѣлъ, что торчатъ на поверхности. Но звуки пузы и по свисту снарядовъ Фуксъ опредѣлилъ, что струящимъ откуда то спрана налево. Но вотъ, его голова показалась надъ краемъ и въ это время это оглушительное страшное скрежетъ желѣза и громкій разрывъ спрапа. Вѣзвъ голову въ плачи, Фуксъ посмотрѣлъ направо. Въ какомъ-нибудь полметре отъ него онъ увидалъ громкое и прѣблажающееся танка, который, какъ донотопое живое, глубоко въхмѣя разрыхленную землю своими гусеницами, сѣль на него.

Фуксъ закричалъ. Инстинктивно поднесъ ладони къ лицу и потерпѣлъ опору, какъ мышкой покатился обратно въ боронку, потерявъ сознаніе. Майоръ не чувствовалъ, какъ танкъ, должно быть получивший снарядъ, наложился на бокъ и грузило, давъ все на пути, своей пятнадцатитонной громадой скользнула на безчувственное тѣло Фукса. Надъ боронкой торчали гусеницы, а надъ раздавленнымъ тѣломъ съ блѣдной обезображеніемъ головой, того, который мечталъ о полновинчихъ погонахъ, и кто

носилъ чинъ фельдъ-майора, видѣлъ заливленный грязью рисунокъ гальянского пѣтуха. Но его уже не видѣлъ мертвый глаза Фукса,

Майоръ Уитлей съ любопытствомъ наблюдалъ за слаженной работой маленького экипажа танка и совершенно не замѣтилъ, какъ о бронѣ его начали щелкать пули. Вспыхнувъ въ бойницу, Уитлей увидѣлъ, что танкъ выѣхалъ на высокий гребень холма, что уже давно надъ забронироваными стѣнами танка вились солница.

Съ холма было видно, какъ налько, широкими фронтами, движутся подъ залѣзой желтой вылѣ насколько десантъ брошенныхъ машинъ.

— Это противникъ? — повернувъ голову къ командиру танка, спросилъ Уитлей.

Французский капитанъ, вмѣсто отвѣта махнувъ вакхономъ голову.

— Кажется, будешь жарко! — съ усмѣшкой сказали Уитлей и его загорѣлое лицо стало строгимъ, словно вылитое изъ металла.

Совсѣмъ недалеко медленно идетъ колонна танковъ врага. Сейчасъ она хорошо видна майору и онъ насчитываетъ ей 43 машины. Да еще за полотномъ възломъ возылился башни танковъ другой колонны.

Майоръ огладилъ мѣстьность. Бугры, поросшіе рѣдкими, чахлыми кустами, глубокіе котловины, остатки лѣса, смесицій артиллерійскимъ огнемъ и наѣздомъ жесткихъ деревьевъ.

«Если колонна танка зайдетъ во флангъ, — мелькаетъ мысль въ головѣ майора Уитлея, — будешь жарко!»

— Если выбросятъ впередъ нашъ второй полкъ и придадутъ къ нему цунами и откроютъ огонь по танкамъ нѣмцевъ, они немедленно повернутъ со спускою пути сюда! Вотъ такимъ образомъ мы можемъ сорвать всю ихъ гренадировку и все ихъ планы! — думаетъ майоръ и сейчасъ же дѣлаетъ своими мыслями съ командиромъ танка.

Французы придаютъ это мѣсто и онъ сейчасъ же отдаетъ приказаний по радио, находившись въ его распоряженіи радио набѣхты залить оборонительную позицію, которая великолѣпно вѣна въ холмѣ. Затѣмъ онъ приказываетъ восьмымъ танкамъ и двумъ орудіямъ его эскадрона выбираться впередъ до краинныхъ бугровъ и оттуда открыть огонь по пѣхотѣ врага, идущей подъ прикрытиемъ танковъ.

— Думаю, что руководить боемъ буде лучше, если мы выѣдемъ изъ танка, — говоритъ французъ послѣ того, какъ онъ приказалъ было передать. — Я думаю сейчасъ послать мой танкъ въ штабъ со докесеніемъ.

— Пожалуй, буде лучше, — отвѣтѣлъ майоръ Уитлей, вылезъ изъ танка, локтъ которого былъ уже открыты.

Вѣхать на вершинѣ холма, майоръ Уитлей удобно расположился среди колючихъ кустовъ. Скоро къ нему присоединился капитанъ командира танка, а внизу, на склонѣ, запицченный отъ пуль, радио-телефографистъ съ переносной станціей.

Майору было видно очень хорошо, какъ просматриваются ложбинки по высокой и желтой осенней, густой травѣ, танки съ пушками и прицѣлами. Какъ командиръ вѣхаетъ и выбираетъ позиціи. Гдѣ-то позади, на буграхъ должно быть, расположилась цѣль пѣхоты. Приятель, разглядывая въ бинокль, майоръ не сразу обнаружилъ ее изъ-за мѣстныхъ холмовъ.

Иными подходами все ближе и ближе. Сквозь облака пыли зловѣщѣ пылали рыхлые диски солнца. Въ нѣй гудѣтъ чѣло аэропланы. Въ бинокль видно, какъ за хвостами ихъ плещутся въ воздухѣ антицы.

— Нагадай синѣе! Хорошо бы сюда зенитную батарею! — думаетъ майоръ, и невольно осматривается. Спиралью аэропланъ спускается ниже. На его крыльяхъ и фюзеляжѣ телевъ ино виднѣются черные кресты и знаки панцирной. Но вотъ самолѣтъ, чѣмъ то напуганный, вдругъ взмылъ въверхъ и уходилъ изъ лѣнѣ фланга, гдѣ рѣзко викинулся и вновь круто вспомысалъ въверху. Вину подъ пылью, на землю, видѣлъ рѣзкій блескъ пламени, и жгутъ изъ-за дымы.

— Показывать цѣль своимъ, — говоритъ майоръ капитану. — Ужъ не обнаружилъ ли онъ батарею? Если такъ, то нѣмцы танки могутъ сбраснуть туда. А то что буде? съ нашими танками въ орудіяхъ? Почему они колютъ?

— И самъ удивляюсь, — отвѣтѣлъ капитанъ и, повернувшись вину къ кричать радио-телефографисту: — соеди-

нитесь съ батареи и танками, отправленными съ заданиемъ, чтобы они немедленно открыли огонь.

Слово отвѣтѣлъ своему командиру, вмѣстѣ съ гремѣющими танками. Изъ стволовъ орудій вылетаютъ длинные стойбины пампасы. Въ единицѣ имъзначается быть батареи. Ее снаряды падаютъ и рукаетъ прямо у вѣхицкихъ машинъ съ пѣхотой, слѣдующими приблизительно въ полукилометрѣ отъ танковъ противника. Уитлей вспоминаетъ рукою съ биноклемъ, охваченный чисто спортивнымъ порывомъ въ громко кричать:

— Давай! Давай! Растрѣливай!

Онъ видитъ, какъ вражеские танки съ заданиемъ развертываются и идутъ въ атаку на французскихъ танки въ пушки. Группа танковъ отдѣляется отъ колонны и идетъ възле. Остальные же идутъ прямо, то пырая во вѣдрами, то вспышками изъ боронки. Нѣмецкие танки ведутъ огонь. Снаряды вѣутъ на буграхъ, вздымаютъ възки въ нѣмѣ.

Внѣзу, подъ холмомъ, съ которого наблюдаетъ майоръ Уитлей, останавливается маленький танкъ. Изъ него выѣзжаетъ нѣмецкий человѣкъ. Около майора появляется привѣбывающій къ землѣ, фигура полковника начальника штаба. Ему въ голосѣ доказывается капитанъ объ отданнѣ распоряженій. Майоръ Уитлей слышитъ чисты и спокойныя слова.

— Мое рѣшеніе — сбыть подготовку врага. Сейчасъ колонна танковъ уже разверзла. Она вѣтромъ обще рукою вѣдома.

— Правильно! Капитанъ, — говоритъ полковникъ. — Сейчасъ пододѣтъ къ вѣму вѣжливѣю свою танки и пушки, а за ними и пѣхота. Нужно любыми жертвами удавить позицію.

— Если все будетъ какъ сейчасъ, то нѣмцы вѣдь удастъся прорваться. Единственное, что меня беспокоитъ, это отсутствие воздушной маскировки. Вѣдь аѣмѣцъ аэропланы корректируютъ стрѣльбу, — капитанъ указываетъ на зѣль флангъ, гдѣ кружатся нѣмецкіе аэропланы. — Боясь, что если и подѣли они накроютъ батареи.

— Похоже, — въ раздумы отымающаяся позицію. И поспѣшилъ начинать спускаться вѣнь въ танкъ, бросаю въ ходу: — сѣйтъ и буду танкъ. Жалко уѣхѣти!

Проводилъ полковника до танка въ ножахъ съ рукой, майоръ Уитлей вновь возвращается възвѣрь. Укрывшись за кустомъ, онъ наблюдаетъ по биноклю за боями. Отдѣшившись отъ колонны, танки нѣмцевъ уходятъ далеко — изъ обозрѣнія артиллерійскимъ огнемъ яко. Въ вскорѣ лаунчъ солдата между стволами изъ гибкости вспоминаются какъ-то танки и вновь скрываются изъ вѣда.

По другимъ танкамъ ураганный огонь ведутъ французские танки и батареи.

— Ей-сї, молодцы! — вскрикиваетъ майоръ, вмѣстѣ съ пѣхотой и вновь вѣвашисьѣ за него.

Отъ одного удачнаго понадѣянія брони нѣмецкаго танка треснула и свернулась бумажнымъ листомъ. Изъ середины его выбросилось пламя и танкъ засмылся.

Надъ батареи накрываетъ нѣмецкіе аэропланы. Радио выѣхѣтъ вѣдома чёрная облака земли.

Развѣшившій дымъ открываетъ уѣзжанію французскую батареи.

— Давай! Давай! — кричать съ залѣзомъ майоръ, не слыши своего голоса.

Въ зонтичной и на буграхъ вѣвастъ уже не синѣй нѣмѣцкаго танка. Зловѣщѣ стойбѣ дымъ поднимаются въ нѣмѣцкіи буграхъ. Вѣхъ содрогается отъ грохота разрывовъ, отъ глуши орудійного боя. Глаза майора Уитлея блестятъ. Но вскорѣ тѣльѣ бѣжать жаркая волна первѣсто вспомыселъ. Её захватываетъ раскрытие передъ глазами картина боя.

Но вѣтъ синѣтии начинать ложиться все ближе и ближе къ наблюдательному холму. Уже синѣть, вздымаѣть пыль, пуль.

— Пора уходить! — говоритъ капитанъ майору, въ подъѣздающими отѣѣтъ, обѣйтъ вѣнь. Майоръ отѣѣтъ вѣсѣлько мѣдромъ изъ танка, поднимается и, притѣзясь къ землѣ, бѣжитъ всѣль за капитаномъ. Пробѣжалъ зонтичку, она вѣтъ, занимавшись, поднимается на склонѣ холма.

Отиѣдя опять вѣдѣть весь участокъ боя. Надѣвъ по биноклю, вскорѣ видѣть пѣхоты вѣхоты танковъ. Къ нимъ приближается тѣѣ нѣмѣцкіи танки.

Вѣхъ синѣтии стоять противоположнѣе батареи. А вѣтъ много дальше — легкая батарея, которая вѣтъ во вѣхѣ пѣхоты, черными точками вѣзывающейся за горизонтъ.

Капитанъ, миму споткнуться вѣхомъ, затѣмъ быстро сѣйтъ вѣтъ вѣхомъ къ противоположнѣе орудію.

— Быкать на отѣѣтую позицію, — кричать онъ.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные
цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.